

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2012 • ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Переводческая критика

- Горикова В.Е. «Да будет имярек»: «Французский роман» Фредерика Бегбедера как вызов переводчику 3
- Мошонкина Е.Н. «Un art en crise» (1982) Е. Эткинда и теории поэтического перевода во Франции (к 30-летию выхода книги) 16

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Водяницкая А.А. Классификация эвалюативной семантики в переводческом аспекте 26
- Мешкова Е.М. Функция воздействия в поливекторных дискурсах и перевод 38
- Парина И.С. Описание фразеологизмов в двуязычном словаре как переводческая проблема 51
- Станкович С. О семантическом значении предлога *pour* и о способах его перевода на сербский язык в романе «Французское завещание» Андрея Макина 59

Вопросы терминологии

- Кульпина В.Г. Лексикографическая история терминов цвета как шаг к переводным словарям цветолексем 74
- Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Русско-английские соответствия исторических названий Русского государства с точки зрения периодизации. 85

Рецензии, обзоры

- Чович Л.И. Обзор монографии Софии Милорадович «Музички жаргон младих и молодежный музыкальный сленг. Компаративни поглед» 96
- Иванова Е.П. Рецензия на монографию М.А. Марусенко «Языковая политика Франции» 104

Contents

Translation Criticism

- Gorshkova, V. Ye.* Да будет имярек: “A French Novel” by Frederic Beigbeder as a Translator’s Challenge 3
- Moshonkina, Ye. N.* Efim Etkind’s *Un Art en Crise* and Poetic Translation Theories in France (Celebrating the 30th Anniversary of the Book’s Publication) 16

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Vodyanitskaya, A. A.* Classification of Evaluative Semantics: Translating Evaluative Judgments. 26
- Meshkova, Ye. M.* Function of Impact in Multi-Vector Discourses and Translation 38
- Parina, I. S.* Describing Phraseology in Bilingual Dictionaries: Translation Issues 51
- Stanković, S.* On the Semantic Value of the Preposition *pour* and Its Translation Into Serbian in the Novel *Le Testament Français* by Andreï Makine 59

Terminology Issues

- Kulpina, V. G.* Lexicographic History of Color Names as a Step towards Translation Dictionaries of Color Terms 74
- Minyar-Belorutcheva, A. P., Pokrovskaya, M. E.* Russian-English Equivalents of Historical Names of the Russian State in Terms of Periodization . . . 85

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КРИТИКА

В.Е. Горшкова,

доктор филологических наук, профессор кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

«ДА БУДЕТ ИМЯРЕК»: «ФРАНЦУЗСКИЙ РОМАН» ФРЕДЕРИКА БЕГБЕДЕРА КАК ВЫЗОВ ПЕРЕВОДЧИКУ

Название фильма как художественный приём способно выступать в качестве хронотопа литературно-художественного произведения. Будучи «именем» фильма, оно с некоторой долей аппроксимации может рассматриваться в ряду ономастических реалий времени культуры, что объясняет использование традиционных приёмов перевода, часть из которых может восприниматься неадекватно при отсутствии соответствующего когнитивного багажа переводчика/читателя.

Ключевые слова: перевод современной художественной литературы, ономастические реалии, название фильма как художественный приём, хронотоп, когнитивный багаж переводчика/читателя, приёмы перевода.

Vera Ye. Gorshkova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation, Translation Studies and Cross-Cultural Communication, Irkutsk State Linguistic University, Russia; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

«Да будет имярек»: “A French Novel” by Frederic Beigbeder as a Translator’s Challenge

A movie title as an artistic device can serve as a chronotope of a literary work. Being the movie’s “name” it can be regarded among other onomastic realities of the time of culture. Thus it accounts for the use of traditional translation techniques some of which can be misinterpreted if a translator/reader lacks necessary cognitive baggage.

Key words: translation of modern fiction, onomastic realities, movie title as an artistic device, chronotope, cognitive baggage of a translator/reader, translation techniques.

В настоящее время всё чаще говорят «о своеобразном эффекте инверсии в проведении научных исследований. Его суть заключается в том, что в начале инновационного цикла уже встают не фундаментальные исследования, а прикладные поисковые работы. <...> Все серьёзные обобщения делаются в результате кропотливой работы над конкретными прикладными проблемами. Иными словами, не фундаментальные открытия и разработки порождают серию частных прикладных изысканий, как это было раньше, а серия прикладных поисковых работ генерирует новые масштабные научные откровения. Такой парадигмальный сдвиг можно трактовать как переход от дедуктивного способа познания к индуктивному.

Теперь наука идёт не от общего к частному, а от частного к общему» [Белецкий, 2008]. Именно в таком ключе выполнено исследование, результаты которого изложены в данной статье.

Эпатажный французский писатель, не имеющий специального литературного образования, не ломающий себе голову над тем, в рамках каких традиций он пишет, но при этом выпускающий по книге в год; подросток, который никогда не повзрослеет, небогатый воображением и поэтому пишущий о том, что пережил сам; избалованный циник, белая ворона парижских светских вечеринок, самый переводимый французский романист — вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми наделяют Фредерика Бегбедера, автора нашумевшего «Французского романа» [Beigbeder, 2009], несомненные литературные достоинства которого были отмечены престижной премией Ренодо за 2009 г.

Толчком к написанию книги послужил громкий скандал. Писатель был арестован полицией за непристойное поведение: будучи навеселе, он раскатал кокаиновую дорожку прямо на капоте автомобиля, припаркованного в центре Парижа. Тягостное двухдневное пребывание в камере предварительного заключения оставило ему единственную возможность — «выйти на свободу в своих мечтах и фантазиях <...>, нырнуть в воспоминания о детстве» [Бегбедер, 2010a].

Для переводчика роман Ф. Бегбедера интересен не только своим оригинальным построением по типу «séances permanents — непрерывных киносеансов», характерных для французских кинотеатров середины XX в. (*J'ai placé la fin au début, et j'espère que ce récit se terminera par un commencement (ma libération)* (p. 157) — *я начал с конца и надеюсь, что кончу началом (освобождением)* (с. 205)¹, не только любопытными иконическими решениями построения полиграфического текста, такими как уменьшение шрифта для отражения понижения голоса говорящего (гл. 40), не только едкими и саркастическими характеристиками современного французского общества. «Французский роман» интересен ему прежде всего как конгломерат переводческих проблем, требующих далеко не однозначных решений.

Впечатляет элементарный количественный анализ лексического состава текста романа, многие элементы которого можно по праву отнести к разряду «непереводимых»: использование сниженной лексики (170), заимствований из других иностранных языков, главным образом, англицизмов (144), медицинской (133), юридической (136) и кинематографической (14) терминологии, аббревиа-

¹ Здесь и далее перевод Елены Головиной. Цифры в скобках отсылают соответственно к текстам оригинала [Beigbeder, 2009] и перевода [Бегбедер, 2010б]. — В.Г.

тур (58), реалий (топонимов — 201, антропонимов — 314, названий фирм/магазинов/брендов — 160, и т.д.). (Да простит нам уважаемый читатель погрешность подсчёта в 5—10 единиц!) А если учесть, что многие из них повторяются в тексте до десятка раз, создавая упомянутый выше эффект «непрерывного киносеанса», или, говоря языком лингвистики, своего рода рамочную конструкцию, позволяющую свести в единое целое разрозненные воспоминания детства воспалённого мозга возмутителя спокойствия добропорядочных парижан, становится очевидной их значимость как смысловых опор анализируемого литературного произведения, позволяющих выстроить жизнь писателя не просто по хронологическим меткам, а по тем событиям, фактам, объектам, предметам быта, которые оставили неизгладимый след в его памяти как представителя поколения французов, живущих во Франции на рубеже XX—XXI вв.: “*Telle est la vie que j’ai vécue: un roman français*”. — «*Такова жизнь, которую я прожил, — французский роман*». Такой обширный иллюстративный материал мог бы лечь в основу оригинального образовательного проекта, своего рода «теории перевода в действие», но это тема отдельного разговора.

В приведённом выше перечне в подавляющем большинстве присутствуют лексические единицы, рассматриваемые традиционно в разделе переводческой ономастики или ономастических реалий [Виноградов, 2004; Гарбовский, 2004; Ермолович, 2005; Горшкова, 2006 а]. Примечательно, что в композиционном плане эти единицы позволяют построить практически исчерпывающее генеалогическое древо семейства Фредерика Бегбедера, включая всех его многочисленных бабушек и дедушек, дядей и тётей, кузенов и кузин в окружении реальных персонажей многовековой истории человечества, среди которых присутствуют библейские персонажи (Иисус Христос, Авель и Каин), философы (Сенека, Кант, Шопенгауэр, Барт, Фуко), известные исторические деятели (де Голль, Миттеран, Помпиду, Ширак, Ганди, Гитлер), литераторы (Шекспир, Ронсар, Рабле, Диккенс, Достоевский, Гюте, Пюго, Пруст, Бодлер, Мориак, Хемингуэй, дю Гар, Шоу, Рембо, Жид, Сартр, Камю, Селин, Виан, Перек, Туле, Валери, Саган, д’Ормессон, Набоков, Борхес, Азимов, Сан-Антонио, Кэрролл, Брэдбери, Лимонов), великие композиторы (Шуберт, Пуччини), шансонье (Серж Реджани, Барбара, Мустаки, Нино Ферре, Элтон Джон), руководители крупных фирм, издательств (Антуан Рибу — компания *Danone*, Форест Марс — компания *Mars*, Жан-Доминик Боби — бывший главный редактор журнала *Elle*), сказочные персонажи (Дед Мороз, Синяя борода, Мальчик с пальчик), актёры (Жерар Филипп, Мишель Галабрю, Луи де Фюнес, Брижит Бардо, Ив

Ренье, Пьер Фресне, Робер Оссейн, Джек Николсон, Дастин Хофман...)².

Позволяют они совершить и увлекательную прогулку по Парижу (Сена, остров Сите, предместье Сен-Оноре, Елисейские поля, Булонский лес, бизнес-квартал Дефанс, бульвар Сен-Жермен-де-Пре, Люксембургский сад), и познакомиться с дорогими сердцу Ф. Бегбедера местами (Сениц, Гетари, Патракеня), прошедшими пунктиром по жизненному пути автора, не говоря о бесчисленных проспектах и улицах городов мира, где приходилось бывать Ф. Бегбедеру на протяжении его жизни (Фонтенбло, По, Лимож, Пуатье, Рим, Амьен, Довиль, Нёйи-сюр-Сен, Кан, Женева, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Бангкок, Сидней...).

Впечатляют бесконечные отсылки к реальным историческим событиям, не всегда датируемым, но приводимым в сопоставлении с другими, возможно, гораздо более важными с точки зрения истории развития человечества событиями, позволяющими восстановить хронотоп происходящего как материализацию времени в пространстве, например, через использование мемориативных топонимов (в терминах В.С. Виноградова [Виноградов, 2004, с. 111]):

(1) *C'était vingt ans après Auschwitz et Hiroshima <...>* (p. 98) — *Минуло 20 лет со времён Освенцима и Хиросимы <...>* (с. 126).

(2) *Ce n'est qu'en mai 1981, avec l'élection d'un Vichyssois résistant <...>* (p. 79) — *Лишь в мае 1981-го, после избрания на президентский пост участника Сопротивления, сотрудничавшего с правительством Виши <...>* (с. 100).

Любопытно в этой связи использование переводческих комментариев. Сравните: в оригинале романа Ф. Бегбедера содержится всего 4 (!) авторских сноски, тогда как в тексте перевода насчитывается 99 примечаний переводчика, 30 из которых — русские эквиваленты английских выражений, приводимых во французском тексте.

Так, например, переводчик объясняет, кто был этим *Vichyssois résistant* в приведённом выше примере (2). Речь идёт о Франсуа Миттеране, по заданию руководства Сопротивления сотрудничавшем с коллаборационистским правительством маршала Петена в годы Второй мировой войны. Но при этом, что, на наш взгляд, не совсем логично, отсутствует комментарий для представления другой выдающейся исторической личности, генерала де Голля (повидимому, переводчик полагает, что французский читатель лучше владеет английским языком, чем российский, который при этом,

² Все эти имена не случайно приводятся на ПЯ как имеющие устоявшиеся соответствия в русском языке и практически не нуждающиеся в комментариях, учитывая всемирную известность их обладателей.

по определению, должен прекрасно ориентироваться во французской истории):

(3) *C'était la France d'avant mai 1968, encore dirigée par un général en uniforme gris* (p. 97) — *Это была Франция, которой до 1968 года руководил генерал в серой форме* (с. 126).

Приводимые в романе лингвокультурные типажи (в терминах О.А. Дмитриевой [Дмитриева, 2007]) характеризуются определённой значимостью в культуре и служат ценностными ориентирами, поскольку, как отмечал П. Флоренский, «с некоторыми именами связывается в истории некоторый определённый вид общественных отношений и характер вытекающих отсюда событий» [Флоренский, 1998, с. 483]. Что касается «Французского романа», Ф. Бегбедер в ряде случаев сам представляет ту или иную историческую фигуру, облегчая тем самым восприятие текста читателем:

(4) *dont parlait le Premier ministre à voix de canard* (Jacques Chaban-Delmas) (p. 188) — *о чем вещал нам утиным голосом премьер-министр* (Жак Шабан-Дельмас) (с. 245).

(5) *<...> il travaillait avec Antoine Riboud, le PDG de BSN Gervais Danone* (p. 204) — *(работал на Антуана Рибу, президента и генерального директора компании "BSN Gervais Danone")* (с. 267).

Вполне понятны и авторские метафоры, в достаточной степени эксплицируемые ближайшим контекстом:

(6) *derrière le palais de justice de Paris, en plein coeur de la Ville lumière* (p. 190) — *сразу за Дворцом правосудия, в самом сердце Города света* (с. 249).

(7) *Ronsard a dédié une ode à l'un de mes aïeux <...>. Malgré l'avertissement lancé à mon trisaïeul par le "Prince des poètes" <...>* (p. 51) — *Одному из моих предков Ронсар посвятил оду <...>. Невзирая на предостережение «князя поэтов», обращённое к нашему далёкому предку <...>* (с. 59—60).

Однако даже будучи подкреплёнными таким количеством примечаний-экспликаций переводчика указанные феномены не исчерпывают вопросов, возникающих при чтении «Французского романа» наивным читателем на ПЯ, и, позволим себе высказать предположение, не только при чтении переводного текста. Дело в том, что роман Ф. Бегбедера не может быть отнесён к разряду лёгкого чтения, учитывая тот факт, что многие из приводимых ономастических элементов стали историей даже для самих французов в наш стремительный век развития техники и новых информационных технологий (ср.: *Radio-CD*, p. 39; *le premier téléphone mobile Radiocom 2000, le premier magnéscope Betamax*, p. 142). (Вспомним видеоряд мультфильма американского режиссёра Э. Стэнтона «Валл-И», расшифровка которого затруднена мощной интертекстуальностью времени культуры [Горшкова, 2010, с. 22].)

В этой связи в рамках отдельного исследования мог бы быть интересным психолингвистический эксперимент на восприятие приводимой в тексте информации представителями разных поколений, например, 60-х и 90-х гг. XX в. и первого десятилетия XXI в.

Такая «культурологическая непереводимость» (в терминах Дж.К. Катфорда) представляет собой яркую иллюстрацию феномена внутренней и внешней культурной дистанции [Горшкова, 2006б], где первую должны преодолеть носители языка, а вторую — представители принимающей культуры. И, если представители обеих культур без труда опознают такие всемирно известные бренды как Lacoste (Bermuda Lacoste, p. 43), Hermès (serviettes de bain Hermès, p. 63), Wrangler (un blouson en jean Wrangler, p. 93), Ted Lapidus (en costume-cravate Ted Lapidus, p. 140), Texas Instruments (calculatrices Texas Instruments, p. 142), Bic (la pointe de mon Bic, p. 149), Lego (une maison en Lego, un château de sable, p. 173), не утратившие своей популярности и значимости для потребителя и по сей день, совсем иначе обстоит дело с целым рядом названий товаров и продуктов, маркирующих отдельные исторические периоды (периоды времени культуры). Оцените, к примеру, с переводческой точки зрения, следующий пассаж Ф. Бегбедера:

(8) des spots pour des produits qui n'existent plus (les Wafers de Cadbury, Supercarambar, Topset, Picorette, Fruité <...>) ou passés de mode (Chocoletti, Ovomaltine, Canada Dry <...>) (p. 157) — *рекламу <...> разных продуктов: некоторые из них уже не производятся (вафли “Cadbury”, конфеты “Supercarambar”, “Topset”, “Picorette”, коктейль “Fruité” <...>), а другие безнадежно вышли из моды (шоколад “Chocoletti”, какао “Ovomaltine”, газировка “Canada Dry” <...>)* (с. 204).

Обратим внимание, что при переводе примера (7), как и в примере (2), переводчику пришлось прибегнуть к приёму культурологической экспликации (в терминах Т.А. Алексейцевой [Алексейцева, 2009]) в тексте перевода, учитывая разницу в фоновых знаниях читателей, а также образ читателя и оценку его когнитивного багажа переводчиком.

Другой приём — приём контекстуальной экспликации — оказался необходимым для эксплицитного представления ономастического ребуса Ф. Бегбедера, где перевод на русский язык абсолютно не отвечает когнитивному багажу русскоязычного читателя, не позволяя оценить суть приводимого имени, что потребовало от переводчика дать следующую экспликацию-кальку в сноске: De Soultrait — deux sous le trait — дословно «два под чертой» (фр.) (с. 269):

(9) Je me souviens d'un rébus qu'il dessina lors d'un déjeuner sur une nappe en papier Pierre/2. Ce qui signifiait son nom de famille (deux sous le trait = de Sopletrait) (p. 205) — *Помню, как-то за обедом <...> он*

нарисовал на бумажной салфетке ребус: «Пьер/2». Оказалось, он зашифровал своё родовое имя (Пьер де Сультре) (с. 269).

Соответственно анализируемый роман требует феноменальной эрудиции как читателей-франкофонов, так и читателей — представителей принимающей культуры, первым из которых, по необходимости, становится переводчик, который должен обладать более чем солидным когнитивным багажом в отношении культуры Франции означенного периода, поскольку в противном случае может возникнуть проблема адекватного восприятия оригинального текста иноязычным читателем, когнитивный багаж/фоновые знания которого не совпадают с авторскими.

Эти рассуждения как нельзя более верны в отношении особых, специфических «имён», выполняющих ту же функцию обозначения времени культуры, своеобразного хронотопа, смысловых опор (в терминах [Горшкова, 2006а]), что и перечисленные выше ономастические реалии, которыми изобилует текст «Французского романа» и на которых нам бы хотелось остановиться подробнее. Мы рассматриваем в качестве таковых названия фильмов, не только и не столько оказавших решающее влияние на формирование мировоззрения писателя и его творческое кредо, но прежде всего позволяющих восстановить столь важную для данного повествования «связь времён», благодаря которым последняя «не распалась», а укрепилась и способствовала формированию целостности картины. Число таких смысловых опор в романе достаточно велико, но вполне обозримо — 45.

Полагаем уместным сделать здесь небольшое, но необходимое, на наш взгляд, отступление. Как писал философ-богослов С.Н. Булгаков, «всякое именование есть суждение; иначе говоря, всякое имя имеет смысл» [Булгаков, 1999, с. 234]. И далее: «...имя есть сила, семя, энергия <...> именуя, именующий говорит: да будет имярек» [там же, с. 240, 242].

В этой связи хотелось бы процитировать один характерный случай из времён Великой Французской Революции, приводимый П. Флоренским, наглядно показывающий, насколько живо в человеческом сознании мнение, что «общественно не существует тот, у кого нет имени» [там же, с. 491] (пунктуация автора. — В.Г.):

«К суду революционного трибунала привлечён некто де Сен-Сир. Председатель предлагает ему обычный вопрос о его имени и фамилии. Между ними происходит следующий разговор:

“Моя фамилия де Сен-Сир”, — отвечает подсудимый.

“Нет более дворянства”, — возражает председатель.

“В таком случае, значит, я Сен-Сир”.

“Прошло время суеверия и святошества, — нет более святых”.

“Так я просто — Сир”.

“Королевство со всеми его титулами пало навсегда”, — следует опять ответ.

Тогда в голову подсудимого приходит блестящая мысль:

“В таком случае, — восклицает он, — у меня вовсе нет фамилии, и я не подлежу закону. — Я не что иное, как отвлечённость — абстракция; вы не подыщите закона, карающего отвлечённую идею. Вы должны меня оправдать”.

Трибунал, озадаченный такой аргументацией, действительно признал подсудимого невинным».

Почему эта пространная цитата представляется нам такой важной в приложении к кино? Дело в том, что в истории последнего, наверное, ещё ни один фильм не был показан на экране кинотеатра, не будучи «названным», «именованным», как минимум, на рекламной афише. Перефразировав слова П. Флоренского, можно сказать, что фильму, как и личности, существенно необходимо имя как «средоточие и сердце всей вещи» [там же, с. 452]. А коль скоро имя это необходимо, не вызывает сомнения ни факт его значимости для фильма как целого, ни важность адекватного его перевода в контексте этого целого. Что касается Ф. Бегбедера, фильмы, приводимые во «Французском романе», как на уровне собственно названий, так и на уровне упоминаний актёров — исполнителей отдельных, как правило, главных, ролей, — дают возможность понять и зримо представить саму эпоху взросления и становления личности автора в конкретных социально-исторических условиях, а также дать перцептивно-образное представление о реальных протагонистах жизни писателя, проживаемой им, как «Французский роман». Приведём в пример лишь два весьма показательных фрагмента:

(10) Dans ma chambre d'enfant <...> j'avais punasé, m'a-t-on dit, une affiche de film sur le mur: *Mon nom est personne*. Sans doute m'identifiais-je au héros (p. 21, курсив автора. — В.Г.) — *Мне говорили, что в своей детской спальне <...> я прикрепил к стене афишу фильма «Мое имя — никто». Очевидно, я отождествлял себя с главным героем (с. 18).*

Какую когнитивную информацию даёт нам название упомянутого в примере фильма? Во-первых, оно появляется во второй главе, повествующей о детстве писателя, где автор настойчиво проводит мысль о своей частичной или полной амнезии относительно всех фактов, касающихся этого периода его жизни, и поэтому название фильма оказывается весьма символическим. Во-вторых, «спагетти-вестерн» “My name is Nobody” («Mon nom est personne» / «*Моё имя — никто*») вышел на экраны в 1973 г. [PLF, 2004, p. 502], что позволяет нам, пусть и с определённой долей аппроксимации, определить возраст Бегбедера того времени — 7—10 лет. Примечания

тельно, что точная дата его рождения появится только в конце двенадцатой главы: *J'ai sottement choisi 1965 pour venir au monde* (p. 70) — *Я же не придумал ничего умнее, как прийти в этот мир в 1965-м* (с. 88). Соответственно в момент выхода фильма на экраны писателю было восемь лет, возраст, когда все мальчишки мечтают о подвигах и погонях. Что касается внешних данных, мы не знаем, с которым из героев Ф. Бегбедер отождествлял себя в детстве, но оба исполнителя главных ролей в фильме, как стареющий Генри Фонда, так и совсем юный Теренс Хилл — отчаянные синеглазые красавцы, в чем-то схожие с живописным детским портретом автора на обложке романа.

Подтверждает наши размышления и фрагмент (11), отражающий впечатления Бегбедера-ребенка от фильма «Papillon» — «*Мотылёк*» (США, 1973), рассказывающего о французском преступнике Анри Шарьере, ложно обвинённом в убийстве и приговорённом к пожизненному заключению в тюрьме для особо опасных преступников во Французской Гвиане, откуда ему удалось бежать [PLF, 2004, p. 561]. Фильм произвёл такое шокирующее впечатление на Бегбедера, что он, по его собственному признанию, ни разу не пересмотрел его, хотя с тех пор прошло тридцать лет:

(11) *Je n'ai jamais pu revoir ce film, même trente ans après. Il faut que j'arrête d'y penser, ou dans ma cellule je vais finir par me prendre pour Steve McQueen, manger les cafards et lécher le vomi qui sèche par terre* (p. 158) — *С тех пор прошло тридцать лет, но я так ни разу и не пересмотрел этот фильм. Всё, хватит о нём думать, иначе я вообразю себя Стивом Маккуином и начну жрать тараканов и лизать засохшую на полу лужу блевотины <...>* (с. 206).

Пример этот важен в контексте нашего исследования, во-первых, как отражающий хронотоп романа, являющийся, по определению, центром изобразительной конкретизации для всего произведения, во-вторых, как иллюстрирующий настроение автора во время его пребывания в камере предварительного заключения и дающий возможность зримо представить весь кошмар ситуации. Любопытно, что реальный прототип героя фильма не фигурирует в воспоминаниях писателя. Он отождествляет его с исполнителем роли Стивом Маккуином, позволяя читателю воочию «увидеть» преступника.

С собственно переводческой/технической точки зрения, сопоставление названий сорока пяти фильмов, эксплицитно фигурирующих во «Французском романе» Ф. Бегбедера, с вариантами их перевода на русский язык позволяет говорить о четырёх переводческих приёмах, использованных переводчиком Еленой Головиной — транскрипция, калька, аппроксимация и адаптация. Попытаемся проанализировать «точность попадания» перевода названий, по-

звolyяющего избежать пастернаковское «как непомерна разница меж именем и вещью» в контексте нашего исследования.

1. Перевод-транскрипция. Данный приём использован в пяти фильмах, главным образом, для перевода названий, содержащих реалии-антропонимы: “Tom et Jerry” = «Том и Джерри»; “Bugs Bunny” = «Багз Банни»; “Bugsy Malone” = «Багси Мэлоун», “Manix” — «Мэнникс», “Mulholland Drive” = «Малхолланд драйв». И если имена неразлучных друзей/врагов кота Тома и мышонка Джерри, а также нахального, находчивого и бесстрашного кролика Багза по-прежнему «на слуху» у современных ребяташек, то захватывающая история отчаянного гангстера и блистательного ухажёра Багси Мэлоуна, рассказанная в одноимённом английском мюзикле-пародии на тему гангстерского Чикаго 1930-х гг. и примечательного тем, что все роли в нём исполняют дети [PLF, 2004, p. 106], известна гораздо менее широко, и это название несомненно нуждается в комментарии переводчика.

Особое место в ряду анализируемых переводов-транскрипций занимает последний из упомянутых выше фильмов, действие которого происходит во время путешествия некой девушки в лимузине по шоссе Малхолланд. Шоссе названо так в честь американского инженера, под руководством которого была создана водопроводная инфраструктура Лос-Анджелеса. Получить эту информацию не составляет труда, используя ресурсы Интернета. Проблема в другом: каково значение транскрибированного слова «драйв» в названии фильма? (Вспомним, к примеру, реплику Д.А. Медведева в беседе с руководителями российских телеканалов 24 декабря 2010 г.: «Одной стабильностью развиваться нельзя, должен быть драйв. А драйв — это как раз желание что-то делать».) Соответственно имя фильма не пострадало от перевода: и оригинальное название, и его перевод остаются одинаково дистанцированными от зрителя, что, по-видимому, и задумывалось создателями фильма.

2. Перевод-калька (тридцать два фильма). В принципе, использование кальки позволяет сохранить максимальную близость оригинала названия и его перевода при условии его удобочитаемости и приемлемости на ПЯ (см. выше в примере (10) “Mon nom est personne” — «Моё имя — никто»). Любопытно, что, несмотря на это обстоятельство, переводчик посчитала необходимым в трёх случаях сопроводить текст на ПЯ переводческим комментарием, хотя подавляющая часть приводимой информации представляется весьма эксплицитной в самом тексте оригинала (12):

(12) <...> on sent qu’il cherche à ressembler à Yves Rénier dans le Commissaire Moulin (сохранена графика автора. — В.Г.) (p. 82) — <...> судя по всему, ему хочется быть похожим на Ива Ренье из «Комиссара Мулена» (с. 104).

Читаем в сноске: «Комиссар Мулен» — французский телесериал о работе уголовной полиции; в заглавной роли снимался актёр Ив Ренье (с. 104).

В русле наших рассуждений важно, что писатель в который раз, «визуализирует» ситуацию, опосредованно описывая внешность полицейского, задержавшего Ф. Бегбедера за совершение противоправного деяния в общественном месте, путём отсылки к реальному лицу, найти которого в соответствующих источниках не составит труда.

Такая же функция отводится и актёру Джеймсу Кобурну, напоминающему своей внешностью отца писателя (13):

(13) *Mon père affectionnait les gadgets, à mes yeux il était une sorte de James Bond: il ressemblait à James Coburn dans Notre homme Flint* (р. 142) — *Мой отец обожал технические новинки, мне он казался кем-то вроде Джеймса Бонда, и на самом деле походил на Джеймса Кобурна в фильме «Наш человек Флинт»* (с. 184—185)

И снова в помощь читателю даётся переводческий комментарий: «Наш человек Флинт» (1966) — фильм американского режиссёра Дэниэла Манна, одна из бесчисленных пародий на бондиану; в роли детектива Флинта снялся Джеймс Кобурн (с. 185).

3. Перевод-аппроксимация. Такой приём использован для перевода названий двух фильмов: “Les Pieds Nickelés en plein suspense” — «*Никелированные пятки на шухере*»; “La Petite” — «*Прелестное дитя*». Мы относим эти варианты перевода к переводу-аппроксимации, учитывая сохранение большей части содержания либо за счёт гипогиперонимического перевода (pieds ~ пятки), либо за счёт расширения текста перевода, что сближает этот приём с переводом-экспликацией.

4. Перевод-адаптация (шесть фильмов). Данный переводческий приём представляет особый интерес прежде всего с точки зрения причин, повлёкших за собой переименование фильма, поскольку, как писал С.Н. Булгаков, с философской точки зрения, «переименование, вообще говоря, представляет собой редкий, исключительный акт, который всегда должен быть достаточно мотивирован» [там же, с. 237].

Все названия фильмов из этой рубрики, приводимые на ПЯ, официально признаны в отечественном прокате: “Le Sixième Continent” — «*Земля, позабытая временем*», “Bip Bip et le Coyote” — «*Хитрый Койот и Дорожный Бегун*», “Le Shérif est en prison” — «*Сверкающие седла*», “La Dernière Folie” — «*Немое кино*», “Le Souffle au coeur” — «*Порок сердца*», “Absolutely Fabulous” — «*Красиво жить не запретишь*». Как правило, в оригинале Ф. Бегбедер приводит их, в основном, во французской версии, не уточняя происхождение фильмов, но подчёркивая свой пиетет перед именем режиссёра,

который был привит ему и его брату Шарлю отцом-киноманом, не знавшим, о чём разговаривать с детьми и заменявшим эту необходимость походами в кино:

(14) *il y eut <...> la période Mel Brooks dont il était fan et nous aussi (Le Shérif est en prison, La Dernière folie, Les Producteurs, et Frankenstein Junior qui m'a fait très peur) (p. 156, курсив автора. — В.Г.) — у нас были периоды увлечения <...> Мелом Бруксом, которого отец обожал, как, впрочем, и мы («Сверкающие сёдла», «Немое кино», «Продюсеры» и «Молодой Франкенштейн», жутко меня напугавший) (с. 203).*

Соответственно перечисление их названий способствует расширению когнитивного багажа читателя/переводчика и должно максимально соответствовать реальному положению вещей. Любопытна в этом плане судьба названий нескольких фильмов из приведённого выше списка. Приём перевода этих названий может быть отнесён к псевдоадаптации, поскольку переводчик совершенно обоснованно опирается при переводе на оригинальное название фильма.

Так, например, “La Dernière folie” представляет собой французскую версию американского фильма “Silent movie”, вышедшего на экраны в 1976 г., что объясняет калькированный перевод его названия, но не с французского, а с английского языка и создаёт впечатление некоего сотворчества при сопоставлении с русским наименованием. Аналогична ситуация и с фильмом «Сверкающие сёдла», название которого калькировано с английского “Blazing Saddles”, сатирической комедии-вестерна Мела Брукса (1974), в то время как в романе Ф. Бегбедера он фигурирует под адаптированным французским названием “Le Shérif est en prison”.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что опора писателя на фильмы и их названия может рассматриваться как некий оригинальный художественный приём, который, во-первых, восстанавливает хронотоп произведения, представляющего собой литературно-художественную автобиографию писателя, без необходимости точного воссоздания времени и места действия, и во-вторых, облегчает восприятие благодаря имплицитному введению образной составляющей через отсылку к мнимой реальности «движущихся картин». Использование этого приёма экономит усилия читателя романа по воображению/дистраиванию/представлению «книжной» реальности, нередко вычитываемой между строк, что сближает его со зрителем, следящим за развитием событий и сопереживающим происходящему на экране кино. Соответственно подбор таких фильмов не случаен, каждый из них вносит свою лепту в создание литературного произведения как единого целого. Но при этом имеет место одно немаловажное ограничение, способное воспрепятствовать адекватному прочтению романа: читатель по необхо-

димости должен быть не только «начитанным», но и «насмотренным», то есть достаточно просвещённым в области кино, причём кино эпохи, отстоящей от сегодняшней на целое поколение. Таким образом, «остранение» романа сохраняется для читателя и на уровне имён/названий фильмов, упоминаемых Ф. Бегбедером. Учитывая данное обстоятельство, становится очевидной особая важность качества перевода названий фильмов, фигурирующих в анализируемом произведении.

Список литературы

- Алексейцева Т.А.* Экспликация как способ преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии в переводе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 22 с.
- Бегбедер Ф.* Русская баня не даёт мне закинуть: Интервью // Эхо планеты. 2010а. 7 сент. http://www.ekhoplanet.ru/books_675_8214
- Бегбедер Ф.* Французский роман / Пер. с фр. Е. Головиной. М.: Иностранная литература, 2010 б. 320 с.
- Белецкий Е.В.* Прикладная фундаментальность. Теоретические пузыри на рынке научных исследований // Независимая газета. 2008. 22 окт. http://www.ng.ru/science/2008-10-22/12_innovations.html
- Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб.: Наука, 1999. 447 с.
- Виноградов В.С.* Ономастические реалии // Перевод: общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2004. 240 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Горшкова В.Е.* Перевод в кино: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2006а. 276 с.
- Горшкова В.Е.* Концепция внутренней и внешней культурной дистанции и перевод кинодиалога // Вестн. Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М.Ф. Решетнева. 2006б. Вып. 2 (9). С. 178—181.
- Горшкова В.Е.* Перевод кинодиалога в свете концепции Жюль Делёза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 16—26.
- Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.
- Флоренский П.* Имена. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с.
- Beigbeder F.* Un roman français. P.: Grasset, 2009. 348 p.
- PLF — Petit Larousse des Films.* Le guide du cinéma par genres, acteurs, réalisateurs, pays. P.: Larousse, 2004. 863 p.

Е.Н. Мошонкина,

кандидат филологических наук, доцент Астраханского государственного университета; e-mail: elena_mch@rambler.ru

**“UN ART EN CRISE” (1982) Е. ЭТКИНДА И ТЕОРИИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ВО ФРАНЦИИ
(к 30-летию выхода книги)**

Вышедшая в 1982 г. во Франции книга профессора Е. Эткинда «Un art en crise» («Кризис одного искусства») — полемичный по отношению к доминирующей во Франции переводческой практике и одновременно программный текст. В статье анализируется один из 4-х предложенных Е. Эткиндом принципов поэтического перевода — требование «переводить стихи стихами». Сегодня, спустя 30 лет после издания «Кризиса одного искусства», заметен утопизм и эпистемологическая уязвимость некоторых теоретических постулатов автора.

Ключевые слова: Е. Эткинд, теория перевода, поэтический перевод, Франция, стих.

Elena N. Moshonkina,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romance Philology, Astrakhan State University, Russia; e-mail: elena_mch@rambler.ru

Efim Etkind's *Un Art en Crise* and Poetic Translation Theories in France (Celebrating the 30th Anniversary of the Book's Publication)

Published in 1982 in France, Professor Etkind's book *Un Art en Crise* is a sort of manifest and a polemical text from the point of view of the still dominant translation practice in France. The article examines one of the 4 principles of poetic translation proposed by Etkind: to render verse by verse. Today, 30 years on after the publication of the book, we can better see the utopianism and the epistemological vulnerability of some of the author's theoretical assumptions.

Key words: Efim Etkind, translation theory, poetic translation, France, verse.

Почти 30 лет назад, в 1982 г., в лозаннском издательстве “L'Age d'Homme” вышла книга профессора Ефима Эткинда “Un art en crise: essai de poétique de la traduction poétique” («Кризис одного искусства: эссе по поэтике поэтического перевода») [Etkind, 1982]. Это программное для автора исследование, плод его многолетних размышлений о принципах поэтического перевода, сегодня не слишком известно в России (на русский язык оно не переведено) и редко упоминается во Франции.

В России подобная ситуация отчасти объясняется тем, что затронутые в книге проблемы, а также её полемический пафос (речь идёт о критике французской школы поэтического перевода) не являются в отечественном филологическом контексте актуальными. И это понятно: проблемы, решаемые французскими переводчиками-

ми русской поэзии, отличаются от тех, с которыми сталкиваются русские переводчики поэзии французской.

Что же касается судьбы книги во Франции, тут ситуация несколько другая. Практически все англоязычные и франкоязычные справочники и энциклопедии представляют Е. Эткинда крупным специалистом в теории перевода. Тем удивительнее, что ключевой текст по теории перевода, предназначенный для французского филологического сообщества и открыто полемичный по отношению к доминирующей во Франции переводческой практике, нечасто можно увидеть процитированным в исследованиях по *traductologie*, а если он и цитируется, то, как правило, в полемическом контексте.

Известен диагноз, который ставит Эткинд в «Кризисе одного искусства» стихотворному переводу во Франции, — депоэтизация иноязычной поэзии. Одно из главных обвинений, предъявляемых им французским переводчикам, — капитуляция перед стихом, который переводится либо прозой, либо так называемыми «псевдостихами», т.е. верлибром или белым стихом там, где оригинал предлагает рифму и метрику. «Кризис одного искусства» развивает и теоретически обосновывает принципы поэтического перевода, разработанные и опробованные Эткиндром совместно с командой французских славистов и переводчиков, участвовавших в подготовке французского издания полного собрания сочинений Пушкина [Rouchkine, 1981]. Эти принципы, значительно расходившиеся с укоренившейся во Франции переводческой традицией, были изложены во вступительной статье к изданию 1981 г. Первый из них — «передавать русские стихи французскими стихами» [Эткинд, 1999, с. 558].

Имеется в виду, что в переводе должна быть сохранена «форма» оригинала, поскольку форма смыслообразующа, отказ от неё вырывает перевод из культурного контекста, в котором существует оригинал, и разрушает сложную систему внутренних конфликтов, пронизывающих оригинальный текст [Etkind, 1982, p. 17]. Иначе говоря, разрушается поэтика оригинала, который низводится до уровня рационального содержания, набора информации. Действительно, во Франции отказ от рифмы и регулярного ритма в переводах силлабо-тонической поэзии (Шекспир, Цветаева) уже давно стал распространённой практикой. С точки зрения Эткинда подобная практика являлась негодной. Иноязычную поэзию, полагал он, «можно и нужно переводить на французский язык именно как поэзию, ибо ни в системе французского языка, ни в системе французского стихосложения нет ничего, что препятствовало бы адекватной передаче формы и содержания силлабо-тонического подлинника» [Долинин, 2000, с. 277].

Согласно широко распространённой точке зрения, выпущенный в 1981 г. на французском языке второй том полного собрания сочинений Пушкина под редакцией Эткинда стал важной вехой в истории французских переводов русской поэзии, впервые сделав доступными для французского читателя подлинно поэтические переводы пушкинских стихов. «Пушкин-поэт впервые зазвучал на французском языке как поэт», — пишет современный исследователь [там же, с. 278], повторяя оценку этой переводческой «революции», данную самим Эткиндом: «Французские переводы Пушкина после 1981 г. изменились. Едва ли кто-нибудь станет переводить стихи Пушкина прозой или подделкой под верлибр. Переводы, составившие двухтомник, остались своего рода эталоном» [Эткинд, 1999, с. 560].

Сегодня редко можно встретить упоминания о том, что французское издание Пушкина было принято во Франции не всеми, а выход «Кризиса одного искусства» в 1982 г. вызвал ответную резкую критику, — об этом в «Эткиндовских чтениях I» скупко упоминает Жорж Нива [Нива, 2003]. В целом отечественные исследователи и переводчики склонны высоко оценивать качество выполненных под руководством Е. Эткинда переводов, возлагая вину за отдельные недостатки на... французский язык [Долинин, 2000, с. 280]. Один из участников пушкинского проекта следующим образом резюмировал распространённую в отечественном филологическом сообществе оценку: «Переводчики Пушкина работали совместно более пяти лет, и в конце концов нам удалось сделать то, что французы за полтора столетия не удосужились: выпустить в свет стихотворения, поэмы (в том числе “Евгения Онегина”), сохранив во французском переводе ритмическую и строфическую структуру оригинала и даже рифмы, которые современные переводчики, как правило, игнорируют» [Яснов, 2000, с. 264].

Оставим в стороне снисходительное отношение к французам, «не удосужившимся» перевести всего Пушкина, и чувство собственного превосходства, проскальзывающие в приведённой цитате. То, что подготовленное Эткиндом французское издание поэзии Пушкина было удостоено премии Французской академии (премия Ланглуа), не отменяет другого — сам факт выхода данного издания, равно как и последовавший за ним выход «Кризиса одного искусства», в полной мере обнажили существующие противоречия и разницу подходов к переводу иноязычной поэзии в России и Франции. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство мировой классической метрической поэзии (Петрарка, Шекспир) по-прежнему переводится во Франции так называемой «подделкой под верлибр» (выражение Эткинда) [Эткинд, 1999, с. 560],

утверждение об «эталонности» пушкинских переводов командой славистов под руководством Е. Эткинда вызывает вопросы и требует нюансировки. Во-первых, речь, по-видимому, может идти лишь об «эталонности» в рамках определённой переводческой идеологии, обозначим её условно «русская и советская школа перевода» (но адепты подобного подхода существуют и во Франции — А. Маркович, Ж. Малаплат, Ж.-Л. Бакес в 1980-е гг.). Во-вторых, учитывая, что данная переводческая идеология идёт вразрез с доминирующими во Франции подходами к переводу, можно задаться вопросом, не оказывают ли такие переводы дурную услугу переводимому автору, маргинализируя его и заранее обрекая на читательскую нелюбовь.

Сегодня, спустя 30 лет после публикации «Кризиса одного искусства», стали заметнее и наивный утопизм отдельных положений этой книги, и эпистемологическая уязвимость некоторых теоретических постулатов. Черта, сильнее всего выдающая историческую эпоху, с которой тесно связан Эткинд-учёный (обычно в этой связи принято говорить о «структурализме с человеческим лицом»), — это жёстко нормативный и универсальный характер предлагавшейся им поэтики.

В отечественном литературоведении не предпринимались попытки критически проанализировать ни предлагавшуюся в «Кризисе одного искусства» программу реформирования французского поэтического перевода, ни релевантность полученных Эткиндом и его единомышленниками результатов по её практическому применению. Между тем феномен, чтобы не сказать скандал, появления подобного манифеста во Франции в начале 80-х гг. прошлого века предлагает богатый материал для анализа, так как вплотную подводит нас не только к обсуждению вопросов сравнительного стиховедения, но и вводит в самое сердце ещё одного сюжета — перевода как компаративной проблемы.

Не имея возможности подробно разбирать многочисленные аспекты этого в высшей степени интересного и важного текста, мы остановимся лишь на одном из отстаиваемых автором тезисов. Речь пойдёт о первом из сформулированных Эткиндом четырех принципов поэтического перевода, а именно требовании «переводить стихи стихами».

Несмотря на кажущуюся ясность процитированного принципа, оно уязвимо сразу в нескольких отношениях и обнажает серьёзную асимметрию в понимании Эткиндом и его французскими оппонентами таких фундаментальных категорий, как «стих», «поэзия», «ритм». Неслучайно во Франции «Кризис одного искусства» был воспринят в первую очередь как призыв переводить рифмой — несколько упрощённое, но в целом верное резюме.

Сама формулировка Эткингом данного принципа вызывает вопросы и требует уточнения, в частности того, что понимается под «стихом» и где проводится граница между «стихом» и «не-стихом». Как известно, удовлетворительного определения стиха и того, чем он отличается от прозы, ни в отечественном, ни в зарубежном стиховедении не существует. Большинство стиховедов признают, что стих не обладает присущими только ему особенностями, позволяющими безошибочно и безотносительно к культурной специфике литературной системы отличать его от «не-стиха». В качестве единственного надёжного критерия такого отличия можно считать, пожалуй, лишь возврат к началу строки. В отечественном стиховедении наибольшим авторитетом пользуется определение стиха как художественной речи, организованной делением на соотносимые и соизмеримые (критерием соизмеримости может быть слог, стопа, слово) отрезки [Гаспаров, 2000, с. 7]. Однако у этого определения есть и свои критики [Шапир, 1994, с. 14]. Принятые в настоящее время во Франции подходы к формальному определению стиха делают акцент на визуально-пространственном аспекте: пробел, расположение стихового материала на странице, использование заглавных букв в начале стиха и т.д. Достаточно упомянуть определение, данное ещё в начале XX в. П. Клоделем, — «мысль, изолированная типографским пробелом» (“une idée isolée par du blanc”) [Claudel, 1965, р. 3]. Клодель, как известно, много писал в жанре версэ. Вот его не менее красноречивые строчки из «Пяти великих од»: “O mon âme! le poème n’est point fait de ces lettres que je plante comme des clous, mais du blanc qui reste sur le papier” [Claudel, 1957, р. 224] («О, душа моя! стихотворение — не буквы, которые я вгоняю, как гвозди, а пробелы, остающиеся на бумаге». Перевод мой. — *Е.М.*). Прочитываем и П. Валери, для которого стихотворение есть “hésitation prolongée entre le son et le sens” [Valéry, 1960, р. 689] («растянутое колебание между звуком и смыслом». Перевод мой. — *Е.М.*).

Уже из данного короткого перечисления ясно, что в русской и французской культурах граница между «стихом» и «не-стихом» определяется по-разному. Принятые во французской культуре определения позволяют включать в категорию «стих» и верлибр, и комбинированные прозопоэтические жанры (версэ). Таким образом, призыв «переводить стихами» для французского переводчика в принципе может означать две вещи: переводить каким-то условным стихом (включая перечисленные выше категории), не заботясь о поиске так называемых ритмико-метрических и строфических эквивалентов, либо переводить французским условным эквивалентом размера, которым написан оригинал. Между этими двумя крайними позициями возможен целый ряд компромиссных решений.

На двухстах девяноста восьми страницах «Кризиса одного искусства» нет ни одного определения того, что автор понимает под «стихом». Анализ авторской терминологии свидетельствует о том, что термин «стих» используется как достаточно монолитная категория, которой противостоят не менее однородная категория «проза», а также «верлибр», статус которого в этой схеме остаётся не до конца прояснённым.

Е. Эткинд известен как блестящий знаток как русской, так и французской поэзии. Тем не менее поэтический горизонт, к которому он апеллирует в «Кризисе одного искусства», представлен почти исключительно поэтами метрической традиции. В книге, одна из глав которой посвящена «защите и прославлению французского стиха» (гл. III), ни разу не упоминаются ни Р. Деснос, ни П. Риверди, практически отсутствуют П. Клодель, сюрреалисты и представители так называемой «критической поэзии» 1960-х гг., т.е. поколение И. Бонфуа, Ф. Жакоте. С. Малларме упоминается почти всегда в своей «классической» ипостаси и намного реже, чем П. Валери, самый «классичный» из французских поэтов первой половины XX в.

Таким образом, термин «стих» в «Кризисе одного искусства» — почти всегда синоним метрического стиха. А значит, требование «переводить стихи стихами» фактически означает необходимость точно воспроизводить все особенности поэтической формы оригинала. Этим объясняется, в частности, тот факт, что практически все примеры удачных, по мнению автора переводов иноязычной, в том числе русской, поэзии на французский язык следуют в русле указанной модели «тотального» перевода. Так, положительно оценивается Эткиндом перевод сонетов Шекспира Ж. Фюзье и М. Дени [Etkind, 1982, p. 216—217], переводческая политика которых во Франции была признана анахронизмом [Berman, 1995, p. 129—132]. Налицо явное недопонимание между Эткиндом и его французскими оппонентами.

Понятие «эквивалентности» применительно к переводу уже давно подвергается серьёзной критике. Фактически на сегодняшний день оно оказалось серьёзно девальвированным, что заставляет более критично пересмотреть сформулированные Эткиндом принципы художественного перевода. Стоит ли так категорично утверждать, что перевод традиционной поэзии прозой всегда хуже стихотворного перевода? Что перевод французским верлибром Пушкина или сонета Петрарки заведомо неполноценен? Утверждать подобное — не значит ли исходить из очень упрощённого представления о природе прозы и догматического представления о взаимодействии в стихе «формы» и «содержания»? Именно этот имплицитный платонизм, метафизическую абсолютизацию понятий ставил

в упрёк Эткинду ещё в 70-е гг. прошлого века А. Мешонник [Meschonnic, 1973, p. 311], один из крупнейших теоретиков перевода во Франции.

Имплицитно постулируя эталонность метрического силлабо-тонического стиха как «стиха» *par excellence*, Эткинд абсолютизирует и его формальные характеристики, в частности природу силлабо-тонической ритмики. Например, в гл. III («Защита и прославление французского стиха» — в том числе прославление его пластического и метрического богатства, понимаемого автором как способность воспроизводить практически все ритмы и размеры традиционной силлабо-тоники) Эткинд так комментирует цитату из В. Тредиаковского, назвавшего александрийский стих «просто короткой строчкой прозы»: «Действительно, александрийский стих, о котором упоминает Тредиаковский, — “просто строчка прозы”: если убрать рифму, этот стих становится ничем иным, как прозой. Но это не столько особенность силлабического стиха, и ещё менее особенность французского языка, сколько особенность эстетики классицизма и её эпигонов. Чтобы стих самого Буало или Вольтера, не говоря уже о Шаплене, отличался от прозы, ему необходимы внешние диакритические отличия: типографская разбивка на строчки, концевые рифмы. Уберите разбивку, рифмы — и нет стиха!» (перевод мой. — *Е.М.*) [Etkind, 1982, p. 114].

Подобный взгляд на классицистический александрийский стих выглядит, мягко говоря, тенденциозным. Именно в этом стихе оппозиция «стих» — «проза» нашла своё максимальное выражение, и дело совсем не в наличии концевой рифмы (рифма не есть отличительный признак стиха), а в просодии. Как известно, классицистическая кодификация стиха как особой системы художественной речи сопровождалась в XVII в. упорядочением правил подсчёта слогов в стихе (немое *e* в конце слова, немое *e* в конце стиха, диереза, синереза), канонизацией мужской цезуры после 6-го слога, а также введением целого ряда ограничений лексико-синтаксического характера. Так, в ритмико-синтаксическом отношении александрийский стих классицистов заметно отличался от александрийца их предшественников—поэтов «Плеяды» возросшим числом инверсий, антитез, параллелизмов; симметричным распределением стихового материала по двум полустишиям одинакового объёма; определённым распределением частей речи внутри полустиший (в том числе был введён запрет на детерминативы и односложные слова в шестой позиции). Таким образом, по сравнению с прозой на французский стих начиная с конца XVI в. постепенно накладывалось все больше ограничений как ритмического, так и синтаксического, и лексического характера. Неслучайно реформа александрийского

стиха, предпринятая французскими романтиками в XIX в., началась с его прозаизации — возвращения к разговорности, синтаксической и ритмической естественности стихотворной речи.

В качестве иллюстрации так называемой прозаической природы александрийского стиха Эткинд цитирует отрывок из «печально знаменитой» поэмы Шаплена «Орлеанская дева» (1657):

A peine en sa faveur les prières s'achèvent,
Qu'en foule tous les pairs, sur le trône, l'élèvent;
Il y sied d'un air grave, et les pairs, tour à tour,
Par leur soumission lui montrent leur amour...

[Etkind, 1982, p. 114].

Даже по отношению к этим действительно невыразительным строчкам вынесенный вердикт («проза») выглядит неоправданно сурово. Если убрать рифму и расположить строчки в ряд, мы и в самом деле получим прозу, но... написанную александрийским стихом. Об этом свидетельствует и одинаковый слоговой объём периодов (по 12 слогов), каждый из которых распадается на симметричные половинки по 6 слогов, и мужская цезура на 6-м слоге знаменательного слова (единственное исключение — стих 3-й, цезура которого эпическая), и неестественный для прозы синтаксис. Но главный признак, не оставляющий никаких сомнений в том, что перед нами поэтический текст, — это наличие обязательной диерезы в третьем слоге 4-го стиха, «удлиняющей» на один слог слово “sou/mi/ssi/on”, которое, если произносить его изолированно (или в строке прозы), состояло бы из 3 слогов, “sou/mi/ssion”. Напрашивающийся вывод: «прозой» данное четверостишие может показаться лишь для уха, воспитанного на силлабо-тонике, с принципиально иным по сравнению с силлабикой ритмоощущением. Об этой разнице ритмоощущений свидетельствует, в частности, следующее замечание Эткинда: «Верно, что тоническая просодия достаточна сама по себе: пятистопный ямб трагедий Шекспира, Шиллера и Пушкина или же гекзаметр Илиады Фосса или Гнедича... являются стихами, каким бы образом их не печатали. Силлабическая просодия не способна самостоятельно указывать на характер текста: без графики, рифмы она растворяется» (перевод мой. — *Е.М.*) [ibid., p. 115].

Вопрос «переводить стихом, “подделкой под верлибр” или прозой» в поэтическом контексте Франции получает совершенно иное наполнение, нежели в российском, ввиду начавшегося ещё в XIX в. кризиса французского регулярного стиха [Murat, 2008] и связанного с ним кризиса лирической риторики. Это, в частности, означает, что регулярный (метрический) стих утратил своё превосходство над другими формами поэзии, перестал ощущаться как

нечто само собой разумеющееся и органичное (будь то счёт слогов, размер, расположение цезуры и т.д.). Современному переводчику практически невозможно спонтанно, не раздумывая обратиться к приёмам старой версификации, не рискуя впасть в тривиальность или пародию [Berman, 1995, p. 132].

Фактически речь идёт о взаимосвязи между поэтической и переводческой практиками, о невозможности для переводчиков абстрагироваться от доминирующего поэтического пейзажа и логики развития современного им поэтического языка. О том, что опыт свободного стиха изменил восприятие и отношение к традиционным размерам и формам. Эткинд очень коротко касается данного вопроса и его аргументация, по сути, переводит проблему в иную плоскость: по его мнению, выбор переводчиков классической поэзии в пользу прозы и верлибра нехорош тем, что отсекаются все культурные ассоциации, то множество нитей, которыми эта поэзия связана с традицией, с историей: «Когда один и тот же верлибр служит для перевода оды Радищева, оды Пушкина, гекзаметров Клопштока, Гёльдерлина и Гнедича, александрийского стиха Ломоносова и Шамиссо, сонетов Петрарки, Шекспира, Мицкевича, Рильке, Элизабет Барретт-Броунинг, всё теряется, мы разрушаем интернациональные связи, объединяющие между собой национальные поэтические формы, обрываем связь между автором и его нацией: т.е. разрушается сама идея перевода, который превращается в чисто механическую деятельность...» (перевод мой. — *Е.М.*) [Etkind, 1982, p. 29].

Можно спорить с тем, что именно метрический каркас, поэтический размер, строфа и рифма обладают абсолютной монополией на культурные ассоциации. Многие стиховеды не согласились бы с подобной постановкой вопроса, постулирующей однообразие и историческую законсервированность верлибра. Так, М. Мюрат и Ж. Рубо [Murat, 2008; Roubaud, 1988] выделяют несколько исторических этапов в развитии этого стиха: так называемый свободный стих символистов, диалектически тесно связанный с регулярным стихом; верлибр модернистов, формирующийся в период с 1909 по 1913 г. в творчестве Аполлинера; верлибр сюрреалистов и т.д. По мнению Ж. Рубо, верлибр не менее нагружен культурными ассоциациями и разнообразен, чем любой другой стих.

В наши намерения не входит оценка «правильности» или «неправильности» теоретических позиций Е. Эткинды в вопросах поэтического перевода. Подобная постановка вопроса неконструктивна, поскольку «неправильные» идеи тоже могут иметь огромное стимулирующее воздействие. Тридцать лет спустя после выхода «Кризиса одного искусства» мы можем лишь констатировать: проницательно диагностировав кризис французской переводческой модели

(в основном, модели так называемого «университетского» перевода), Е. Эткинд предложил программу выхода из него, которая в задуманном им виде не могла быть реализована. Поэтому, присоединяясь к сформулированному им пожеланию — «Будем надеяться, что искусство перевода во Франции поднимется на ещё более высокий уровень...» [Эткинд, 1999, с. 560], — отметим, что дискуссия о путях преодоления кризиса не закрыта. «Кризис одного искусства» без сомнения стал важной вехой в развитии этой продолжающейся дискуссии.

Список литературы

- Гаспаров М.* Очерк истории русского стиха. М.: Фортуна лимитед, 2000 (1984). 200 с.
- Долинин К.* Впервые на французском языке // Иностранная литература. 2000. № 6. С. 272—280.
- Нива Ж.* Спор о переводной поэзии // Эткиндовские чтения I: Сб. статей по мат-лам чтений памяти Е.Г. Эткинда. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2003. С. 9—16.
- Шапир М.И.* “Versus” vs “prosa”: Пространство-время поэтического текста // Philologica. М., 1995. № 2. URL: <http://www.rvb.ru/philological/02/02/shapir.htm>
- Эткинд Е.* Поэзия Пушкина во французских переводах // Эткинд Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Гнозис, 1999. С. 541—561.
- Яснов М.* «Парижские письма» Ефима Эткинда // Иностранная литература. 2000. № 6. С. 263—265.
- Berman A.* Pour une poétique de la traduction: John Donne. P.: Gallimard, 1995. 275 p.
- Claudiel P.* Réflexions et propositions sur le vers français (1925) // Claudiel P. Oeuvres en prose. P., Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1965.
- Claudiel P.* Oeuvres poétiques. P., Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1957.
- Etkind E.* Un art en crise: essai de poétique de la traduction poétique. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. 298 p.
- Meschonnic H.* Pour la poétique II. P.: Gallimard, 1973. 457 p.
- Murat M.* Le vers libre. P.: Champion, 2008. 335 p.
- Pouchkine A.* Oeuvres poétiques: En 2 vol. / Publ. sous la dir. d'E. Etkind. Lausanne: L'Age d'Homme, 1981.
- Roubaud J.* La vieillesse d'Alexandre. Essai sur quelques états récents du vers français. Paris: Editions Ramsay, 1988. 218 p.
- Valéry P.* Tel quel // Valéry P. Oeuvres II (1941) / Éd. Gallimard, coll. Bibliothèque de la Pléiade. P., 1960.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

А.А. Водяницкая,

аспирантка кафедры теории, истории и критики перевода Московского государственного лингвистического университета; e-mail: avodyanickaya@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭВАЛЮАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящей статье рассматриваются проблемы передачи эвалюативной семантики с английского языка на русский. На материале двух переводов одного художественного произведения проводится анализ передачи положительных и отрицательных оценочных значений. Особое внимание уделяется рассмотрению классификаций оценок и их роли для перевода оценочных значений на материале конкретных примеров.

Ключевые слова: эвалюативная семантика, классификации оценок, способы перевода, частные оценки, общие оценки, художественное произведение.

Albina A. Vodyanitskaya,

Post-graduate Student at the Department of The Theory, History and Criticism of Translation, Moscow State Linguistic University, Russia; e-mail: avodyanickaya@yandex.ru

Classification of Evaluative Semantics: Translating Evaluative Judgments

The article deals with the issues of evaluative semantics translation from English into Russian. The research reveals specific features of conveying positive and negative evaluative meanings functioning within a literary text. Special attention is given to various classifications of evaluative semantics.

Key words: evaluative semantics, classification, translation techniques, common evaluations, negative evaluations, positive evaluations, literary text.

Проблеме эвалюативной семантики посвящено немало исследований. Специфика оценочных значений такова, что, изучая их, исследователи находят всё новые и новые грани их функционирования. В данной статье нам хотелось бы рассмотреть проблемы передачи эвалюативной семантики с английского языка на русский и уделить особое внимание роли классификаций оценочных значений для критики и оценки различных переводов художественного произведения.

Оценочное отношение к тому или иному явлению человек выражает с помощью разнообразных эвалюативных средств, которые представлены на всех уровнях языка, а также с помощью мимики, интонации и других паралингвистических средств. Однако чаще всего это отношение выражается в оценочных высказываниях, ко-

торые «устанавливают абсолютную или сравнительную ценность какого-либо объекта» [Ивин, 1997, с. 259]. Один и тот же субъект может оцениваться по-разному в зависимости от эмоционального отношения субъекта, от их взаимоотношений и т.д. Основанием для оценки часто служит степень соответствия объекта норме. Моральные и этические нормы служат своеобразным ориентиром, направляющим деятельность членов общества и позволяющим им объективно оценивать себя, других людей и явления окружающей действительности.

Для переводчика художественного произведения передача эвалюативной семантики является одной из первостепенных задач, так как оценочные высказывания, пронизывая художественный текст, выполняют в нем множество функций, среди которых немаловажное место занимает функция портретизации героев. С помощью разнообразных оценочных средств автор вырисовывает портреты своих героев, оценивает их действия и поступки, позволяет им самим выражать своё отношение к тем или иным явлениям и другим героям. Немаловажно, что в художественном произведении субъект оценки может быть представлен автором, повествователем или героем.

Переводчику художественного произведения при передаче оценочных значений необходимо учитывать следующие аспекты:

а) **семантические** — следует определить, является ли слово или словосочетание оценочным;

б) **аксиологические** — важно установить, является ли слово отрицательным или положительным по своей оценочной семантике; является ли оно частнооценочным или общеоценочным;

в) **классификационные** — необходимо выяснить, к какой группе частнооценочных значений (для частнооценочных слов) принадлежит слово;

г) **контекстуальные** — следует учитывать, что слова, не являющиеся оценочными, могут приобрести оценочность в контексте художественного произведения;

д) **стилистические** — необходимо выяснить, к какому стилю речи принадлежит та или иная оценка;

е) **структурные** — важно учитывать такие компоненты структуры оценки, как субъект оценки, объект оценки, основание оценки;

ж) **культурологические** — необходимо принимать во внимание культурно-специфическую обусловленность оценочных высказываний.

Эвалюативная семантика представлена в языке двумя основными типами — общеоценочным и частнооценочным. К общеоценочным относятся прилагательные «хороший» «первоклассный», «великолепный», «похвальный», «плохой», «недурной» и т.д. Упот-

реблюются они тогда, когда объект оценивается в целом, без уточнения его конкретных свойств. «Частнооценочные значения дают оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения» [Арутюнова, 1988, с. 75].

Как уже упоминалось, передача эвалюативной семантики требует учёта целого ряда аспектов, среди которых важное место занимает классификационный. Важность его состоит в том, что он позволяет наиболее полно и точно передать на другой язык оценочное высказывание, содержащее слово той или иной классификационной группы. Классификации, разработанные лингвистами, логиками, социологами объединяет то, что все они направлены на упорядочение аксиологических значений, имеющих языковое выражение.

Выдающийся финский философ и логик Г.Х. фон Вригт разработал классификацию типов оценки, основанную на видах объектов и семантике сочетаний со словом *хороший*. Следовательно, в данной классификации особое внимание уделяется структурной составляющей оценки (её объекту) и семантической (семантике прилагательного *хороший*, характеризующего объект). В связи с тем, что «хорошее», «прекрасное» в философии рассматривается в неразрывной связи с понятием добра, учёный предлагает следующую классификацию:

- 1) инструментальное добро: *хороший нож, хорошая пила*;
- 2) техническое добро: *хороший шофёр, хороший оператор*;
- 3) медицинское добро: объекты — *глаза, сердце, память*;
- 4) утилитарное добро (полезность для какой-либо цели): *хороший план, хорошая новость*;
- 5) гедонистическое добро: *хороший вкус, обед*;
- 6) добро человека: *хороший поступок, намерение* [Г.Х. фон Вригт, цит. по: Вольф, 2009, с. 27].

На наш взгляд, данная классификация не может носить универсальный характер, так как существуют объекты, которые невозможно рассмотреть в её рамках. Например, такое словосочетание как «хороший овраг» можно рассматривать в двух аспектах: «овраг хорош тем, что через него легко перейти (неглубокий)» и «овраг хорош тем, что в нем можно спрятаться».

Классификация частных оценок Н.Д. Арутюновой отражает связь субъекта и объекта оценки.

К первой группе частных оценок автор относит **сенсорные оценки**, которые делятся на две группы:

- 1) сенсорно-вкусовые: *вкусный, ароматный* и
- 2) психологические: а) интеллектуальные оценки: *увлекательный, интересный*; б) эмоциональные: *радостный, желанный, приятный*.

Во вторую группу входят **сублимированные** оценки:

1) эстетические (синтез сенсорных и психологических): *красивый, прекрасный;*

2) этические, подразумевающие нормы: *моральный, добрый, порочный.*

Третья группа представлена **рационалистическими** оценками. Они включают:

1) утилитарные: *полезный, вредный;*

2) нормативные: *правильный, нормальный, здоровый;*

3) телеологические: *эффективный, удачный, непригодный.*

Обобщая работы логиков, социологов и лингвистов в области аксиологии, Н.Н. Миронова предлагает следующую классификацию оценок:

1) аксиологические оценки: этические (моральные), эстетические, утилитарные (полезно-вредно), политические/идеологические, религиозные, эмоциональные;

2) модальные оценки (необходимость, долженствование, возможность);

3) экзистенциальные;

4) временные;

5) оценки величин;

6) пространственные оценки [Миронова, 1998, с. 53].

Экзистенциальные оценки связаны с такими человеческими ценностями, как безопасность, самостоятельность справедливость и т.д. Временные оценки в нашей повседневной жизни играют важнейшую роль, так как человек постоянно соотносит свои возможности со временем, которое ему отпущено на их осуществление (целый час, вся жизнь и т.д.). Оценки величин связаны с процедурой оценивания физических свойств материального объекта, процесса, явления, которые могут быть охарактеризованы количественно (тяжёлый камень, большой метеорит). Пространственные оценки могут выражаться в таких словосочетаниях, как «дальний путь», «на близком расстоянии» и т.д.

По справедливому замечанию Е.М. Вольф, «классификация возможна лишь тогда, когда в оценочных обозначениях имеется дескриптивный компонент, признак предмета, по которому производится оценка» [Вольф, 2009, с. 146]. Так, к примеру, называя какое-либо блюдо вкусным (частная гедонистическая оценка по классификации Н.Д. Арутюновой), мы указываем на то, что блюдо не пересолено, обладает приятным ароматом и т.д.

Мы предполагаем, что при переводе эвалюативной семантики с английского языка на русский оценочные значения будут передаваться в рамках одной классификационной группы, либо общие оценки в переводе будут конкретизироваться частными, а частные в свою очередь будут передаваться общими. Важным, на наш

взгляд, является анализ переводческих приёмов, способствующих наиболее исчерпывающей передаче оценочных значений. Для получения этих сведений необходимо провести сопоставительный анализ по двум линиям: по линии сравнения перевода и оригинала для выявления семантической близости употребления оценочных значений в сравниваемых текстах и по линии сопоставления двух переводов одного и того же исходного текста, что «даст возможность обнаружить общие закономерности, не зависящие от уровня квалификации и индивидуальных особенностей каждого отдельного переводчика» [Комиссаров, 2001, с. 35]. Допуская, что передача эвалюативной семантики требует привлечения интерпретационного метода, а «текст представляет собой открытую форму, т.е. он оказывается открытым для интерпретации, для различного понимания» [Гарбовский 2007, с. 35], мы полагаем, что привлечение двух переводов одного произведения позволит выявить оттенки смысла оценочных слов и найти эквиваленты, наиболее полно отражающие замысел автора в данном контексте.

Рассмотрим примеры передачи эвалюативной семантики на материале произведения Дороти Сайерс «Смертельный яд» [Sayers, 1938] и двух его переводов, выполненных И. Архангельской в 1994 г. и М. Ланиной в 2000 г.

Детективный роман начинается с речи судьи, докладывающего дело об убийстве писателя Дэвида Бойза. Предполагается, что он был отравлен мышьяком.

“Well, then something happened which frequently does happen in cases of this kind, and that is that somebody begins to talk. It was Nurse Williams who talked in this particular case, and while you will probably think that this was a very wrong and a very indiscreet thing for a nurse to do, yet as it turns out, it was a good thing that she did” [Sayers, 1938, p. 26].

Данное предложение — пример столкновения отрицательной и положительной эвалюативной семантики. С точки зрения врачебной этики, действия сиделки кажутся неприемлемыми (*a very wrong and a very indiscreet thing for a nurse to do*), но в рамках конкретной ситуации оказываются правильными (*it was a good thing that she did*).

Обратимся к переводу, выполненному И. Архангельской:

«Затем произошло то, что часто происходит в подобных случаях, а именно: кто-то начинает говорить. В данном случае заговорила сестра Уильямс, и хотя, возможно, вам покажется, что очень нехорошо и нескромно вести подобные разговоры, особенно если иметь в виду её профессию, однако, как показало дальнейшее развитие событий, она поступила совершенно правильно» [Архангельская, 1994, с. 27—28].

Переводчик эксплицирует основание отрицательной оценки, выделяя профессиональную принадлежность свидетельницы. Медицинские работники несут ответственность перед своими пациентами и перед обществом; разглашение обстоятельств болезни или смерти пациента порицается социумом. В данном примере модальная оценка возможности (см. классификацию Н.Н. Мирановой), сочетающая этическую и нормативную оценки с отрицательным значением, передана с помощью модальности возможности в сочетании с общеоценочным наречием *нехорошо* и этической оценкой *нескромно*. Мы считаем, что наречие *нескромно* принадлежит к группе этических оценок (см. классификацию Н.Д. Арутюновой), так как оценивается поступок медсестры, имеющий отношение к поведению человека в обществе. О том, что действия сиделки оцениваются именно как действия представителя медицинской профессии, нам говорит употребление неопределённого артикля в оригинале (*for a nurse to do*).

Положительная эвалюативная семантика, выраженная в оригинале словосочетанием с общеоценочным прилагательным *good*, представлена в переводе нормативной оценкой *совершенно правильно*.

Как показало сравнение оригинала и перевода, И. Архангельская использует следующие приёмы при передаче эвалюативной семантики:

1) приём генерализации — *a very wrong* — *нехорошо* (частная нормативная оценка передана с помощью общеоценочного наречия);

2) приём опущения — второе наречие перед словом *indiscreet* опущено в связи с тем, что употребление наречия *очень* в двух соседних словосочетаниях было бы избыточно в русском предложении;

3) приём добавления — *a good thing* — *совершенно правильно*. На наш взгляд, это обусловлено тем, переводчик, «стремясь обеспечить сопереживание читателя перевода, не уступающее по своей интенсивности переживанию, возникающему при восприятии оригинала, гиперболизирует оценочность» [Макарова, 2006, с. 98];

4) приём конкретизации объекта оценки — *нехорошо и нескромно вести подобные разговоры*. Возможно, это связано с тем, что в русском языке эксплицируется то, что в английском выражено имплицитно;

5) синтаксической трансформации подверглась и положительная оценка: *it was a good thing that she did* — поступила совершенно правильно.

Рассмотрим перевод М.Ланиной в его сравнении с оригиналом:

«А затем произошло то, что часто случается в подобных ситуациях, — кто-то начинает говорить. В данном случае это была сиделка Уильямс, и хотя вы можете счесть, что она поступила непра-

вильно и опрометчиво, в конечном счёте она оказалась права» [Ланина, 2000, с. 29].

В данном предложении модальность возможности представлена нормативной и рациональной отрицательными оценками, положительная эвалюативная семантика, выраженная в оригинале нормативной оценкой, передана в переводе с помощью положительной нормативной оценки.

Модальность возможности в переводе М. Ланиной звучит более категорично, чем в переводе И. Архангельской. Создаётся впечатление, что судья противопоставляет своё мнение мнению присяжных, в то время как в первом переводе он опирается на общественные нормы и сначала осуждает действия сиделки, а затем одобряет. М.М. Ланина передаёт модальность возможности исходя только из контекста ситуации: опрометчиво делать предположения об отравлении пациента, так как сиделку могут заподозрить в убийстве. И. Архангельская опирается на широкий контекст, в который входит такое понятие как «общественные нормы». Рассмотрим приёмы, использованные переводчиком при передаче эвалюативной семантики:

1) приём опущения — наречие *very* в сочетаниях *very wrong and very indiscreet* не нашло языкового выражения. Это объясняется сочетаемостью наречия *очень* с выбранными переводчиком словами *неправильно* и *опрометчиво* — Национальный корпус русского языка предлагает лишь 15 контекстов употребления для сочетания *очень неправильно* и восемь для *очень опрометчиво* [www.ruscorpora.ru]; опущению подверглась также и инфинитивная конструкция *thing for a nurse to do*;

2) синтаксическая трансформация (*it was a good thing that she did* — *поступила совершенно правильно*) обусловлена «несовпадением смысловой структуры словосочетания в английском и русском языках» [Комиссаров, 1965, с. 34]. Итак, анализ переводов первого примера показал, что при передаче отрицательной и положительной оценки переводчики сохраняют оценочное значение оригинала, но передают его с помощью языковых средств, входящих в иные классификационные группы.

Обратимся к следующему примеру:

“You saw the maid, Hannah Westlock, in the box, and I think you will say she gave the impression of being a sensible and observant witness” [Sayers, 1938, p. 18].

В данном случае судья снова вводит в свою речь глагол мнения. «Иллокутивная цель включения глагола мнения — смягчение категоричности высказывания путём введения в него субъективности» [Вольф, 2009, с. 100]. Модальность возможности (*I think you will say*) представлена словосочетанием положительной семантики

a sensible and observant witness. Согласно классификации Н.Д. Арутюновой, слова *sensible* и *observant* входят в группу психологических интеллектуальных оценок.

Рассмотрим, как переводчики передали данное высказывание.

«Прислугу, Ханну Уэстлок, вы видели, когда она давала свидетельские показания, и, полагаю, она произвела на вас такое же впечатление, как и на меня: очень неглупая и наблюдательная женщина» [Архангельская, 1994, с. 21].

Психологические интеллектуальные оценки переданы словами той же самой классификационной группы — *неглупая* и *наблюдательная*. Социальная роль объекта оценки меняется, что, на наш взгляд, вызвано стремлением переводчика избежать повторов (свидетельские показания — свидетельница).

Переводчик использует следующие приёмы:

1) смысловое развитие — *in the box* — *когда она давала свидетельские показания*;

2) добавление и, как следствие, смысловое развитие — *такое же впечатление, как и на меня*.

Обратимся к переводу М. Ланиной:

Вы слышали показания горничной Ханны Вестлок, и я думаю, она произвела на вас впечатление разумной и наблюдательной свидетельницы [Ланина, 2000, с. 21].

Эвалюативная семантика в данном переводе выражена прилагательными *разумная* и *наблюдательная*. Примечательно, что в двух переводах положительная оценочность передана в рамках одной классификационной группы. Необходимо отметить, что перевод М. Ланиной, на наш взгляд, звучит в данном случае более адекватно, чем перевод И. Архангельской. В частности, речь идёт о передаче оценочного прилагательного *sensible*. Прилагательное *неглупая*, несмотря на то что оно является синонимом слова *разумный*, не соответствует условиям официально-делового общения.

Обратимся к следующему примеру, в котором присутствует гедонистическая оценка:

“It was very strong, good soup, set to a clear jelly” [Sayers, 1938, p. 18].

По классификации Г.Х. фон Вригта, *good soup* — пример гедонистического добра. Прилагательное *strong* приобретает гедонистический оттенок благодаря тому, что его используют для оценки супа. В словаре *soup* определяется как *a liquid food made by boiling or simmering meat, fish, vegetables, etc., usually served hot at the beginning of a meal* [Collins, АБВУ Lingvo 12]. Из определения ясно, что понимание супа в русской культуре и в английской совпадают. Однако в примере говорится о том, что суп по своей консистенции напоминал желе, что нехарактерно для супа в русском понимании. Для нас это важно, так как *soup* выступает в качестве

объекта оценки. Рассмотрим, как переводчики справились с задачей передачи эвалюативной семантики в данном предложении:

«Хороший, крепкий бульон, совершенно прозрачный» [Архангельская, 1994, с. 22].

«Это был хороший крепкий бульон, застывший до состояния прозрачного желе» [Ланина, 2000, с. 24].

В двух русских переводах слово *хороший* — на первом месте, а слово *крепкий* выступает как основание для общей оценки. Объектом оценки выступает не суп, а бульон, который представляет собой «отвар из мяса» [Ожегов, 1986, с. 147].

И. Архангельская снова обращается к наречию *совершенно*. Отметим, что у этого переводчика наблюдается тенденция к усилению экспрессивности текста путём добавления наречия *совершенно* к оценочным прилагательным. Переводчик опускает такую характеристику супа, как желеобразность, в то время как М. Ланина передаёт её через слово *состояние*. В качестве повторяющегося приёма передачи эвалюативной семантики, отметим у М. Ланиной тенденцию к дословному переводу.

Общим для переводчиков является изменение порядка следования оценочных слов. Частнооценочные признаки следуют в русском предложении за общеоценочными [Вольф, 2009, с. 33]. Прилагательное *strong* конкретизирует оценку *good*.

Продолжая доклад об обстоятельствах убийства Филиппа Бойза, судья рассказывает о том, как незадолго до смерти знаменитый писатель ужинал в доме своего кузена мистера Эркхарта. Когда на стол были поданы четыре яйца, кузен разбил их и передал миску Бойзу со словами:

“You’re a real dab at omelettes, Philip — I’ll leave this to you” [Sayers, 1938, p. 19].

В данном примере оценочность заложена в существительном *dab*. В 12-й версии словаря АBBYY Lingvo, это слово приводится с пометой *informal* и употребляется в словосочетании *to be dab at doing something* — отлично справляться с делом. Модальное слово *real* усиливает положительную оценку. На наш взгляд, выражение *a real dab* представляет собой пример технического добра по классификации Г.Х. фон Вригта.

Обратимся к рассмотрению переводов данного примера:

«Ты в этом деле дока, Филипп, продолжай» [Архангельская, 1994, с. 22].

Переводчик сохраняет неофициальный стиль общения героев. Опускается модальное слово, меняется характер причинно-следственных отношений в предложении: причина (*I’ll leave this to you*), заменяется следствием (*продолжай*).

«Ты настоящий специалист по омлетам, Филипп, так что поручаю это дело тебе» [Ланина, 2000, с. 22].

В переводе М. Ланиной оценочность передана нейтрально. Возможно, учитывая широкий контекст, переводчица посчитала, что судья не мог допустить в своей речи подобные выражения. Модальное слово *real* передано как *настоящий*. Само по себе слово *специалист* оценочным не является, но в сочетании с модальным словом *настоящий*, «актуализируется признаковая сема, приобретая метафорический смысл и высказывание становится оценочным» [Вольф, 2009, с. 7].

В предложении сохранена причинно-следственная связь.

Результат анализа примеров передачи эвалюативной семантики с английского языка на русский можно отразить в следующей таблице:

D. Sayers	И. Архангельская	М. Ланина
отрицательная нормативная (<i>a very wrong</i>)	отрицательная общеоценочная (<i>очень нехорошо</i>)	отрицательная нормативная (<i>неправильно</i>)
отрицательная этическая (<i>a very indiscreet</i>)	отрицательная этическая (<i>очень нескромно</i>)	отрицательная рациональная (<i>опротечиво</i>)
положительная общеоценочная (<i>a good thing</i>)	положительная нормативная (<i>совершенно правильно</i>)	положительная нормативная (<i>оказалась права</i>)
положительная психологическая интеллектуальная (<i>sensible and observant</i>)	положительная психологическая интеллектуальная (<i>очень неглупая и наблюдательная женщина</i>)	положительная психологическая интеллектуальная (<i>разумная и наблюдательная свидетельница</i>)
положительная гедонистическая (<i>very strong, good soup</i>)	положительная гедонистическая (<i>хороший, крепкий бульон</i>)	положительная гедонистическая (<i>хороший крепкий бульон</i>)
положительная техническое добро неофициальный стиль (<i>a real dab</i>)	положительная техническое добро неофициальный стиль (<i>дока</i>)	положительная техническое добро нейтральный стиль (<i>настоящий специалист</i>)

Цветом мы выделили случаи, когда оценочные значения передаются в рамках той же классификационной группы, что и значения оригинала. Как показывает таблица, расхождения при передаче

эвалюативной семантики наблюдаются в случае перевода отрицательных оценочных значений. Так, отрицательная этическая оценка передана с помощью отрицательной рациональной, а отрицательная нормативная — с помощью отрицательной общеоценочной.

При передаче положительных оценок переводчики придерживаются одной классификационной группы. Различие состоит в передаче высказывания, содержащего общеоценочное *good*, для передачи которого была использована частная нормативная оценка, что обусловлено, на наш взгляд, общим контекстом произведения и различиями в лексической сочетаемости русского и английского языков. Как показал анализ примеров, выбор переводчика осуществляется между синонимами одной классификационной группы, однако стилистическая окрашенность слов не всегда совпадает (как в случае с разговорным словом *dab*, переданным нейтральным *специалист*).

Передача эвалюативной семантики требует использования приёмов опущения и добавления, смыслового развития, грамматических трансформаций. Кроме этого, мы выяснили, что учёт семантических, стилистических, культурологических, аксиологических, структурных и других факторов способствует адекватной передаче оценочных значений. Привлечение классификационного критерия имеет немаловажное значение и для критики перевода, так как помогает избежать при оценке перевода «субъективизма, который зачастую сопровождается художественно-эстетическими и психологическими рассуждениями» [Цвиллинг, 2009, с. 58]. Рассмотрение передачи эвалюативной семантики в классификационном аспекте обладает объяснительной силой, так как способствует определению мотива, переводчик выбирает ту или иную лексику для передачи оценочных значений в контексте английского художественного произведения.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988. 355 с.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2009. 280 с.
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Владос, 1997. 384 с.
Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. 2. Грамматические и жанрово-стилистические основы перевода. М.: Высшая школа, 1965. 288 с.
Миронова Н.Н. Структура оценочного дискурса: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998. 355 с.
Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. М., 2009. 288 с.

Словари

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: СЭ, 1986.

Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

АВВУУ Lingvo. 12-я версия. Электронный словарь.

Ресурсы удалённого доступа (INTERNET)

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>

Источники

Sayers D. Strong Poison. L.: Victor Gollancz Limited, 1938. 288 p.

Сайерс Д.Л. Смертельный яд: Роман / Пер. И. Архангельской. М.: Слово/Slovo, 1994. 271 с.

Сайерс Д.Л. Смертельный яд: Роман / Пер. с англ. М.М. Ланиной. СПб.: Амфора, 2000. 318 с.

Е.М. Мешкова,

доцент кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: yemeshkova@mail.ru

ФУНКЦИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИВЕКТОРНЫХ ДИСКУРСАХ И ПЕРЕВОД

Статья посвящена проблеме перевода элементов функции воздействия в поливекторных дискурсах. Функции языка — общения, сообщения, воздействия — рассматриваются с позиций функционально-стилистической теории В.В. Виноградова и А.А. Липгарта. В статье также затрагивается вопрос о соотношении понятий «дискурс» и «функциональный стиль». Приведена классификация стилистически маркированных языковых единиц, реализующих функцию воздействия.

Ключевые слова: функция воздействия, поливекторные дискурсы, функции языка, функциональный стиль, перевод.

Elena M. Meshkova,

Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of Theory and Practice of English, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: yemeshkova@mail.ru

Function of Impact in Multi-Vector Discourses and Translation

The article deals with the issue of translating elements of the function of impact in multi-vector discourses. In distinguishing between the three functions of language — the communicative, the intellectual, and the aesthetic ones — the author follows Viktor V. Vinogradov's and Andrei A. Lipgart's theory of functional stylistics. The article also focuses on the correlation between discourse and functional style and provides classification of stylistically marked linguistic units performing the function of impact.

Key words: function of impact (aesthetic function), multi-vector discourses, functions of language, functional style, translation.

В современном языкознании, базирующемся на антропоцентрической парадигме, значительный интерес, а также и трудности в плане перевода вызывает так называемая репрессивно-агрессивная функция, наряду с функцией воздействия, применяемой «в мирных целях». К репрессивно-агрессивной функции можно отнести элементы функции воздействия, использованные как знаки вербальной агрессии. Под вербальной (речевой, словесной) агрессией мы будем понимать проявления грубости в речи, «негативное речевое воздействие и взаимодействие», обидное речевое поведение (хула, иронические высказывания и т.п.), а также «выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой для данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме». Проблема перевода этих элементов рассматривается нами на материале по-

ливекторных дискурсов: политического, художественного, разговорного и т.д. [Щербинина, 2012, с. 13; Мишкурлов, 2012а].

Согласно академику В.В. Виноградову, можно выделить три основные функции языка: общения, сообщения и воздействия [Виноградов, 1968, с. 6]. Данная трихотомия имеет категориальную природу: она применима ко всем фактам языка и основывается на единстве понятийных и языковых характеристик, при этом данные функции могут рассматриваться в предельно обобщённом смысле как взаимоисключающие категориальные формы, обладающие «лингвистическим выражением и экстралингвистическим содержанием» [Lipgart, 1997, p. 6—7].

Соотношение плана содержания и плана выражения функций языка можно обобщить следующим образом. Для функции общения характерно неспециальное и неэмоциональное содержание, а в плане выражения с ней соотносятся слова «основного словарного фонда», которые реализуют свои синонимические, полисемантические и омонимические языковые свойства и употребляются в составе устойчивых морфо-синтаксических и лексико-фразеологических моделей. Функция общения характеризуется отсутствием специальных, официально-деловых и экспрессивно окрашенных слов и оборотов речи. Таким образом, функция общения является немаркированным членом данного категориального противопоставления, и использование языка в этой функции фактически представляет собой языковую норму, которая присутствует в произведениях речи любой функционально-стилистической направленности: и в разговорах на бытовые темы, и в научных статьях, и в художественных текстах [Липгарт, 2006, с. 41].

Две другие функции — сообщения и воздействия — являются маркированными. Функция сообщения связана с передачей специального и неэмоционального содержания, с наличием специальных и официально-деловых и отсутствием экспрессивных слов и оборотов речи. Для неё характерно ограничение присущих словам «основного словарного фонда» синонимических, полисемантических и омонимических языковых свойств, а также ограничение их сочетаемости в составе устойчивых морфо-синтаксических и лексико-фразеологических моделей. Поэтому функция сообщения присутствует главным образом в тех произведениях речи, где на первый план выходит изложение понятийного содержания, передача интеллективной информации. Иными словами, данная функция реализуется в ситуациях специализированного общения (научного, профессионального, делового), и для неё характерно ограничение идиоматических свойств языковых единиц (ограниченная лексико-фразеологическая и морфо-синтаксическая сочетаемость слов и преобладание логико-понятийных связей между

ними), обусловленное уточнением понятийного плана [Липгарт, 2006, с. 41—42; Lipgart, 1997, p. 6]. Примером реализации функции сообщения может служить употребление английского глагола “to grow” в прямом значении с ограниченной лексико-фразеологической и морфо-синтаксической сочетаемостью в научных текстах по биологии (“plants grow”) в противоположность многообразию лексико-фразеологических связей этого глагола, характерному для функции общения: “to grow pale”, “to grow old”, “to grow angry”, “to grow tired” [Комарова, Липгарт, 1993].

Функция воздействия связана с передачей неспециального и эмоционального содержания, с наличием экспрессивных и отсутствием специальных и официально-деловых слов и оборотов речи. Для данной функции характерно расширение свойственных словам «основного словарного фонда» синонимических, полисемантических и омонимических языковых свойств и их сочетаемости в составе устойчивых морфо-синтаксических и лексико-фразеологических моделей. Функция воздействия преобладает в произведениях речи, направленных на создание эстетического эффекта посредством использования языковых единиц; реализация данной функции связана с обыгрыванием и даже нарушением языковой нормы, с актуализацией метасемиотического потенциала языковых единиц и развитием ассоциативных планов. Функция воздействия ассоциируется прежде всего с коннотативностью — реализацией эмоционально-экспрессивно-оценочных созначений языковых единиц. Однако к проявлениям функции воздействия относятся не только ингерентно и адгерентно коннотативные слова и выражения, «высокая», «поэтическая» лексика или метафорическое употребление слов (более подробная классификация элементов функции воздействия будет приведена ниже), но и «все те ситуации, когда при рассмотрении контекстуальных свойств языковых единиц обнаруживается так называемая функционально-стилистическая переориентация их употребления (например, использование вполне обычных и на общезыковом уровне стилистически нейтральных слов в символическом значении, употребление профессионально окрашенной лексики и более протяжённых отрезков речи интеллективного характера в необычном контексте и т.п.), а также случаи актуализации потенциальных свойств языковых единиц других, более или менее орнаментальных уровней организации текста» [Липгарт, 2006, с. 40, 42; Липгарт, 1997, с. 21—22].

Категориальная трихотомия функций языка применима по отношению к единицам всех уровней; при этом взаимоотношения между функциями языка носят динамический характер: во-первых, с точки зрения исторического развития языка часть элементов функции воздействия может переходить в разряд элементов функ-

ции общения (поговорки, пословицы, речения гномического характера), а во-вторых, элементы функций общения и сообщения могут подвергаться функционально-стилистической переориентации и выполнять функцию воздействия [Липгарт, 2006, с. 42, 43—45, 47].

Итак, функция общения реализуется во всех ситуациях и во всех произведениях речи, где не происходит усложнения понятийного плана и не наблюдается актуализации потенциальных свойств языковых единиц; функция сообщения связывается в первую очередь с научными текстами, а функция воздействия реализуется наиболее полно в произведениях словесно-художественного творчества. Тем не менее отсутствует прямое и однозначное соответствие между функциями языка и функциональными стилями.

Функциональный стиль представляет собой «исторически сложившуюся, осознанную обществом подсистему внутри системы общенародного языка, закреплённую за теми или иными ситуациями общения (типичными речевыми ситуациями) и характеризующуюся набором средств выражения (морфем, слов, типов предложения и типов произношения) и скрытым за ними принципом отбора этих средств из общенародного языка» [Степанов, 1965, с. 218]. В системе развитых литературных языков обычно выделяют следующие функциональные стили: научный, обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальный, публицистический и художественно-беллетристический [Ахманова, 2007, с. 456].

Для всех функциональных стилей характерна функционально-стилистическая неоднородность. Функционально-стилистическая (понятийно-языковая) неоднородность означает, что в произведениях речи одного и того же стиля встречаются элементы всех трёх функций языка в разных соотношениях. При этом в текстах любого стиля обнаруживаются языковые особенности, характерные для данного стиля в целом (присутствующие во всех текстах данного стиля), обусловленные его понятийной направленностью и потому получившие название инвариантных (например, использование сложных слов нестойкого типа в научных текстах); языковые характеристики, присутствующие в текстах данного стиля, но распределяющиеся в них неравномерно, усложняющие языковую структуру текста и лишь опосредованно связанные с содержанием (понятийной направленностью), получили название вариативных (например, использование оценочных прилагательных в научном стиле [Комарова, 1996, с. 48—49]); помимо этого, в текстах одного стиля могут спорадически встречаться элементы других стилей, не имеющие отношения к функционально-стилистической направленности данных текстов; различные сочетания инвариантных и вариативных языковых характеристик в текстах того или иного

функционального стиля и создают его функционально-стилистическую неоднородность [Lipgart, 1997].

Тесную связь переводоведческих и стилистических исследований подчёркивал В.Н. Комиссаров: «...предмет стилистики имеет много общего с переводом как объектом лингвистического анализа». Стилистические исследования «подходят к языку с точки зрения отбора его единиц для выполнения определённых функций <...> функциональный анализ языковых средств охватывает все уровни языка. <...> стилистика изучает функции единиц разного уровня в их совместном употреблении в различных видах речевой коммуникации. <...> Перевод необходимо предполагает выбор языковых средств, взаимодействие которых обеспечивает выражение определённого содержания в процессе межъязыковой коммуникации <...> любая разновидность текстов обладает определёнными особенностями, которые находят некоторое отражение и в процессе перевода таких текстов. <...> Принадлежность оригинала к определённому функциональному стилю ИЯ определяет его доминантную функцию, которая должна быть передана в переводе, и, как правило, предопределяет и выбор функционального стиля перевода» [Комиссаров, 2007, с. 117, 124—125].

Термин «дискурс» широко распространён в современной науке о языке, однако разные исследователи определяют его по-разному. Н.Д. Арутюнова называет дискурсом «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 137]. Такая формулировка является, на наш взгляд, слишком широкой, поскольку любая речь вообще, за исключением, возможно, текстов художественных произведений, «погружена в жизнь»: речевые произведения создаются в том или ином экстралингвистическом контексте. Е.И. Шейгал предлагает считать дискурсом систему коммуникации, которая имеет реальное и потенциальное измерения. Дискурсом в реальном измерении называется текущая речевая деятельность в определённом социальном пространстве, а также речевые произведения (тексты), возникающие в результате этой деятельности и рассматриваемые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Дискурс в потенциальном измерении можно представить как семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, обслуживающие ту или иную коммуникативную сферу, и совокупность прецедентных высказываний и текстов [Шейгал, 2004, с. 12—13].

В ряде случаев тексты, относимые к одному и тому же дискурсу, по своим понятийным и языковым характеристикам принадлежат разным функциональным стилям. Так, например, Е.И. Шейгал, исследуя политический дискурс, приводит среди прочих следую-

шие примеры текстов данного дискурса, которые явно различаются по своим функционально-стилистическим характеристикам:

«Моё отношение к власти определяется двумя ключевыми словами. Слово № 1 — ответственность... И второе: для меня власть — инструмент, которым обязан уметь пользоваться человек, деятельность которого связана с использованием власти для достижения цели» (А. Чубайс, АиФ) [там же, с. 80].

«Верхам настолько наплевать на низы, верхи настолько ничего не хотят, что низы “не хотят” с удвоенной энергией. Равнодушие власти превратило “дорогих россиян” в самый равнодушный к этой власти народ в мире.<...> Власть пронесится мимо “селян” по Рублёво-Успенскому шоссе на большой скорости, сверкая мигалками и поражая зрение размерами кортежа. Иногда её замечают в правительственной ложе на значимых футбольных матчах. Это способ единения с народом, правда, единения ложного» (А. Колесников, Известия) [там же, с. 80—81].

Первый из приведённых отрывков по большей части нейтрален в стилистическом отношении. Пожалуй, единственным элементом, ассоциирующимся с функцией сообщения, является формулируемое говорящим определение власти (по своей синтаксической организации оно напоминает словарное определение). Второй же отрывок явно стилистически маркирован: здесь мы находим сниженную отрицательно-коннотативную лексику (ингерентно-коннотативный глагол «наплевать», адгерентно-коннотативные наречие «иногда» и прилагательное «значимые [футбольные матчи]»), адгерентно-коннотативное использование слов «верхи» и «низы», вызывающее ассоциации с определением революционной ситуации, данным В.И. Лениным и широко известным благодаря школьному курсу истории; ироническое цитирование, как прямое в кавычках («дорогие россияне», «селяне»), так и косвенное («единение с народом»), лексикона представителей власти и официальных СМИ, соположение однокоренных слов («равнодушие», «равнодушный»), ироническое уточнение с лексическим повтором («правда, единения ложного»), лексический повтор в начале ритмически тождественных однородных простых предложений в составе сложного, производящих впечатление параллельных конструкций («Верхам настолько наплевать на низы, верхи настолько ничего не хотят»). Фактически, он перенасыщен элементами функции воздействия (которые, кстати, вполне можно рассматривать как проявления вербальной агрессии), при том что в нём практически отсутствует аргументация. Данный отрывок можно отнести к нулевой, или риторической, разновидности публицистических текстов [Хуринов, 2009, с. 12—18]. И перевод такого текста несомненно вызовет больше трудностей, чем перевод первого отрывка, а потому в пере-

водческой практике, не говоря уже об обучении языку и переводу, невозможно ограничиться недифференцированным отношением подобных текстов к политическому дискурсу: необходимо рассмотрение и их функционально-стилистических свойств с тем, чтобы выбрать адекватные способы передачи их понятийного содержания и языковых особенностей при переводе на другой язык.

Элементы функции воздействия могут использоваться в поливекторных дискурсах как средство манипуляции. Г.А. Копнина, вслед за Е.Л. Доценко, определяет манипуляцию как «вид психологического (здесь и далее подчёркивание наше. — *Е.М.*) воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями». Речевое манипулирование является разновидностью манипулятивного воздействия и осуществляется путём искусного использования определённых языковых средств с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата. Решающим в определении того или иного речевого действия (речевого акта, или высказывания) как манипулятивного является манипулятивное намерение, реализация которого представляет собой манипулятивную попытку или манипулятивное воздействие, в зависимости от того, была ли достигнута цель манипуляции [Копнина, 2010, с. 10, 25, 35].

Речевое манипулирование представляет собой достаточно сложный по форме и многоуровневый по структуре процесс непрямого коммуникативного и психологического воздействия на массовую аудиторию или конкретного адресата. Речевая агрессия и речевое манипулирование в ряде случаев оказываются взаимосвязанными, хотя манипулирование далеко не всегда сопровождается использованием вербальной агрессии, так же как и речевая агрессия далеко не всегда связана с манипуляцией. Оценить высказывание как деструктивно манипулятивное (т.е. такое, которое нарушает гармонию общения и предполагает нанесение вреда адресату или третьим лицам и одностороннюю выгоду для адресанта) возможно лишь на основании анализа всех обстоятельств речевой ситуации, мотивов и намерений участников общения, а также достигнутых результатов [Щербинина, 2012, с. 171].

Ю.В. Щербинина выделяет три уровня речевой манипуляции: «1) фактический (жонглирование фактами, смешение разнородной информации, избирательная подача сведений, частичное или одностороннее освещение событий); 2) логический (уловки аргументации: подмена или искажение тезиса, выдвижение неистинных аргументов, “притягивание” выводов); 3) собственно языковой (использование слов с размытыми, неточными или неопределёнными значениями, обобщение адресата в местоимении “мы”, при-

влечение трюизмов (банальных истин), использование намёков)» [там же, с. 165]. Заметим, что перечисленные Щербининой «собственно языковые» средства манипуляции не соотносятся напрямую с элементами функции воздействия (они лишены ингерентной коннотации), что, однако, не исключает возможности приобретения ими адгерентных коннотаций в контексте.

Поскольку речевое манипулирование есть разновидность речевого воздействия, уточним, что понимается под последним. По мнению О.С. Иссерс, под речевым воздействием понимают «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности» [Иссерс, 2011, с. 20]. Заметим, что речь может быть целенаправленной (например, чтение доклада или лекции), но говорящий при этом ставит перед собой задачу передать информацию, а не воздействовать на аудиторию. Основная проблема в исследовании речевого воздействия связана с изучением намерений говорящего и всех находящихся в его распоряжении языковых средств, которые обеспечивают достижение коммуникативной цели. Однако коммуникативная цель вовсе не обязательно заключается в воздействии на адресата. Р. Лакофф различает обычный разговор (*ordinary conversation*) и «персуазивный дискурс» (*persuasive discourse*), при этом он отмечает, что точно разграничить данные «типы дискурса» невозможно [см.: Иссерс, 2011, с. 20].

Функция воздействия, рассматриваемая порой как проявление языковой игры, используется в поливекторных дискурсах в различных коммуникативных целях, в том числе:

- а) с интенцией продать товар (в рекламе), обмануть, ввести в заблуждение и т.п.;
- б) рассмешить, развлечь и т.п.;
- в) привлечь внимание;
- г) а также «осадить — осудить — заклеить — пригвоздить адресата» и т.д. [Мишкуроев, 2012б, с. 8].

Обстоятельная классификация элементов функции воздействия различных языковых уровней на материале русского языка, приведённая В.З. Санниковым, рассматривает только те случаи, когда элементы функции воздействия способствуют созданию комического эффекта, поскольку он исследует лишь одну разновидность языковой игры — «языковую шутку», которую определяет как языковую неправильность или неточность, намеренно допускаемую говорящим и соответственно воспринимаемую слушающим [Санников, 1999, с. 15—16, 26]. При этом исследователь подчёркивает, что не всякая шутка, выражаемая словами, есть языковая шутка: если комический эффект вызван самой словесно описанной ситуацией и не связан с реализацией метасемиотических свойств язы-

ковых единиц, то такая шутка будет предметной, а не языковой [там же, с. 30—32]. Напомним читателю некоторые элементы функции воздействия, рассмотренные В.З. Санниковым в «языковых играх».

Аллитерация:

*Фи! Фонтан фраз
на фронто́не филиала Флоренции
как фото франта Фомы во фраке философа /.../* (А. Иванов. Фее-
рическая фантазия — пародия на стихи П. Вегина).

Паронимия:

Осип охрип, а Архип осип.

От гурии до фурии один шаг (В. Ардов. Почки).

Игры с графикой, орфографией и пунктуацией, например:

*Новый русский в книжном магазине спрашивает: «Дайте мне, пожа-
луйста, книгу “30 щенков”». Продавец: «У нас такой нет». —
«Как нет? — возмущается покупатель. — Вон на полке стоит». —
«Не “30 щенков”, а “ЗОЩЕНКО”», — поправляет продавец.*

Расчленение словоформы: *Настоящий мужчина состоит из мужа
и чина* (А. Чехов. Из записных книжек).

Обыгрывание грамматических категорий, например категории
залога:

*Ах, дядюшка! Но вы его поймёте
И не осудите профессии недуг,
Тем более, что очень часто тётей
В Семен Сергеича швыряется уютю*
(А. Архангельский. Октябрины).

**Обыгрывание особенностей синтаксического функционирования
языковых единиц**, например:

*Приехал из России какой-то инженер с какой-то своей «не женой».
Инженера мы так и не видели, а «не жена» говорила, что большевизм
и до весны не дотянет* (Тэффи. Из дневников ненаписанных).

Сравнение:

*Даже очень хорошая остро́та должна быть как шприц: одноразо-
вого пользования* (Л. Лиходеев).

Метафора:

*Разрежем / общую курицу славы
и каждому / выдадим / по равному куску* (В. Маяковский. Посла-
ние пролетарским поэтам).

Метонимия:

Сосредоточенно побежали там лица (А. Белый. Петербург, I).

**Создание новых слов (обыгрывание словообразовательных воз-
можностей языка):**

*Во время антракта я выпила холодной, ужасно холодной воды с
немножечком коньяку...* (А. Чехов. Страдальцы).

Экспрессивное словообразование с обценными элементами (в замаскированном виде):

— *Хорошо положили, а? За полдня. Без подъёмника, без фуёмника.* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Сочетание разностильных синонимов:

— *Господи! — ахает торговка. — Личико-то! Личико-то. Харю-то евонную посмотри!* (Тэффи. Веселая вечеринка).

Нагромождение синонимов, в том числе окказиональных:

У иного /.../ пишущего даже не скоропись, а борзопись, резвопись, лихопись (З. Паперный. Плагол времён).

Незнание говорящим литературного синонима:

[Свидетель в суде]: *«Иду, вижу: двое е...ся». Судья поправляет: «Совокупляются». — Я и сам сначала так думал, господин судья! А потом вижу: нет, все-таки е...ся.*

Обыгрывание многозначности слов:

70% бракоразводных процессов возбуждаются женщинами, а 70% женщин — мужчинами (А. Кнышев. Тоже книга).

Обыгрывание фразеологизмов, пословиц, поговорок, устойчивых фраз:

Где бы ни работать, лишь бы не работать, а работать не прикладывая рук [Санников, 1999, с. 52, 53, 294, 56, 66, 88, 96, 122, 126, 128, 169, 234, 235—236, 241, 316].

Проблема перевода элементов функции воздействия имеет особое значение, поскольку политическая и культурная традиция, существующая в разных странах, предопределяет выбор собственно языковых средств для передачи того или иного содержания, которые могут совпадать или не совпадать в переводе. Рассмотрим несколько примеров. Первый из них относится к художественному дискурсу:

It was doubtful if he knew who Andrew Jackson was as he wandered around, but perhaps he figured that if people had preserved his house Andrew Jackson must have been someone who was large and merciful, able to understand (F.S. Fitzgerald. The Last Tycoon).

Сомневаюсь, знал ли Шварц, бродя у колонн, кто такой Эндрю Джексон. Но, возможно, ему думалось, что раз уж дом сохранён как реликвия, то, значит, Эндрю Джексон был человек большого сердца, сострадательный и понимающий (Пер. О.П. Сороки).

В этом примере адгерентно-коннотативное прилагательное “large” передано на русский язык с помощью коннотативного словосочетания «человек большого сердца», изменена также и синтаксическая структура предложения. Ещё один пример:

This reminded me to get rid of the piece that had been boring me for hours. I wrapped it in a piece of magazine and put it into the automatic

ash-holder. “I can always tell people are nice — “the stewardess said approvingly” — if they wrap their gum in paper before they put it in there”.

Я завернула жевательную резинку в страничку журнала, сунула в пепельницу с пружинной крышкой. — Сразу отличишь воспитанных людей, — одобрила стюардесса. — Всегда прежде завернут в бумажку.

Здесь переводчик передаёт скрытую иронию стюардессы, меняя лексическое наполнение и синтаксическую структуру оригинала — модальный глагол “can” и личное местоимение в функции подлежащего устраняются, наречие “always” («всегда») заменено на «сразу», а прилагательное “nice” («любезные») интерпретируется как «воспитанные». Дословный перевод звучал бы по-русски не совсем естественно.

При переводе политических речей с русского на английский можно в ряде случаев наблюдать определённую нейтрализацию стилистически маркированных, сниженных элементов, например:

Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды — это сфера жёсткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства — это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. И это никакие не фобии, ничего я здесь не придумываю, так оно и есть на самом деле. Это как минимум одна из форм конкурентной борьбы.

As demonstrated by historical experience, including our own, cultural self-awareness, spiritual and moral values, and value codes are an area of fierce competition. Sometimes, it is subject to overt informational hostility — I don't want to say aggression, but hostility certainly — and well-orchestrated propaganda attacks. These are not irrational fears, not my imagination, that is exactly how it really is. At the very least, it is one form of competition (<http://www.kremlin.ru>).

В этом отрывке из речи В. Путина, обращённой к представителям общественности и посвящённой вопросам патриотического воспитания молодёжи, использован сниженно-разговорный оборот «ничего я здесь не придумываю», в английском же переводе ему соответствуют слова “not my imagination” — более нейтральные, но полностью соответствующие контексту, общей риторической направленности речи; в целом же можно отметить высокую степень идиоматичности английского перевода.

Таким образом, при переводе элементов функции воздействия коннотативность высказывания в ряде случаев сохраняется, несмотря на структурные преобразования, имеющие место в перево-

де по сравнению с оригинальным текстом. В то же время возможно и устранение элементов речевой агрессии, использованных в оригинале, но неуместных в переводе. Добавим, что проблема перевода этих элементов решается индивидуально в каждом конкретном случае. Возможно, в определённых ситуациях текст оригинала будет последовательно нейтрализовываться переводчиком, если стилистическая маркированность не оказывает существенного влияния на передачу понятийного содержания текста, а цель перевода ограничивается последним и не предполагает воспроизведение всех стилистических маркированных элементов оригинального текста. В ряде же случаев (например, в речи политического деятеля на международных переговорах) излишняя стилистическая маркированность оригинала может оказаться политически некорректной, и задача переводчика — устранить её.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007.
- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1968.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011.
- Комарова А.И.* Язык для специальных целей (LSP): теория и метод. М.: МАЛП, 1996.
- Комарова А.И., Липгарт А.А.* Соотношение языковых и понятийных элементов в научных текстах // Терминоведение. М., 1993. Вып. 3. С. 24—30.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. 2-е изд., доп. М.: ЛКИ, 2007.
- Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2010.
- Липгарт А.А.* Методы лингвопоэтического исследования. М.: Московский Лицей, 1997.
- Липгарт А.А.* О месте журналистики в системе функциональных стилей развитых литературных языков // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сб. статей / Под ред. А.А. Липгарта, А.В. Назарчука. М.: Экон-Информ, 2004. Вып. 2. С. 37—44.
- Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. М.: КомКнига, 2006.
- Мишкuroв Э.Н.* Переводческая интроспекция «языковых игр» в поливекторных дискурсах // Русский язык и культура в зеркале перевода: Матлы III Междунар. науч. конф. М.: Высшая школа перевода МГУ, 2012а. С. 349—356.
- Мишкuroв Э.Н.* Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом осмыслении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012б. № 1. С. 5—15.

- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 1999.
- Степанов Ю.С.* Французская стилистика. М., 1965.
- Хуринов В.В.* Функционально-стилистическая дифференциация англоязычных научных и газетно-публицистических текстов (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Шербинина Ю.В.* Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012.
- Lipgart A.* Functional Stylistics: A Thing of the Living Present (Editorial) // *Folia Anglistica. Functional Stylistics.* 1997. N 1. P. 5—10.

И.С. Парина,

кандидат филологических наук, докторант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e mail: parinai@yandex.ru

ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена проблемам, связанным с переводом фразеологизмов во фразеографии. На примере немецких идиом показано, что в случае отсутствия фразеологического соответствия в переводящем языке, нефразеологический перевод зачастую оказывается недостаточным, и целесообразно дополнить его комментарием, касающимся образной основы идиомы. При наличии фразеологического соответствия случаи полной эквивалентности крайне редки. Фразеологизмы исходного и переводящего языков обнаруживают различия в образной основе, актуальном значении, сочетаемости и распространенности. Поскольку эти различия могут послужить причиной ошибок в употреблении и при переводе фразеологизмов, они заслуживают отражения в словарной статье.

Ключевые слова: фразеология, лексикография, перевод.

Irina S. Parina,

Cand. Sc. (Philology), Postdoc at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: parinai@yandex.ru

Describing Phraseology in Bilingual Dictionaries: Translation Issues

The article, being a case study of German idioms, deals with the issues of translating set phrases in a bilingual dictionary. It is shown that in the case of a non-existent phraseological equivalent a non-phraseological translation is often insufficient, and a comment on the image component of the source language idiom is necessary. If a corresponding set phrase is present in the target language, thorough analysis of its meaning and usage in comparison with the source language idiom might be useful, since differences between partial equivalents are very likely to be found. Such differences may, in turn, lead to mistakes in both usage and translation; therefore, they should be described in dictionaries.

Key words: phraseology, lexicography, translation.

По словам С. Влахова и С. Флорина, в «шкале непереводаемости» фразеологизмы занимают едва ли не первое место [Влахов, Флорин, 1980, с. 179].

Перевод фразеологизмов в рамках их словарного описания представляет собой вдвойне сложную задачу. Во-первых, в этом случае требуется подобрать для фразеологизма соответствие, которое было бы уместным не в одном конкретном контексте, а — гипотетически — в любом контексте с ним. Во-вторых, возможность воспользоваться некоторыми приемами, облегчающими перевод фразеологизмов, например, в художественной литературе (такими,

как компенсация или калькирование), во фразеографии существенно ограничена.

В настоящем исследовании трудности перевода фразеологизмов рассматриваются на материале немецких идиом, корпусный анализ которых проведён нами при подготовке статей для немецко-русского фразеологического словаря¹. Речь пойдёт о подборе соответствия для идиом в лемме словарной статьи и в контекстах, приводимых в словаре в качестве примеров, а также о построении всей словарной статьи в целом.

В теории перевода принята точка зрения, в соответствии с которой фразеологизм предпочтительно переводить фразеологизмом [там же, с. 183; Комиссаров, 1960, с. 57]. Однако при составлении словаря реализация этого принципа не всегда возможна.

Так, большое количество немецких идиом не имеет в русском языке фразеологических соответствий, позволяющих точно передать их актуальное значение и стилистическую окраску, и в словаре традиционно переводится с помощью лексем и свободных сочетаний слов — например, (*jmdm., etw. D) den Garaus machen* и *sich (D) ein Loch in den Bauch freuen*².

(1) Das Internetfernsehen könnte dem Bezahlsender endgültig *den Garaus machen* (Mannheimer Morgen, 18.08.2010).

Интернет-телевидение может окончательно *вытеснить* платный канал (перевод мой. — *И.П.*).

(2) Die Vereinten Nationen haben 2008 zum “Jahr der Kartoffel” erklärt. Die Landwirte im Rhein-Pfalz-Kreis *freuen sich* natürlich *ein Loch in den Bauch*. (Die Rheinpfalz, 05.01.2008)

Организация Объединённых Наций объявила 2008-й год «годом картофеля». Агрономы района Рейн-Пфальц, конечно, *очень довольны* (перевод мой. — *И.П.*).

При нефразеологическом переводе идиом утрачивается образность, которая в некоторых случаях может быть значимой для их употребления. Так, идиома *jmdn. aufs Glatteis führen* — «надуть, одурачить, подвести кого-л.», букв. «вывести кого-л. на гладкий лёд», часто используется в контекстах языковой игры:

(3) *Aufs Glatteis geführt* sieht sich ein NN-Leser, weil die Stadt beim Winterdienst spart und gleichzeitig am Verbot für die Bürger festhält, Salz zu streuen (Nürnberger Nachrichten, 18.11.2010).

¹ Работой над немецко-русским корпусным словарем «Современная немецкая фразеология» занимается творческая группа под руководством Д.О. Добровольского, а первые результаты этой работы представлены на сайте Института немецкого языка (http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/).

² Для идиомы (*jmdm., etw. D) den Garaus machen* в словарях [Бинович. 1956; БНРС, 2004; Добровольский, 1997; Мальцева, 2003] указаны нефразеологические соответствия — «доконать кого-л., прикончить кого-л.; покончить с кем-л., с чем-л.» и т.д., — а идиома *sich (D) ein Loch in den Bauch freuen* в этих словарях не зарегистрирована.

Одураченным (букв. «выведенным на лёд») чувствует себя один из наших читателей, потому что городские власти зимой экономят на уборке и при этом неизменно запрещают жителям посыпать дорожки солью (перевод мой. — *И.П.*).

Образная основа может влиять и на употребление идиом в неигровых контекстах, поэтому информация о ней важна для пользователя словаря. Частично компенсировать смысловые потери при указании нефразеологических соответствий в словарной статье позволяет описание образной основы идиомы в комментарии.

Но и в тех случаях, когда у немецких фразеологизмов есть соответствия в русском языке, их словарное описание требует осторожности. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский указывают на то, что абсолютными эквивалентами в других языках идиомы обладают редко. Это объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники номинации [Баранов, Добровольский, 2008, с. 252].

Действительно, проанализированные нами немецкие идиомы не имеют абсолютных эквивалентов в русском языке. При сходстве актуального значения фразеологизмы двух языков различаются внутренней формой, а при сходстве образной основы — оттенками значения и особенностями употребления.

Примером сходства формы и неполного соответствия содержания могут служить идиомы (*aus jmdm., etw. D*) *Kleinholz machen* и *разнести что-л. в щепки*. Во многих контекстах они взаимозаменяемы:

(4) Das Flugzeug stürzte nach dem Überflug aus der Schweiz am Freitag ab. Es *machte aus* einem Wohnhaus *Kleinholz* (Nach: Vöararlberger Nachrichten, 17.01.2000).

Самолёт рухнул в пятницу после перелёта из Швейцарии. Он *разнёс в щепки* жилой дом (перевод мой. — *И.П.*).

Однако немецкая идиома, в отличие от русскоязычной, допускает употребление с одушевлённым объектом и имеет дополнительные значения — «избить кого-л.» и «обыграть соперника (в спорте)»:

(5) Du weißt genau, dass ich *Kleinholz aus dir machen* könnte, aber das wäre jetzt erst recht unfair [Dietrich, J. Sprung ins Leben. Föritz, 2006, S. 143].

Ты отлично знаешь, что я мог бы тебя *отдубасить*, но сейчас это было бы несправедливо (перевод мой. — *И.П.*).

(6) Wenn man Bobby richtig wütend macht, seinen Zorn auf den Gegner fokussiert, wird der zum Kampfpanzer, der auf dem Spielfeld *aus den Gegnern Kleinholz macht* (Kleine Zeitung, 16.04.1999).

Если Бобби по-настоящему разозлить, сфокусировать его ярость на противнике, то он становится боевым танком, который на игровом поле *разносит* соперников *в пух и прах* (перевод мой. — *И.П.*).

Различия в значении наблюдаются и между идентичными по форме фразеологизмами *auf der Lauer liegen* и *сидеть в засаде*. В некоторых контекстах они выступают абсолютными эквивалентами, например:

(7) Ein Jäger muss für eine Wildsau bis zu 80 Stunden *auf der Lauer liegen*, um sie zu erlegen (Die Südostschweiz, 12.04.2011).

Чтобы застрелить кабана, охотнику нужно *пролежать в засаде* до 80 часов (перевод мой. — И.П.).

Но немецкий фразеологизм также употребляется в контекстах, подобных (7), где соответствие «*сидеть в засаде*» представляется уже неуместным, и он переводится скорее как «*быть начеку*»:

(8) Es genügt nicht, mit Umsicht zu fahren. Man muss wie ein Raubtier *auf der Lauer liegen* (Braunschweiger Zeitung, 30.04.2011).

Просто осторожного вождения недостаточно. Тебе нужно *быть начеку*, словно хищному зверю (перевод мой. — И.П.).

Таким образом, в словарных статьях к рассмотренным фразеологизмам перевод в виде одного, хотя и очень близкого, соответствия был бы недостаточным. Кроме того, поскольку ошибки в использовании фразеологизмов часто возникают из-за языковой интерференции [Hallsteindóttir, 2009, S. 217], в словаре активного типа, предназначенном не только для понимания, но и для создания текстов, целесообразно указывать на то, как отличаются друг от друга по семантике фразеологизмы исходного и переводящего языков. Выполнить эту задачу отчасти могут и примеры употребления фразеологизма, данные с переводом, из которых становится очевидно, что в зависимости от контекста он может переводиться по-разному.

Кроме того, различия между фразеологизмами двух языков, близкими по образной основе, могут быть связаны не с их семантической структурой, «набором» значений, а с особенностями употребления — например, с заполнением валентностей субъекта и объекта. Так, немецкая идиома (*jmdm., etw. D*) *Kopf und Kragen kosten* допускает употребление как с одушевлённым, так и с неодушевлённым объектом, в то время как в русском языке форма «*стоить чему-л. головы*» невозможна:

(9) Das Jahr-2000-Problem kann der deutschen Wirtschaft *Kopf und Kragen kosten*. Jetzt zeigt sich, dass die Warnungen der vergangenen Jahre begründet sind (Nach: COMPUTER ZEITUNG, 05.11.1998).

«Ошибка 2000» может *привести к серьёзным проблемам* для немецкой экономики. Сейчас становится ясно, что предупреждения, которые делались в предыдущие годы, обоснованны (перевод мой. — И.П.).

В двуязычных словарях [Бинович, 1956; БНРС, 2004] различия между немецкой и русскоязычной идиомами не зафиксированы.

Но, на наш взгляд, поскольку специфика сочетаемости идиомы (*jmdm., etw. D*) *Kopf und Kragen kosten* существенна для её перевода, она заслуживает указания в словаре. Этот пример также свидетельствует о необходимости при подборе соответствий для двуязычного фразеологического словаря обращать внимание на их сочетаемостные, синтаксические и прагматические особенности, данные о которых могут быть получены с помощью корпусного анализа.

Различия между фразеологизмами двух языков могут быть связаны и со степенью их распространённости. Например, для идиомы *von Pontius zu Pilatus laufen* в словарях [Бинович, 1956; БНРС, 2004], предлагается соответствие «ходить от Понтия к Пилату», а для *von Pontius zu Pilatus schicken* — «посылать кого-л. от Понтия к Пилату». Однако, в то время как употребление двух немецких идиом подтверждается в корпусе Института немецкого языка более чем тремя сотнями современных контекстов, идиома «посылать (или отсылать) кого-л. от Понтия к Пилату» в Национальном корпусе русского языка встречается лишь дважды, а для «ходить от Понтия к Пилату» примеров употребления в корпусе нет совсем. Необходимо учитывать, что объем корпуса Института немецкого языка (более 5 млрд словоформ) существенно превышает объем Национального корпуса русского языка, содержащего приблизительно 365 млн словоформ. Тем не менее более подходящими соответствиями для немецких идиом с точки зрения употребительности представляются фразеологизмы *гонять по инстанциям (кого-л.)* и *обивать пороги, бегать по инстанциям*.

(10) Ich bin beim Senat ein halbes Jahr lang *von Pontius zu Pilatus gelaufen*, um Förderung zu kriegen. Nichts (Die Zeit, 04.04.1986).

Я полгода в сенате *обивал пороги*, чтобы получить финансовую поддержку. Бесплезно (перевод мой. — И.П.).

На необходимость принимать во внимание распространённость фразеологизмов при подборе соответствий для словарной статьи указывает и Д.О. Добровольский. По его словам, при составлении словаря следует уделять наибольшее внимание функциональной эквивалентности, то есть тому, может ли соответствие переводящего языка употребляться в тех же ситуациях (*funktionalen Domänen*), что и фразеологизм исходного языка. Помимо распространённости, фактором, влияющим на функциональную эквивалентность, является образная основа, поскольку с ней связано ассоциативное окружение идиомы [Dobrovol'skij, 1997, S. 47—53].

Значимость образной основы при переводе фразеологизмов в словаре можно проиллюстрировать с помощью немецкой идиомы *jmdm. ein X für ein U vormachen* (букв. «выдавать перед кем-л. U за X») — «обманывать кого-л., вводить кого-л. в заблуждение». Происхождение этого фразеологизма, скорее всего, связано со

способом мошенничества: пририсовыванием к записанной римской цифре «пять» — например, сумме долга — штрихов снизу, для того, чтобы выдать её за «десять», т.е. обманным путём удвоить записанное число [Duden, 2002, S. 888]. В русском языке есть ряд фразеологизмов, также обозначающих обман, но основанных на другом образе: *втирать очки (кому-л.)*, *пудрить мозги (кому-л.)*, *вешать лапшу на уши (кому-л.)* или более нейтральный по стилю *сбить с толку (кого-л.)*:

(11) Wie bereits andere Forscher zuvor, bestätigten auch die Heidelberger Psychologen, dass man den meisten Menschen leicht *ein X für ein U vormachen kann* (Nach: Salzburger Nachrichten, 25.02.1995).

Психологи из Гейдельберга также подтвердили полученный ранее другими исследователями вывод о том, что многих людей легко *сбить с толку* (перевод мой. — И.П.).

В примере (11) различия в образной основе идиом исходного и переводящего языков не играют существенной роли. Однако немецкая идиома нередко используется в контекстах языковой игры, при которой компоненты *X* и *U* заменяются другими буквами или словами: (*jmdm.*) *ein I für ein Y, ein X für ein O; ein Bit für ein Byte, ein Pils für ein Weizen vormachen*.

При переводе таких контекстов подстановка русскоязычных фразеологических соответствий не позволяет сохранить игровой эффект. Буквальный перевод — пример (12) также передаёт языковую игру лишь частично: поскольку в русском языке нет идиом, близких к исходной идиоме по структуре, полученное соответствие выглядит скорее не как видоизменённый фразеологизм, а как окказиональная метафора. Поэтому словарная статья к немецкой идиоме требует комментария, касающегося её внутренней формы и принципов построения игровых контекстов с ней.

(12) Der Ratgeber “Computerrecht” stellt die Rechte der Käufer vor, damit Händler und Hersteller den Kunden im Streitfall *kein Bit für ein Byte vormachen* (Nach: Rhein-Zeitung, 13.03.1999).

В новом справочнике «Компьютерное право» сообщается о правах покупателей, чтобы продавцы и производители не могли в спорном случае *выдать байт за бит* (перевод мой. — И.П.).

Различия между фразеологизмами исходного и переводящего языков не исчерпываются теми, что были перечислены выше. Так, фразеологизмы двух языков могут отличаться друг от друга своей пропозициональной формой, допускать или не допускать отрицания, употребления в повелительном наклонении или в форме первого лица, по-разному сочетаться с модальными глаголами или образовывать формы пассивного залога. Многим из этих различий не уделялось достаточного внимания в существующих фразеологических словарях, отчасти из-за необходимости сохранять сло-

варное толкование кратким. Однако они могут становиться причиной ошибок при употреблении фразеологизмов и в том числе при переводе. По этой причине они заслуживают детального изучения (например, с помощью корпусного анализа) и описания в словаре.

То, насколько подробным может быть словарное описание фразеологизмов исходного и переводящего языков, во многом зависит от типа словаря. Мы склонны согласиться с Э. Халльштайндоттир в том, что, в словаре необходима информация о различии в семантике между фразеологизмами двух языков, и — в случае существования в переводящем языке нескольких частичных эквивалентов — о различиях между ними [Hallsteindóttir, 2009, S. 221].

При составлении словаря также заслуживает внимания и синонимия идиом в исходном языке. С одной стороны, необходимость фиксировать различия между близкими по значению идиомами в каждом из двух языков усложняет задачу словарного описания фразеологизмов. С другой стороны — сопоставление целых синонимических рядов и семантических полей позволяет более точно подбирать межязыковые соответствия (см., например, [Dobrovól'skij, 1997, S. 55; Kohronen, 2007, S. 585]).

Таким образом, подбор соответствия для фразеологизмов в двуязычном словаре связан со множеством трудностей, решение которых в большинстве случаев требует индивидуального подхода. Но именно их существование делает задачу создания двуязычных словарей особенно актуальной.

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Бинович Л.Э.* Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Гос изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 904 с.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
- Добровольский Д.О.* Немецко-русский словарь живых идиом. Около 1000 идиом. М.: 1997. 201 с.
- Комиссаров В.Н.* Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. 1: Лексико-фразеологические основы перевода. М.: Изд-во лит. на иностранных языках, 1960. 175 с.
- Лепинг Е.И., Филочева Н.И., Цвиллинг М.Я., Москальская О.И.* Большой немецко-русский словарь (БНРС): В 3 т. М.: Русский язык—Медиа, 2004. 1805 с.
- Мальцева Д.Г.* Немецко-русский словарь современных фразеологизмов: около 1400 фразеологических единиц. М.: Русский язык—Медиа, 2003. 505 с.

- Dobrovol'skij D.* Kontrastive Idiomatik Deutsch-Russisch: zur lexikographischen Konzeption // Phraseme in Kontext und Kontrast / Hrsg. G. Greciano, A. Rothkegel. Bochum: Brockmeyer, 1997. S. 45—59.
- Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim u. a.: Dudenverlag, 2002. 954 S.
- Hallsteindóttir E.* Zweisprachige Lernerphraseografie aus funktionaler Sicht // C. Mellado Blanco (Hrsg.) Theorie und Praxis der idiomatischen Wörterbücher. Tübingen: Max Niemeyer, 2009. S. 208—230.
- Kohronen J.* Probleme der kontrastiven Phraseologie // Phraseologie/Phraseology. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / An International Handbook of Contemporary Research / Hrsg. H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick. Berlin; N.Y.: de Gruyter, 2007. S. 574—589.

Селена Станкович,

доктор филологических наук кафедры французского языка и литературы философского факультета Университета в Приштине, Косовска Митровица, Сербия; e-mail: selena972@ptt.rs

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПРЕДЛОГА *POUR* И О СПОСОБАХ ЕГО ПЕРЕВОДА НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК В РОМАНЕ «ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ» АНДРЕЯ МАКИНА¹

Предлоги представляют, с одной стороны, грамматические средства, которые служат для установления отношений между словами как в плане формы, так и в плане содержания, с другой стороны — они являются лексическими единицами, обладающими особыми семантическими свойствами. Во французском языке сегодня предлоги с большой точностью обозначают различные падежные отношения. *Pour*, как один из самых частотных среди них, обозначает многочисленные отношения между словами и словосочетаниями, что можно видеть и из его переводных эквивалентов в сербском языке, как языке с падежной системой. Поэтому целью данной работы является анализ семантических значений предлога *pour*, рассмотрение возможных способов его перевода на сербский язык, изучение падежных отношений, которые этим предлогом выражаются. Для этого рассматриваются случаи, когда *pour* в предложном сочетании переводится соответствующими сербскими предлогами в рамках предложно-падежных сочетаний, затем когда эквивалентом этого сочетания в сербском языке является существительное или именное словосочетание в косвенном падеже без предлога, а также в ситуации, в которых предлог *pour* частично лишен семантического содержания и его роль имеет синтаксический характер.

Ключевые слова: предлог *pour*, французский язык, сербский язык, семантическое значение, переводной эквивалент, предлог, предложное сочетание, предложно-падежное словосочетание, падежные отношения.

Selena Stanković,

PhD in Linguistics at the Department of French Language and Literature, Faculty of Philosophy, The University of Priština, Kosovska Mitrovica, Serbia; e-mail: selena972@ptt.rs

On the Semantic Value of the Preposition *pour* and Its Translation Into Serbian in the Novel *Le Testament Français* by Andrej Makine

As grammatical words employed in establishing formal as well as conceptual relations between words on the one hand, and as lexical units with their own distinctive semantic features on the other, prepositions in Modern French are used to denote a variety of case relations with great precision. Being one of the most frequently used prepositions, *pour* denotes numerous relationships between words within a phrase, which is evident from its

¹ Работа выполнена в рамках проекта Министерства Образования и Науки Сербии «Сравнение в системе сравнительных исследований сербской и иностранной литературы и культуры» № 178019.

translation equivalents in Serbian, itself a language with an elaborate case system. The analysis of semantic values of the preposition *pour*, the examination of various options of its translation into Serbian, and the analysis of the case relations denoted by it are, therefore, the subject matters of the present article. To that effect, the author examines the situations where *pour* is translated as an equivalent to the corresponding Serbian prepositions in the construction “preposition + noun”, denoting a case; also, the author analyzes the circumstances under which the aforementioned prepositional construction is translated into Serbian with a single noun or a noun phrase in an appropriate case form but without a preposition; finally, the author examines occurrences of *pour* as a function word with partially reduced semantic content.

Key words: the preposition *pour*, the French language, the Serbian language, semantic value, translation equivalent, preposition group, construction: preposition + noun, case relations.

Согласно определению во французском языке, предлоги — изменяемая часть речи, служащая для установления отношений подчинения между словами или словосочетаниями [Grevisse, 1993, p. 1476]. В сербском языке предлоги определяются как слова, которые выражают и уточняют отношения некоторых падежных форм одних слов с другими в рамках фразы [Стевановић, 1981, с. 379]. Как отмечает Л. Мелис [Melis, 2003, p. 5], предлоги являются языковыми средствами одновременно незаметными и повсеместными. Хотя они в некотором роде незаметны, они необходимы: если их опускают в речи, высказывание становится непонятным. По словам автора, предлоги имеют двойственную природу: с одной стороны, они представляют собой грамматические средства установления отношений между словами в плане формы и в плане содержания; с другой — это лексические единицы, значение которых, зависящее от контекста, может быть богатым и разнообразным. Помимо семантических характеристик, предлоги имеют и культурную специфику, утверждают М. Гонсальвес и С. де Мело [www.appf.pt/questions_linguisticas/QL_7.pdf, с. 1], поскольку они воплощают репрезентацию мира, которую не может выразить лишь грамматическое описание.

Предлоги не только выражают и устанавливают отношения между словами, к которым относятся, с другими словами во фразе, но и уточняют эти отношения. Иначе, они имеют адвербиальное значение, что указывает, по мнению М. Стеванович, на то, что предлоги происходят от наречий. Адвербиальное происхождение французских предлогов подтверждается многочисленными сходствами в их значении и употреблении с наречиями, а также тем фактом, что некоторое число предлогов используется в качестве наречий [Bidois G., Bidois R., 1971, p. 592]; как говорит Ф. Брюно, «самые старые и абстрактные предлоги, такие как *pour*, могут выступать в качестве наречий» [Brunot, 1965, p. 411]: *avec, selon, suivant, depuis,*

pour, contre, entre, pendant. В сербском языке адвербиальное использование некоторых предлогов (*više, niže, blizu, osim, do, mesto*) и наречный смысл предлогов, ставших глагольными приставками, также доказывает, что эти предлоги произошли от наречий [Стевановић, 1981, с. 380—381]. Однако в то время как сербский язык входит в группу языков, обладающих падежной системой, служащей для выражения различных отношений между единицами фразы и играющей особую роль в языке [Стевановић, 1981, с. 188; 1979, с. 161], французский язык не имеет или скорее больше не имеет падежных флексий. Поскольку они полностью исчезли в XIV в., падежная система сменилась предложной, способной выражать более разнообразные и сложные отношения, нежели падежи, т.е. предлоги выражают те же значения, что и падежи. Одновременно, когда именные флексии потеряли способность выражать отношения между словами, данную роль начали играть наречия. Наконец, когда падежи утратили значение, наречия стали предлогами [Bidois G., Bidois R., 1971, p. 672—673]. Нужно напомнить, что «в индоевропейском праязыке не было предлогов; выражаемые ими отношения передавались посредством многочисленных падежей, облечённых широким кругом значений» [De Saussure, 1979, p. 247], и только наречия, изменив, дополнив и уточнив падежное значение, смогли стать предлогами [Bally, 1965, p. 225; Белић, 1969, с. 260].

На сегодняшний день французские предлоги способны чётко выражать различные отношения между словами и словосочетаниями. Это один из факторов, который необходимо учитывать при переводе на сербский язык, имеющий падежную систему. Один из наиболее частотных предлогов — *pour*, поэтому цель данной статьи — проанализировать способы перевода предлога *pour* на сербский язык и изучить выражаемые им падежные отношения. Для этого мы рассмотрим случаи, когда *pour* переводится на сербский язык с помощью предложно-падежных конструкций. Затем, мы изучим случаи перевода французской предложной конструкции именем существительным или именным словосочетанием в косвенном падеже без предлога, наречием, адвербиальной конструкцией или прилагательным. Наконец, мы проанализируем конструкции, в которых *pour* частично десемантизирован и играет роль лишь синтаксической связки. Материалом данного исследования служит роман Андрея Макина *Le Testament français* (Французское завещание): оригинал и его перевод на сербский язык.

С точки зрения его происхождения предлог *pour* входит в число так называемых *унаследованных* предлогов [Brunot, Bruneau, 1937, p. 608; Wagner, Pinchon, 1962, p. 434], т.е. слов, пришедших непосредственно из латыни, где они играли ту же роль; при этом другую группу слов составляют те, что образованы посредством *несоб-*

ственной деривации [Wagner, Pinchon, 1962, p. 434], это предлоги, созданные французским языком (*avec, devant, malgré, plein, durant, excepté*, etc.). В соответствии с функцией во фразе и с его семантическими особенностями, Ж. и Р. Ле Бидуа [Bidois G., Bidois R., 1971, p. 671] относят *pour* к *полупадежным* предлогам, которые способны выразить как падежные отношения, так и вполне конкретное значение (*avec, en, par et pour*); другие предлоги лингвисты разделяют на *непадежные*, выражающие конкретные отношения (*avant, après, derrière, sans*, и т.д.), и *падежные*, или *пустые* предлоги (*à* и *de*), которые могут полностью утратить значение и стать простыми синтаксическими инструментами или выражать разнообразные падежные отношения. На основании тех же критериев Ф. Брюно и Ш. Брюно [Brunot, Bruneau, 1937, p. 621] включают *pour* в группу *полупустых* предлогов, определяя две другие группы как *полнозначные* и *пустые* предлоги. В. фон Вартбург и П. Цумтор [Wartburg, Zumthor, 1958, p. 359—360] предлагают разделение на две категории: *бесцветные* (пустые) предлоги (*de, à, avec, en, par, pour, sur*) и *полнозначные*. Е. Спанг-Ханссен [Spang-Hanssen, 1963, p. 14] отмечает, что предлоги, унаследованные от латыни, такие как *pour*, соотносятся более с бесцветными предлогами (тогда как предлоги, образованные во французском языке, — с полнозначными), и что предлоги, значение которых наиболее ослаблено, используются чаще всего. С точки зрения значения, Х. Вайнрих различает три класса предлогов: предлоги *направления, присоединения и действия*; *pour* относится к последнему классу, имея значение *совместного действия* [Weinrich, 1989, p. 375, 434].

Существуя изначально в формах *por* (881) и *pur* (1050), предлог *pour* (XIIIe) произошёл от *pro* (842) в результате метатезы согласной *r* и, по-видимому, под влиянием предлога *per* (*par*). *Pro* происходит от латинского *pro*, который выступает в качестве предлога, глагольной приставки и наречия и имеет значение «впереди, перед» при выражении пространственных и временных отношений; он может иметь абстрактное значение «в пользу, для», а также значения *причины, обмена, компенсации, соотношения, цели*. *Pour* заимствовал из латинского языка указанные значения и обрёл другие смыслы, указывая теперь также *направление, назначение, длительность* или *временной предел, цель действия, намерение*, значение подобное *en tant que* (в качестве); он также выражает идеи *замены, соответствия, эквивалентности*; указывает на *следствие* и *уступку* и служит для *выделения* определённого слова во фразе [Rey, 1998, p. 2884—2885]. Все эти значения *pour* исходят из двух главных идей — *направления* или *назначения* и *обмена* или *эквивалентности*, из которых выделяются другие разнообразные значения. Латинский *pro-* также является глагольным префиксом в сербском языке (где

встречается в существительных и прилагательных) и в других славянских языках (где используется иногда в качестве предлога), что доказывает древность этой формы [Белић, 1969, с. 261—266].

Выражая различные падежные отношения и вводя различные дополнения в предложной группе, *pour* переводится при помощи различных сербских предлогов в конструкции *предлог + падеж*. Наиболее частотный из них — предлог *za*. В именной конструкции, с детерминативом или без, *pour* переводится конструкцией с предлогом *za* и именем в винительном падеже. Следовательно, эти предлоги имеют общие значения:

— направления, назначения действия: *Albertine qui, toute la journée, cousait de grands sacs pour la future récolte, la soignait de son mieux.* [Makine, 1995, p. 97] → *Albertina je po ceo dan šila velike vreće za buduću žetvu, a nju je lečila kako je najbolje znala i umela.* [Makin, 2003, с. 59]; *L'écriture fut un geste très important pour mon projet.* [ibid, с. 309] → *Za moju nameru je veoma važno bilo to da ga napišem.* [Makin, 2003, с. 190]; *Pour la grandeur de son règne... Pour le bonheur de Sa Majesté l'Impératrice... Je lève mon verre en l'honneur de Sa Majesté [...]* [Makine, 1995, p. 48] → *Za veličinu njegove vladavine... Za sreću Njenog veličanstva carice... Dižem ovu čašu u čast Njegovog veličanstva [...]* [Makin, 2003, с. 31];

— эквивалентности или обмена, значение, с которым тесно связано понятие цены: *C'est lui qui avait raconté à sa nièce l'histoire de cette incroyable addition de dix mille francs pour un cent de... grenouilles!* [Makine, 1995, p. 121] → *A on je i ispričao sestričini o neverovatnom računu na deset hiljada franaka za stotinu... žaba!* [Makin, 2003, с. 76];

— цели: *Vous, les Français, vous vous battez pour l'argent. Et, nous, les sujets de la reine, nous nous battons pour l'honneur!* [Makine, 1995, p. 160] → *Vi Francuzi se borite za novac. A mi kraljičini podanici se borimo za čast!* [Makin, 2003, с. 99]. С этим значением связано использование целевого союза *pour que*, оборота *pour + инфинитив* и вопросительного наречия *pourquoi (pour quoi)* [Brunot, Bruneau, 1937, p. 628; Bidois G., Bidois R., 1971, p. 710];

— времени: предлог указывает на длительность действия, на время, когда совершается действие: *Les guerres, les révolutions, le grouillement populaire, les fêtes se figeaient, pour une seconde [...]* [Makine, 1995, p. 304] → *Ratovi, revolucije, vreva naroda, praznici — sve se za tren zgusnulo [...]* [Makin, 2003, с. 187]; *Et des livres introuvables qu'on vous prêtait pour une nuit [...]* [Makine, 1995, p. 325] → *Pa one retke knjige koje bi vam neko pozajmio za jednu noć [...]* [Makin, 2003, с. 199]; конструкция может иметь дополнительный смысловой оттенок ограниченной длительности действия: *Béria choisissait un corps féminin pour sa nuit* [Makine, 1995, p. 248] → *Berija je birao žensko telo za svoju noć* [Makin, 2003, с. 153];

— места; так выражается направление и указывается название местности, в которую направляются: *Oui, ce dernier train pour l'Est* [...] [Makine, 1995, p. 139] → *Da, onaj poslednji voz za Istok* [...] [Makin, 2003, с. 87]; *Et le convoi, [...] s'embranla lourdement et repartit pour Tachkent* [...] [Makine, 1995, p. 250—251] → [...] *a kompozicija, [...] tromo se trgla i nastavila za Taškent* [...] [Makin, 2003, с. 154];

— назначения, заинтересованности; *pour* вводит лицо или предмет, для которого совершается действие: [...] *ce sourire très singulier représentait pour chaque femme une étrange petite victoire* [Makine, 1995, p. 15] → [...] *taj osobiti smešak predstavlja za svaku ženu neku čudnu malu pobedu* [Makin, 2003, с. 11];

— причины или мотива: *Se détester pour chaque défaillance.* [Makine, 1995, p. 212] → *Mrzeti sebe za svaki neuspeh* [Makin, 2003, с. 131]. Что касается причинного значения, лингвисты указывают на смысловое противопоставление предлогов *pour* et *par*. Они считают, что *par* указывает непосредственно на причину и субъекта действия, тогда как *pour* выражает непрямую, предполагаемую причину, мотив и воздействующую силу [Bidois G., Bidois R., 1971, p. 711; Wartburg, Zumthor, 1958, p. 372]. Можно сказать, что здесь заметна оппозиция между внутренним моральным мотивом, с одной стороны, и внешней целью — с другой [Spang-Hanssen, 1963, p. 234]. Используемые для выражения причины, *pour* и *par* иногда смешивались в старофранцузском языке [Rey, 1998, p. 2884].

Вводя в качестве дополнения инфинитив, *pour* переводится также сербским предлогом *za* в конструкции с именем или именной группой в винительном падеже. Эти конструкции, крайне часто употребляемые, являются типичным использованием предлога *pour* в значении:

— цели: [...] *dans cette petite Saranza, idéale pour vivre des journées semblables les uns aux autres* [Makine, 1995, p. 37] → [...] *u toj maloj Saranzi, idealnoj za život u kome su dani slični jedan drugom* [Makin, 2003, с. 24]; [...] *cette étrange marchandise était utilisée, à l'époque, pour assouplir les cuirs...* [Makine, 1995, p. 126] → [...] *ta neobična roba upotrebljavana u to vreme za omekšavanje kože...* [Makin, 2003, с. 79];

— следствия: *Ma situation outre-tombe est idéale, non pas seulement pour découvrir cette vie essentielle, mais aussi pour la recréer* [...] [Makine, 1995, p. 309] → *Moj zagrobni položaj je savršen ne samo za otkrivanje suštinskog života nego i za novo stvaranje te suštine* [...] [Makin, 2003, с. 190].

В конструкции с местоимением, переводимой предлогом *za* с местоимением в винительном падеже, предлог *pour* и его сербский эквивалент выражают:

— значение отношения субъекта: *Le vrai théâtre supposait pour nous ce léger tintement de l'énorme grappe* [...] [Makine, 1995, p. 117] →

Pravo pozorište je za nas podrazumevalo ono tiho zveckanje ogromnog grozda stakla [...] [Makin, 2003, c. 74]; *Elle restait, pour moi, toujours la même* [Makine, 1995, p. 310] → *Za mene je bila uvek ista* [Makin, 2003, c. 191];

— назначение действия с указанием адресата: [...] *Albertine murmura comme pour elle-même* [...] [Makine, 1995, p. 91] → [...] *Albertina je kao za sebe mrmrljala* [...] [Makin, 2003, c. 56]; *Tu sais, ce matin, j'ai recopié pour toi deux traductions différentes* [...] [Makine, 1995, p. 281] → *Znaš, jutros sam za tebe prepisala dva različita prevoda* [...] [Makin, 2003, c. 172];

— цель: *Chacun se bat pour ce qu'il n'a pas, sir!* [Makine, 1995, p. 160] → *Svak se bori za ono što nema, gospodine!* [Makin, 2003, c. 99];

— назначение действия, его целесообразность: *Voici Paris! Pour vous les acclamations / Montent de la cité riante et pavoisée* [...] [Makine, 1995, p. 52] → *Evo Pariza! Za vas se jednodušno klicanje / Uzdiže iz nasmejanog i okićenog grada* [...] [Makin, 2003, c. 34]; *Il est un air pour qui je donnerais* [...] [Makine, 1995, p. 110] → *Ima jedna arija za koju bih dao* [...] [Makin, 2003, c. 69].

В конструкции с определенным именем *pour* может также вводить идею причины или мотива; в таком случае его сербским эквивалентом может выступать предлог аблатива **zbog** в именной группе в родительном падеже: *Si je vous prends, ce n'est pas pour vos beaux yeux* [Makine, 1995, p. 97] → *Ne primam vas zbog vaših lepih očiju* [Makin, 2003, c. 59]; *Non, ils ne se battaient pas pour cet argent volé, non!* [Makine, 1995, p. 260] → *Ali oni se nisu tukli zbog ukradenog novca, ne!* [Makin, 2003, c. 160]. Кроме того, можно выделить значение оценки каузальных отношений: *Et pourtant je l'aime? Je l'aime pour son absurde. Pour ses monstruosités* [Makine, 1995, p. 207] → *A ja je ipak volim? Volim je zbog njene nelogičnosti. Zbog njenih grozota* [Makin, 2003, c. 129].

Pour может переводиться с помощью предлога **na** в именной группе в винительном падеже. В таком случае французский предлог в сочетании с именем или наречием и его сербский эквивалент вводят значение временного отрезка, длительности, времени, в течение которого действие длится или уже завершено: *Je compris que ce français, ce tissage des phrases qui me paraissait si naturel, se figerait dès mon départ pour une année entière* [...] [Makine, 1995, p. 275] → *Shvatilo sam da će se taj francuski, to tkanje rečenica koje mi je izgledalo tako prirodno, okameniti čim ja budem otišao na celu školsku godinu* [...] [Makin, 2003, c. 169]; *Je savais bien déjà que je partais pour longtemps* [Makine, 1995, p. 292] → *Već sam znao da odlazim na duže vreme* [Makin, 2003, c. 179]. Выражая тот же смысл, предлог *na* вводит количественное наречие *nekoliko*, требующее родительного падежа: [...] *je plongeais dans un engourdissement fiévreux que seuls les sifflets à l'heure de la*

fermeture interrompaient pour quelques minutes. [Makine, 1995, p. 303] → [...] *utapao u grozničavu obamrlost koju su na nekoliko trenutaka prekidali zvižduci u vreme zatvaranja groblja* [Makin, 2003, c. 186]. В сочетании с определённым словом он переводится тем же предлогом, и *pour* здесь может указывать на цель или направление в пространстве: *Je préparai mon sac à dos en pensant partir le jour même pour mon habituelle marche.* [Makine, 1995, p. 341] → *Pripremio sam ranac sa namerom da istog dana krenem na svoje uobičajeno pešačenje* [Makin, 2003, c. 208].

Вводя имя или именную группу в аккумулятиве, сербский предлог *u* выступает в качестве эквивалента *pour* в именной конструкции с детерминативом или без. Обе конструкции указывают на конечную цель в пространстве: *Charlotte y vivait seule: son fils (mon oncle Sergueï) était entré dans une école militaire, sa fille (ma mère) — partie pour la ville voisine [...]* [Makine, 1995, p. 147—148] → *Šarlota je tu živela sama: njen sin (moj ujak Sergej) je otišao u vojnu školu, a kći (moja majka) — u susedni grad [...]* [Makin, 2003, c. 92]; *Le lendemain, sans prévenir personne, je partais pour Saranza* [Makine, 1995, p. 247] → *Sutradan, ne obavestivši nikoga, krenuo sam u Saranzu* [Makin, 2003, c. 152].

С другой стороны — *pour* может переводиться предлогом *u*, вводящим локатив. Значение предложной французской группы — *pour* + определяемое имя — так же как сербской группы в локативе, связано с указанием на время: [...] *de découvrir dans ses strophes ce „je ne sais quoi de français“ qui restait pour l’instant sans nom* [Makine, 1995, p. 54] → [...] *da u njenim stihovima otkrijemo ono „nešto neuhvatljivo francusko“ što je u tom času ostalo bez imena* [Makin, 2003, c. 34]; *Pour une fraction de seconde mon cœur sembla battre au même rythme que le sien [...]* [Makine, 1995, p. 178] → *U deliću sekunde kao da je moje srce zakucalo istovremeno sa njegovim [...]* [Makin, 2003, c. 110].

Еще одним эквивалентом при переводе *pour* является предлог *radi*, требующий родительного падежа. В таком случае французская предложная группа с именем или инфинитивом и сербская конструкция с именной группой выражают цель: [...] *je me réjouissais de l’absence de ma mère, hospitalisée „pour un simple examen“, nous disait-elle [...]* [Makine, 1995, p. 197] → [...] *radovao zbog odsustva moje majke koja je bila u bolnici „radi običnog ispitivanja“, kako nam je sama kazala [...]* [Makin, 2003, c. 123]; *Car ces femmes savaient que pour être belle, il fallait [...]* *prononcer ces mystérieuses syllabes françaises [...]* [Makine, 1995, p. 15] → *Te žene su dobro znale da radi svoje lepote treba da [...]* *izgovore one tajanstvene francuske slogove [...]* [Makin, 2003, c. 11]; они могут также пояснять действие: *Tout y était: la dégénérescence de l’Occident et la fin toute proche de l’Europe blanche, l’invasion des nouveaux barbares („Nous, les Slaves, y compris“, avait-il ajouté pour être juste) [...]* [Makine, 1995, p. 15] → *Sve je tu bilo obuhvaćeno: degenerisa-*

nost Zapada i blizak kraj bele Evrope, navala novih varvara („uključujući i nas Slovene“, dodao je pravednosti radi) [...] [Makin, 2003, с. 197].

Предложная группа *pour* + *определяемое имя* также переводится конструкцией с предлогом *prema* + *имя или именная группа* в дательном падеже. Здесь передаются значения отношения, направленности действия: *Inconsciemment, par mes questions, par mes dérobades, par mon indifférence feinte pour certains thèmes délicats [...] [Makine, 1995, р. 283—284] → Ja sam i nesvesno svojim pitanjima, izvrdavanjima, tobožnjom ravnodušnošću prema nekim osetljivim temata [...] [Makin, 2003, с. 174];* или направления в пространстве: *Le dernier train pour l'Est venait de partir [...] [Makine, 1995, р. 136] → Poslednji voz prema Istoku je upravo otišao [...] [Makin, 2003, с. 85].*

После безличных глаголов (или глаголов, используемых безлично) *pour* может вводить именную или местоименную группу, которая обычно называется *реальным субъектом* (или *логическим субъектом*). В таком случае сербским эквивалентом является предлог *sa*, вводящий именную группу или местоимение в творительном падеже (инструментативе); сербская конструкция также оказывается безличной: *Il en était de même pour mon regard intérieur [Makine, 1995, р. 288] → Tako je bilo i sa mojim unutrašnjim pogledom. [Makin, 2003, с. 176]; Il en était de même pour moi [...] [Makine, 1995, р. 67] → Slično je bilo i sa mnom [...] [Makin, 2003, с. 42]; Il en était de même pour ceux qui meurent... [Makine, 1995, р. 314] → Tako je i sa onima koji umiru... [Makin, 2003, с. 193].*

Сербский предлог *iz*, требующий родительного падежа, является эквивалентом для *pour*, вводящего определяемое имя. Такие конструкции вводят идею причины, мотива: *La mini-société de notre classe lui vouait autant de mépris qu'à moi, mais pour des raisons tout autres [Makine, 1995, р. 157] → Ono društvanje iz našeg odeljenja preziralo ga je kao i mene, ali iz sasvim različitih razloga [Makin, 2003, с. 97].*

Целевое значение предлога *pour* в инфинитивной конструкции передается в сербском языке посредством предлога *po* и винительного падежа: *Nous reviendrons un jour pour la récupérer [Makine, 1995, р. 77] → Vratićemo se jednom po njega [Makin, 2003, с. 48].*

Кроме многочисленных сербских конструкций типа *предлог + падеж*, французская группа предлог *pour* + *дополнение* может переводиться именем или именным словосочетанием в косвенном падеже без предлога. Падежные отношения, выражаемые таким способом, разнообразны. Имена и именные группы чаще всего используются в **дательном падеже**, что доказывает, что одно из двух главных употреблений *pour* связано со значением направления, назначения действия, субъекта или объекта, в чьих интересах совершается действие. Дополнением *pour* является имя (с детерминативом или без) или местоимение: *Pour Marianne Véron et Herbert*

Lottman / Pour Laura et Thierry de Montalembert / Pour Jean-Christophe [Makine, 1995, p. 9] → *Marijani Veron i Erberu Lotmanu / Lori i Tjeriju de Montalamberu / Žan-Kristofu* [Makin, 2003, c. 5]; [...] *tout n'était pas toujours clair pour mes oreilles d'enfant* [Makine, 1995, p. 9] → [...] *mojim dečijim ušima nije bilo baš sve jasno* [Makin, 2003, c. 65]; *Ou bien une froideur très européenne dans les relations entre les proches, inconcevable pour nous autres, Russes, avec notre collectivisme débordant?* [Makine, 1995, p. 70] → *Ili je bila reč o vrlo evropskoj hladnoći odnosa i među bliskim rođacima, nerazumljivoj nama Rusima sa našim osećanjem za neograničeno zajedništvo?* [Makin, 2003, c. 44]; [...] *une lampe que sa fille installait derrière le rideau en créant pour lui cette douce illusion...* [Makine, 1995, p. 323] → [...] *lampa koju je njegova kći stavila iza zavese da bi mu stvorila tu slatku varku...* [Makin, 2003, c. 198].

Выполняя функцию обстоятельства времени, предложная группа переводится именной группой в **родительном падеже**, имеющем временное значение (вид притяжательного генитива). В таком случае *pour* указывает на длительность действия, законченный временной отрезок: *Et garder pour toute leur vie le souvenir que c'est là, à l'angle d'une rue [...]* [Makine, 1995, p. 119] → *I da celog života čuvaju uspomenu kako su tu na uglu jedne ulice [...]* [Makin, 2003, c. 75].

Предложная группа, в которой *pour* имеет смысл назначения, направленности действия, переводится на сербский язык именной синтагмой в функции прямого дополнения, т.е. в **винительном падеже**: *Ce „samovar“ ironique et cruel signifiait que la guerre était loin, oubliée par les uns, sans intérêt pour les autres, pour nous, les jeunes nés une dizaine d'années après leur Victoire* [Makine, 1995, p. 144] → *Taj ironičan i surov naziv „samovar“ je značio da je rat daleko, jedni su ga zaboravili, druge — nas mlađe rođene desetak godina posle Pobede — nije ni zanimao* [Makin, 2003, c. 90].

Предложная группа *pour* + определяемое имя или местоимение, указывающая на назначение действия и точку зрения, переводится с помощью имени или местоимения, выполняющего функцию субъекта, т.е. в **именительном падеже**: [...] *en appelant ma grand-mère par ce diminutif qui remplaçait d'habitude pour les gens son prénom insolite.* [Makine, 1995, p. 34] → [...] *oslovljavajući baku tim deminutivom kojim su ljudi često zamenjivali njeno neobično ime* [Makin, 2003, c. 22]; *L'image de notre grand-mère était tissée de ces anodines étrangetés — originalité aux yeux de certains, extravagances pour les autres* [Makine, 1995, p. 41–42] → *Slika o našoj baki bila je satkana od tih bezazlenih neobičnosti — jedni su u njima videli originalnost, drugi ekstravagantnost* [Makin, 2003, c. 26]; *La France se confondait pour nous avec sa littérature* [Makine, 1995, p. 324] → *Mi smo Francusku poistovećivali sa njenom književnošću* [Makin, 2003, c. 198].

Мы уже отмечали, что союз *pour que* и конструкция *pour + инфинитив* исходят из использования предлога *pour* в значении цели. Их целевое значение очевидно и в переводе на сербский язык. Такие обороты переводятся союзами, которые указывают на цель действия и вводят целевое придаточное: *Ce pays est trop grand pour qu' ils puissent le vaincre* [Makine, 1995, p. 140] → *Ova zemlja je isuviše velika da bi mogli da je savladaju* [Makin, 2003, c. 88]; *Nous scrutions les rangs des habits noirs pour déceler de potentiels trouble-fête* [Makine, 1995, p. 47] → *Pažljivo smo ispitivali redove crnih odela da bismo otkrili koliko je bilo onih koji su mogli da pokvare svečanost* [Makin, 2003, c. 31]; *Il avait besoin de moi pour goûter pleinement [...]* [Makine, 1995, p. 335] → *A bio sam tu potreban kako bi u punoj meri osetio [...]* [Makin, 2003, c. 205].

Ж. и Р. Ле Бидуа [Bidois G., Bidois R., 1971, p. 710] напоминают, что *pour* перед инфинитивом настоящего времени может также указывать на противопоставление, и это видно из перевода: *Désormais, nous parlions pour ne rien dire* [Makine, 1995, p. 174] → *Otad smo razgovarali, a da ništa ne bismo kazali* [Makin, 2003, c. 107]. Кроме того, если *pour* с формой инфинитива настоящего времени указывает на цель (назначение, целенаправленность), то *pour* в конструкции с формой инфинитива прошедшего времени вводит значение причины [Weinrich, 1989, p. 436; Bidois G., Bidois R., 1971, p. 711]: *C'étaient quelques mots de condoléances, des excuses (Taiwan, Canada...) pour ne pas avoir pu me remettre le colis personnellement* [Makine, 1995, p. 336] → *Bilo je tu nekoliko reči saučešća, izvinjenja (Tajvan, Kanada...) što nije lično mogao da mi preda paketić* [Makin, 2003, c. 205]. По мнению Х. Вайнриха [Weinrich, 1989, p. 434—436], когда *pour* вводит инфинитив в функции дополнения, он используется не как обычный, но как приглагольный предлог.

Сербские целевые предлоги являются не единственным способом перевода конструкции *pour + инфинитив*. Выделяют также:

— придаточные времени: [...] *quelque tante anonyme et dont on n'évoquait le nom que pour parler des femmes restées [...]* [Makine, 1995, p. 16] → [...] *neke nepoznate tetke čije se ime pominjalo jedino kad se govorilo o ženama koje su ostale [...]* [Makin, 2003, c. 11];

— придаточные образа действия: *Elle fit un mouvement pour se lever* [Makine, 1995, p. 263] → *Pokrenula se kao da hoće da ustane* [Makin, 2003, c. 161];

— придаточные следствия: *Tout y avait été conçu pour résister aux hivers sans fin [...]* [Makine, 1995, p. 95] → *Sve je u njoj bilo smišljeno tako da se odupre beskrajnim zimama [...]* [Makin, 2003, c. 58];

— вопросительные предложения: *Le titre la plongea dans une perplexité extrême: Pour en finir avec le relâchement sexuel [...]* [Makine, 1995, p. 93] → *Naslov je baci u krajnje zaprepašćenje: Kako likvidirati seksualnu raspuštenost [...]* [Makin, 2003, c. 57];

— придаточные причины: *Elle avait dû s'entraîner beaucoup pour manier la masse glissante de l'arme avec une telle habileté* [Makine, 1995, p. 218] → *Mora biti da je mnogo vežbala kad je onako spretno rukovala glatkim delovima oružja* [Makin, 2003, c. 135];

— причастие настоящего времени (glagolski prilog sadašnji), выражающее, с одной стороны, действие, одновременное с действием главного глагола, с другой — образ действия: *La France, pour fêter ta grande bienvenue, / Dans la langue des Dieux par ma voix te salue [...]* [Makine, 1995, p. 52] → *Francuska, proslavljajući dolazak srećni tvoj, / Jezikom bogova, a glasom mojim pozdravlja te [...]* [Makin, 2003, c. 33]; или цель: *S'il s'était arrêté pour attendre ma réponse [...]* [Makine, 1995, p. 233] → *Da se zaustavio čekajući moj odgovor [...]* [Makin, 2003, c. 144].

Наречные обороты, выражения и конструкции, содержащие предлог *pour* и выражающие значения времени, образа действия, причины, переводятся на сербский язык посредством:

— наречий: [...] *de rencontrer, pour une nouvelle fois, le Tsar...* [Makine, 1995, p. 109] → [...] *da ću se ponovo sresti sa carem...* [Makin, 2003, c. 69]; *Un jour, il faillit se noyer pour de bon* [Makine, 1995, p. 160] → *Jednog dana se Paška zamalo nije udavio* [Makin, 2003, c. 99]; *Deux ou trois kilomètres en tout et pour tout* [Makine, 1995, p. 173] → *Ukupno dva do tri kilometra*. [Makin, 2003, c. 107]; [...] *d'y rester pour toujours* [Makine, 1995, p. 186] → [...] *tamo ostati zauvek* [Makin, 2003, c. 114]; [...] *l'enfant à qui l'on ne dira rien pour le moment* [Makine, 1995, p. 199] → *dete kojem zasada ne treba ništa reći* [Makin, 2003, c. 124]; [...] *ils étaient issu, pour la plupart [...]* [Makine, 1995, p. 223] → [...] *a većinom su poticali [...]* [Makin, 2003, c. 138]; *C'est pour cette raison que je ne voulais [...]* [Makine, 1995, p. 318] → *Stoga nisam hteo [...]* [Makin, 2003, c. 195]; [...] *quelque denrée rare pour l'hiver [...]* [Makine, 1995, p. 66] → [...] *neka namirnica koja se zimi ređe nalazila [...]* [Makin, 2003, c. 42];

— адвербиальных оборотов: *Et quand, l'été suivant, Charlotte nous parla pour la première fois [...]* [Makine, 1995, p. 44] → *A kad nam je Šarlota sledećeg leta prvi put pričala [...]* [Makin, 2003, c. 28]; *Et pour la énième fois surgit devant mon regard [...]* [Makine, 1995, p. 170] → *I ko zna po koji put mi se pred očima pojavila [...]* [Makin, 2003, c. 105]; *Pour l'instant, je criais silencieusement* [Makine, 1995, p. 248] → *Za sada sam urlao bez reči* [Makin, 2003, c. 153];

— качественного прилагательного: *Elle dut penser à toutes nos conversations pour rien [...]* [Makine, 1995, p. 191] → *Mora biti da je mislila na sve one naše beznačajne razgovore [...]* [Makin, 2003, c. 117].

Pour может быть в определённой степени десемантизирован. Действительно, в некоторых предикативных оборотах этот предлог «раздавлен» и абсолютно пуст, лишён семантического содержания. Речь идёт о тех конструкциях, в которых *pour* выражает эквивалентность, соответствие и вводит именную часть составного ска-

зуемого после глаголов типа *prendre, avoir, laisser*, и т.д. Утрачивая в некоторой степени смысл, предлог играет роль «синтаксической связи» или простого синтаксического инструмента [Brunot, Bruneau, 1937, p. 630], что убедительно демонстрируют переводы на сербский язык: [...] *des noms que nous avons pris, dans notre ignorance, pour d'énigmatiques appellations minéralogiques* [...] [Makine, 1995, p. 21] → [...] *neka imena za koja smo mi u svom neznanju mislili da su zagonetni nazivi minerala* [...] [Makin, 2003, c. 15]; *Tu me prends pour un imbécile, ou quoi?* [Makine, 1995, p. 32] → *Misliš li da sam blesav, šta li?* [Makin, 2003, c. 21]; [...] *cette quintessence française tant recherchée, n'aurait-elle pas pour source — l'amour?* [Makine, 1995, p. 122] → [...] *nije li izvor te toliko izuzetne francuske suptilnosti — ljubav?* [Makin, 2003, c. 77]; *Les escadrilles qui, depuis une heure déjà, survolaient la ville avaient pour cible des régions bien plus reculées* [...] [Makine, 1995, p. 135] → *Eskadrile koje su ceo sat nadletale grad ciljale su neke znatno uvučenije oblasti* [...] [Makin, 2003, c. 85]. Кроме того, встречаются ситуации, когда *pour* не является полнозначным, но обладает «логическим значением сочинительного союза *et*» [Brunot, Bruneau, 1937, p. 609]. Это значение *pour* проявляется в переводе на сербский язык, где его эквивалентами выступают сочинительные союзы (*i, pa, a*): [...] *les souverains se lèvent, le public se retourne pour les ovationner* [...] [Makine, 1995, p. 61] → [...] *vladarski par ustaje, publika se okreće i pozdravlja ih ovacijama* [...] [Makin, 2003, c. 39]; [...] *un poisson trop large pour passer dans le trou* [...] [Makine, 1995, p. 159] → [...] *jedna riba je bila suviše široka i nije mogla da prođe kroz rupu* [...] [Makin, 2003, c. 99]; *Et il fallait entrer dans les isbas de ce paisible enfer pour découvrir que* [...] [Makine, 1995, p. 81] → *A trebalo je ući u izbe ovog mirnog pakla, pa otkriti da* [...] [Makin, 2003, c. 50]; *Il fallait connaître ma mère pour distinguer en elle* [...] [Makine, 1995, p. 202] → *Trebalo je dobro poznavati moju majku pa u njoj prepoznati* [...] [Makin, 2003, c. 126]; *Donner refuge à tous ces gens dans son cœur pour pouvoir les relâcher un jour* [...] [Makine, 1995, p. 211] → *U svom srcu dati pribežište svim tim ljudima, a onda ih jednog dana pustiti* [...] [Makin, 2003, c. 131].

Pour является одним из наиболее частотных предлогов французского языка. Он вводит разнообразные значения, главные из которых — значения направления (или назначения) и обмена (или соответствия). Многообразие падежных отношений, выражаемых этим предлогом, проявляется в его переводе на сербский язык, имеющий развитую падежную систему. Анализ материала показывает, что эквивалентом *pour* могут быть различные сербские предлоги в конструкциях типа *предлог + падеж*: *za*, вводящий винительный падеж, указывающий на направление, соответствие или обмен, цель, время, место, назначение, причину или мотив, следствие и значение

отношения субъекта; *z bog* в группе с родительным падежом, выражающим причину или мотив; *na* в конструкции с винительным падежом, указывающим на длительность или время завершения действия, цель и направление в пространстве; *u*, требующий винительного падежа, передающего идею конечной цели в пространстве; *u* в группе с локативом, выражающим время совершения действия; *radi* с родительным падежом в значении цели и «в интересах кого-либо»; *prema* с дательным падежом, выражающим назначение действия, направление в пространстве и предназначение для кого-либо; *sa* в группе с творительным падежом, вводящим реального субъекта действия; *iz*, требующий родительного падежа в значении причины или мотива, и *po* в конструкции с винительным падежом, обозначающим цель.

В то же время французская предложная группа *pour* + дополнение может переводиться на сербский язык именем существительным или беспредложной именной группой в косвенном падеже. Используются различные падежи: дательный указывает на направление и назначение, родительный — на время и длительность действия; французская синтагма со значением направленности действия иногда переводится винительным падежом, вводящим прямое дополнение; предложная группа, выражающая «точку зрения» и назначение, может переводиться также именительным падежом. Кроме того, конструкция *pour* + инфинитив в сербском языке получает в качестве эквивалентов придаточные времени, образа действия, следствия, причины, вопросительные предложения и причастия настоящего времени. Различные адвербиальные обороты, выражения и конструкции, содержащие *pour*, переводятся наречиями, адвербиальными оборотами и качественными прилагательными. Наконец, некоторые обороты и конструкции, где *pour* лишён смысла, получают сербские эквиваленты, которые явно доказывают, что этот предлог лишь выполняет функцию «синтаксической связки».

Список литературы

- Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française / Éditions Francke. Berne, 1965.
- Bidois G. le, Bidois R. le. Syntaxe du français moderne: ses fondements historiques et psychologiques. T. II. Picard. P., 1971.
- Brunot F. La pensée et la langue. Masson et Cie. P., 1965.
- Brunot F., Bruneau Ch. Précis de Grammaire Historique de la Langue Française. Masson et Cie. Paris, 1937.
- Grevisse M. Le bon usage: grammaire française / Refondue par André Goosse. Duculot. P., 1993.
- Gonçalves M., Melo S. de. www.appf.pt/questoes_linguisticas/QL_7.pdf.

- Melis L.* Les prépositions en français. Ophrys. P., 2003.
- Rey A.* Dictionnaire historique de la langue française. T. 2. F—Pr. Dictionnaires Le Robert. P., 1998.
- Saussure F. de.* Cours de linguistique générale / Édition critique préparée par Tullio de Mauro. Payot. P., 1979.
- Spang-Hanssen E.* Les prépositions incolores du français moderne. G. E. C. Gads Forlag. Copenhague, 1963.
- Wagner R.-L., Pinchon J.* Grammaire du français classique et moderne. Hachette. Paris, 1962.
- Wartburg W. von, Zumthor P.* Précis de syntaxe du français contemporain / Éd. by A. Francke. Berne, 1958.
- Weinrich H.* Grammaire textuelle du français. Traduit par Gilbert Dalgalian et Daniel Malbert / Les Éditions Didier. Paris, 1989.
- Белић А.* Историја српскохрватског језика. Књ. II. Св. 1. Речи са деклинацијом. Научна књига. Београд, 1969.
- Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик I. Научна књига. Београд, 1981.
- Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик II. Научна књига. Београд, 1979.

Материал

- Makine A.* Le Testament français. Mercure de France. P., 1995.
- Makin A.* Francusko zaveštanje. Prevela sa francuskog Anđa Petrović. PAIDEIA. Beograd, 2003.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В.Г. Кульпина,

доктор филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА КАК ШАГ К ПЕРЕВОДНЫМ СЛОВАРЯМ ЦВЕТОЛЕКСЕМ¹

В статье обосновывается необходимость создания исторических словарей терминов цвета польского и русского языков как аспект сопоставительного анализа, важный для теории и практики перевода.

Ключевые слова: лексикография, история языка, термин цвета, перевод, польский язык, русский язык.

Valentina G. Kulpina,

Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Lexicographic History of Color Names as a Step towards Translation Dictionaries of Color Terms

In this article, the author argues that it is opportune to compile historical dictionaries of Polish and Russian color names as an aspect of contrastive analysis, important from a standpoint of theory and practice of translation.

Key words: lexicography, history of language, color names, translation, Polish, Russian.

Задача создания исторических словарей терминов цвета на материале славянских языков в наши дни актуальна и осуществима. Своей задачей я считаю создание полных версий исторических словарей цветообозначений русского и польского языков. Итогом такой работы для теории и практики перевода могло бы стать создание переводных исторических словарей цветообозначений. В решении этой задачи я полагаюсь на целый ряд исторических, историко-этимологических и этимологических словарей [см., например, Сл. XI—XIV, Срезневский, СС, Фасмер, Черных, ESB, NSEJP, SEJP], созданных на материале русского и польского языков, в том числе за последнее время, а также — серий толковых словарей современного русского и современного польского языков. Предпринято новое издание академического словаря русского языка, содержащее уже солидное собрание вышедших из печати томов. Имеется целый ряд монографических работ и целый ряд сборников по истории терминов цвета и их функционированию в синхронии. Наличие

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 01-06-80075.

такой серьёзной базы позволяет ставить задачу по созданию исторических словарей цветообозначений на основе новой концепции лексикографического описания, соответствующей структурам современных знаний о мире. Над концепцией такого описания я работала на протяжении ряда лет [Кульпина 2001, 2004а, б, 2007а, б, в, г, 2011], но тем не менее в рамках единого проекта.

Истоки словаря и его организационные рамки восходят к гранту РФФИ. Мобилизирующим началом послужило для меня приглашение, поступившее от Т.А. Михайловой, профессора МГУ, которая для реализации работы по гранту РФФИ собрала языковедов-«цветовиков». Схема описания также была предложена Т.А. Михайловой. Это был замечательный проект, который впоследствии получил своё печатное воплощение в сборнике под редакцией А.П. Василевича: [Наименования цвета..., 2007]. Впоследствии все свои новации, внедряемые в схему описания, в том числе терминологические, согласовывались мною также с Т.А. Михайловой. Работа была сложная и психологически напряжённая. Добираться до первоисточков всегда тяжело, тем более что эти первичные источники — лишь шаг на пути к истине, зафиксированный и известный. А что было ещё раньше, до нахождения источника данной лексемы, — нам не дано знать, след затерялся во мраке истории. И так исторически сложилось, что с самого начала я занималась как терминами цвета польского языка, так и терминами цвета русского языка, что связано непосредственно с моими научными интересами, которые лежат, в том числе и в сфере переводной лексикографии. Поэтому я благодарна тем людям, которые в своё время меня нашли и привлекли к работе по изучению истории терминов цвета. Благодаря этому первичному импульсу мне удалось узнать действительно много интересного в области концептуализации цвета, и я рассчитываю узнать ещё много важного на пути изучения истории цветообозначений.

Так, слой цветообозначений, унаследованный от праславянского периода и восходящий преимущественно к древнейшим индоевропейским корням, послужил основой для формирования абстрактных терминов цвета. В то же время целый ряд терминов цвета относится к общеславянскому фонду. Наряду с таковыми в русском и польском языках представлены и цветообозначения, присущие лишь части славянских языков, в данном случае — только русскому и польскому. Часть цветообозначений имеет диалектное базирование, связана с народно-поэтической речью (что отразилось, например, в стихах нашего современника — поэта А. Васина-Макарова: «А поля-леса зеленым-зелены дышат. / А солнце золотым-золото летит. / А донник белым-бел медов. / А ты, душа моя...

глаза синим-сини...» [Васин-Макаров, 2002, с. 22—23]. Какая-то часть терминов цвета являет собой неологизмы, возникшие первично в рамках индивидуального цветотворчества как часть авторского идиостиля. В то же время часть лексического материала терминов цвета — как и лексического запаса языка как такового, формируется подчас, можно сказать, из некоего «подручного» строительного материала, «случайного», не обоснованного какой-то высокой языковой логикой, и в этом плане материал терминов цвета весьма показателен. Этнолингвистическую релевантность термины цвета приобретают уже в ходе своего развития, когда начинают «обрастать» значениями и значимостями. Сложилось такое ощущение, что история цветообозначений имеет чрезвычайно большое общенаучное и общелингвистическое значение именно в силу показательности, наглядности путей их развития.

Один из главных вопросов — каким образом от достаточно синкретичных представлений о цвете человек пришёл к нынешней дифференцированности, детализированности этих представлений в их практических воплощениях? Термины цвета функционируют во всех областях знаний, даже таких далёких от сферы цветообозначения, как математика. А ряд прикладных отраслей изобилует цветовыми маркерами, которые призваны оказывать и оказывают массивное воздействие, а то и просто атакуют эмоциональную сферу человека. Это, к примеру, область цветообозначения в косметике, моде, автомобильном дизайне, рекламе чего бы то ни было. Межъязыковая трансформация таких цветовых маркеров связана с переложением на «инопочву» культурных и эмоциональных значимостей, с сопоставительной стилистикой (см.: [Гарбовский 2004, с. 186—201, 273—283]).

Несмотря на произошедшую практически необъятную для взгляда дифференциацию цветовых маркеров, остаются и, более того, развиваются, сферы синкретизма, цветовой неопределённости, обобщённости, генерализованности цвета. Так, *цвета, краски, оттенки* могут быть *пастельные* — по-польски *pastelowe kolory, odcienia* — в группу *пастельных цветообозначений* входят светлые тона (но при этом исключается *белый*, термин *белого цвета* к пастельным тонам не относится, хотя он явно светлый, а не тёмный). Эта группа цветовых маркеров характеризуется спокойной приглушённой тональностью, её признаком является отсутствие раздражающего эмоционального эффекта.

Достаточно синкретично цветообозначение *неоновый цвет*. *Неоновый цвет* — это цвет световых рекламных надписей, названий магазинов, кафе, ресторанов и т.п., а также — рыбок, некоторым разновидностям которых также свойственно светиться и, как и неоновым надписям, вызывать эстетическое чувство.

Зона цветовой непрявленности — зона *цветов радуги*. Какие они, *цвета радуги*? Очевидно, что это не чёрный цвет, не коричневый, не белый. Это яркие, светящиеся цвета, которые радуют глаз и вызывают положительный настрой.

Цвет приобрёл огромную значимость как таковой. То, что цвет сам по себе рассматривается как ценность, мы наблюдаем на каждом шагу. Цвету на основе синестезийного переноса приписываются свойства и характеристики, которыми он не может обладать в силу своей природы, тем не менее цвет для нас и *вкусный*, и *сочный*, и *романтичный* и какой только не бывает.

На протяжении исторического процесса развились эталоны цветообозначений. Так, мы уже не можем говорить, к примеру, о *цвете гиацинта* (для польского языка этот термин цвета — *kolor jacynkowu* “синий/голубой с сапфировым оттенком” [Zareba, 1954, s. 50], имел в его историческом развитии определённую значимость) — ведь появилось большое количество цветковых разновидностей этого цветка.

В «Историческом словаре терминов цвета русского языка» и в «Историческом словаре терминов цвета польского языка» я планирую собрать воедино то, что уже есть в их описаниях, но рассыпано по разным изданиям у разных специалистов—историков языка.

В работе над «Историческим словарём терминов цвета русского языка» я, разумеется, опираюсь на труды по истории цветообозначений Н.Б. Бахилиной [Бахилина, 1975], М.Ф. Мурьянова [Мурьянов, 2007], М.А. Суровцевой [Суровцева, 1976] и многих других. Я намереваюсь, и отчасти эта работа мною проделана, сделать выборки по терминам цвета из имеющихся теперь уже многочисленных этимологических и историко-этимологических словарей русского языка.

Что касается «Исторического словаря терминов цвета польского языка», большой простор для лексикографических исследований и словарной работы даёт материал многочисленных этимологических словарей польского языка, в том числе недавно вышедших, и нескольких абсолютно новых толковых словарей современного польского языка [например, ISJP, USJP]. Хотелось бы особо отметить многочисленные словари неологизмов, выходящие в малых формах и небольшим тиражом в серии *Semiosis Lexicographica* [Semiosis Lexicographica]. Эти словари неологизмов языка писателей, прессы, Интернета, среди которых немало словарей русского языка, содержат, в частности бесценный лексический материал по терминам цвета.

Интересно взглянуть на датировки, квалификационные пометы, узнать, какой этнос породил данное цветообозначение или только дал материал для его «вылепливания», формирования.

Почему речь идёт о двух словарях — и «Историческом словаре терминов цвета русского языка», и «Историческом словаре терминов цвета польского языка»? Дело в том, что на базе словарей запланирован сопоставительный фрагмент работы. Сопоставительный пласт напрашивается сам собой как формирующий базу для переводной лексикографии, к которой устремлены конечные усилия. Возьмём хотя бы цветовые эталоны-прототипы — базу для возникновения и развития терминов цвета. Они разнятся по языкам. Русский язык для того, чтобы определить какой-то конкретный цвет как зеленовато-жёлтый, не обращается (и, возможно, не обращался) к *цвету резеды*. «Не играет» в русском языке особой роли и *цвет фуксии* — *ярко-тёмно-розовый*. Для русского языка такой цвет не слишком важен. Другое дело — для польского языка, в котором *kolor fuksji* ‘цвет фуксии’ весьма релевантен для обозначения ярко-тёмно-розового сегмента цветового спектра. Для этого сегмента имеется ещё и обозначение *amarantowy*, ‘амарантовый’, отсылающее к наполеоновским временам и фигурирующее не в одной польской патриотической песне. В русском языке мы имеем *рябиновый цвет*, *брусничный цвет*. Терминов цвета на такой прототипической базе в польском языке нет. А если в данном языке нет языковой фиксации какого-либо цвета, то носитель данного языка как бы и не видит, не замечает, не фиксирует на нём своё внимание.

Для польского языкового ареала чрезвычайно важен *kolor wrzos* — *букв.* ‘цвет вереск’, *kolor wrzosowy* ‘вересковый цвет’. Носители русского языка вряд ли себе представляют, какого цвета это растение. Надо сказать, что у нас в стране для гурманов-садоводов продаются саженцы вереска по меньшей мере в двух цветовых разновидностях, но это не те разновидности, которые растут в Польше в «диком» виде, образуя целые вересковые поля. Низкорослое растение *вереск* стало в Польше своего рода патриотическим символом, поэмой этноязыкового сознания поляка. Хотя на вид оно, на мой неискушённый взгляд, неприметно — низенькое растение, цветочки мелкие-премелкие неопределённого цвета, который я определила бы как вариации на тему *бордового* и *брусничного* (интересно, что в толковых словарях польского языка нет единства в вопросе определения цвета этого растения).

В сентябре 2010 г. мне довелось увидеть, как цветы вереска продавались на улицах Варшавы в горшочках в двух цветовых разновидностях — посветлее и потемнее. Яркие впечатления поляков от этого растения проистекают, видимо, из их количественных пропорций. Целые поля дружно цветущего вереска, наверное, производят большое впечатление. В любом случае, и это растение, и его цвет дороги носителям польского языка, являются средоточием романтического чувства, поэтом с большим патриотическим нака-

лом. У нас это растение известно лишь ограниченному кругу людей, и я не слышала, чтобы кто-то им сильно восхищался и его поэтизировал. И так со многими растениями прототипического, эталонного цвета, которые могут послужить основой для цветоформирования в одном языке, но при этом не быть релевантными в другом языке, даже близкородственном.

Цвет разлит в природе, но в первую очередь он — принадлежность нашего сознания, в том числе этнического, этнолингвистического сознания, и он — часть мира наших эмоций. Одно и то же растение может видаться из Польши и из России по-разному. Из изобилия цветковых разновидностей за основу цветоформирования могут браться всевозможные разновидности. Так, и в русском, и в польском языках есть *цвет сливы, сливовый цвет*. В польском языке он может называться *kolor śliwka* — букв. ‘цвет слива’, *śliwkowy* ‘сливовый’. В русском языке он видится как *тёмно-синий* [Кульпина, 2001, с. 180]. В польском языке — как *ciemnofioletowy* ‘тёмно-фиолетовый’: ср.: ‘имеющий тёмно-фиолетовый цвет или фиолетовый с красным оттенком, такой, как цвет зрелого плода сливы’ [USJP 3, s. 1577]; ‘тёмно-фиолетовый цвет, похожий на цвет некоторых разновидностей сливы’ [ISJP, t. P..Ż, s. 780]. Опора на цвет-прототип, цветовой эталон, не всегда надёжна, причём нередко даже в пределах одного языка. Цветообозначение, термин цвета — это отнюдь не всегда точка на цветовой шкале. Нередко это цветовой сегмент с обозначенными нашим этноязыковым сознанием пределами, цветовыми границами. Эту данность я стараюсь учесть в своей работе над словарями.

Мои словари терминов цвета — не только исторические. Эволюция цветковых лексем приводит нас к сегодняшнему дню, к синхронии, и далее — к прогнозированию дальнейшей эволюции цветковых маркеров. В наши дни, скажем прямо, цветообозначения могут быть настолько изощрёнными по форме, что догадаться относительно их цветовой сущности весьма трудно, если не проникнуться мыслью автора художественного произведения или создателя цвета губной помады или цвета автомобиля. Цвет всё больше становится языковой и эмоциональной сущностью, несмотря на создание целой массы, гаммы, палитры цветковых образцов.

Богатство цветообозначений — это нередко уже разведанное богатство, хотя в его недрах по-прежнему можно найти много нового и интересного. В то же время это цветковое богатство всё ещё не вполне изучено и приспособлено к его использованию по теме «Язык и мышление» и совершенно не адаптировано к переводческой практике.

В истории русского языка имеются (не побоюсь этого слова) прекрасные, но утраченные модели выражения оттеночности: так,

оттеночность в русском языке могла передаваться моделями на базе приставки НАД-, прибавляемой к термину цвета: НАДРУ-МЯНЬ 'слегка румяный, с лёгким румянцем' [СлРЯ, 10, с. 78].

Первичный импульс, о котором уже говорилось, позволил мне выйти ещё на один пласт исследований цвета — световой.

Цвета, как известно, не бывает без света, цвет и свет имеют одну физическую природу, ведь без эмиссии света нет и цвета. Без света есть *тьма, темнота, чернота*. Способность человека к цвето-различению существует благодаря солнечному свету. Я повторяю эти трюизмы для того, чтобы на этом фоне можно было увидеть, что в сфере цвета и света существуют непростые соотношения и сопряжённости. Древний человек вёл свою жизнь среди массы опасностей. Век его был короток. Добыть пищу и тепло — вот, казалось бы, две доминанты, которые должны были полностью поглотить человеческие стремления, не оставив ему поля для другой деятельности.

Однако материал древних лексем со значением света говорит об обратном. Свет был увиден человеком как необычайно мощная созидательная и эстетическая сущность. В явлении света древним человеком было увидено множество тончайших оттенков, деталей, видов, подвидов и разновидностей. Явление света предстало в невероятно одухотворённом виде, о чем свидетельствуют древнейшие лексемы-композиции, представляющие солнечный свет как свет небес в его отношениях с Землёй, с поднебным миром. Небеса характеризовались с помощью светолексемы свѣтоизли"нньни — «изливающий свѣтъ»: небо [Срезневский, III, стб. 294]; звёзды получали эпитеты свѣтозрачныи «лучезарный» [там же]; свѣтоносньни — «сияющий, свѣтлый»: «лучезарный» [там же]. Глаза человека могли характеризоваться с помощью прилагательного свѣтоси"нньни — «сияющий свѣтом, просвещающий» [там же, стб. 295], *jasnogwiażdzysty* — букв. 'яснозвёздный' [SJPWār, II, s. 140].

Исследователь семантики цвета Н.В. Серов отмечает, что у древних людей преобладала эмоциональная сфера, а ассоциативные выводы довели над рациональными [Серов, 1990, с. 91]. Продуктом такого отношения к жизни, наверно, и стали адъективные композиции со световым компонентом, первоначально формировавшиеся по греческим образцам, впоследствии же зажившие в древнерусском языке уже своей жизнью. Нередко эти прилагательные выступали вместе с цветовым компонентом. Адъективные композиции на базе корневых морфем, несущих в себе понятия света и цвета и кумулирующих красоту двух сущностей, поражают воображение своим разнообразием, одухотворённостью и глубокой эстетикой. Ср.: златозарный [Срезневский, I, стб. 981]; златосианньни — употребляется как эпитет лица и крыльев: ср. — обличье

златосианьно [там же]; златосиуи: златосианюшии крил,... [там же, стб. 982].

Ср. польские композиты, по своей стилистике (нередко и по внутренней форме) соответствующие русским сложениям: *jasno-biały* — букв. ‘яснобелый’ (об ангеле) [SJPWar, II, s. 140], *złotobarwy / złotobarwny* ‘золотого цвета’ [SJPWar, VIII, s. 534], *złotowzory* — *tkany w złote wzory, złotawy* [там же, s. 538] ‘златоузорный’ — ‘вытканый золотыми узорами’, ‘золотистый’.

Прилагательных со световым компонентом можно найти в истории языка великое множество. В течение времени они охватывали всё новые сферы мировосприятия.

Все эти прекрасные световые и цветоцветовые композиты, каждый из которых мог вызывать высокие чувства, будучи зафиксированы в литературе, в многочисленных литературных памятниках, утратились в истории языка. Эволюция понятия света привела к тому, что из сферы *sacrum* они перешли в сферу обыденного сознания. Свет из старательно хранимых и поэтизируемых ценностей стал доступной утилитарной ценностью, но сохранил свои позиции в сфере высокой поэзии.

Необходимой частью лексикографической работы является детальная характеристика элементов, из которых складываются системы цветообозначений обоих рассматриваемых языков, выявление очередных этапов приращения элементов этих систем, развития моделей терминов цвета вплоть до нынешнего этапа.

Актуальной славистической задачей видится нам инвентаризация в указанных исторических словарях терминов цвета русского и польского языков и их презентация в пределах сформировавшихся в истории языка крупных хроматических категорий (концептов — см. Пульпина, 2004а, б, 2007, б, в).

Присоединяюсь к тем авторам, которые считают, что «концепты — это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представление в виде различных стереотипов; их осознаваемость даёт возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и потому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [Карасик, Прохвачева, Зубкова, Грабарова, 2005, с. 8].

В сфере терминов цвета концепты рассматриваются как крупные хроматические категории, представляющие собой лингвоэтночески релевантные термины цвета, вбирающие в себя целый ряд других, менее значимых для данного языка, этноса и его культуры.

Изучение истории цветообозначений позволяет пролить свет на многие вопросы формирования оттеночности, сложности, комплексности цвета, интенсификации и модификации цвета в языке. Анализ эволютивной составляющей терминов цвета способствует выявлению в их развитии аксиологической и коннотативной составляющей и социоментальных движущих сил, связанных с изменениями цветовосприятия в направлении функциональной дифференциации цветовых реляций и в то же время их генерализации в рамках лингвокультурных концептов, что в конечном счёте позволяет вслед за сопоставительным анализом обнаружить соответствующие проекции в сферу переводческой эквивалентности. Функции цветообозначений имеют разную психоментальную направленность: часть этих функций осциллирует в сторону рационализации познания, а часть — служит эстетизации действительности, вступая в духовный мир человека как источник положительных эмоций и как способ утончения его эмоциональной сферы.

Новая концепция лексикографического описания терминов цвета русского и польского языков как сложноструктурных концептов позволила бы создать надёжную научно-теоретическую базу для установления сфер сопряжённости и дивергенций в области цветообозначений в обоих близкородственных языках, закономерностей развития языковых структур и их связи с закономерностями эволюции человеческого мышления. Такая научно-практическая база могла бы пойти на пользу переводной лексикографии терминов цвета, в том числе и переводной исторической лексикографии. Система символов, стилистических и других квалификационных типов помет — это уже вопрос практики и технологии создания переводных двуязычных словарей. Надеюсь, такой этап не за горами.

Список литературы

- Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 543 с.
- Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В.* Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
- Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
- Кульпина В.Г.* Факторы динамизации эволюционных процессов в русской и польской цветономинации. Грант РФФИ (проект № 06-06-80075) // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии (материалы круглого стола) / Отв. ред. А.П. Василевич. М., 2004а. С. 29—32.

- Кульпина В.Г.* Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем. Грант РФФИ (проект № 06-06-80075) // Паланістныка 2002—2003 / Рэд. А. Кіклевіч, С. Важнік. Мінск: Права і эканоміка, 2004б. С. 77—121.
- Кульпина В.Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007а. С. 126—184.
- Кульпина В.Г.* Концепт неоднородного цвета (к проекту исторического словаря терминов цвета русского языка). Грант РФФИ (проект № 06-06-80075) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. IX: Сб. науч.-метод. ст. по вопросам преподавания РКИ / Отв. ред. О.В. Чагина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007б. С. 47—68.
- Кульпина В.Г.* Из истории модификаторов цвета (к проекту исторического словаря терминов цвета русского языка). Тезисы конференции // Грант РФФИ (проект № 06-06-80075). Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологические и прагматические аспекты. Вып. 1. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Логос, 2007в. С. 29—30.
- Кульпина В.Г.* Лингвистическая эволюция понятия цвета как составляющая цивилизационной эволюции (доклад на конференции) // Rozprawę Komisji Językowej. Łódź, 2007г. Т. 52. S. 113—134.
- Кульпина В.Г.* Создание исторических словарей терминов цвета близкородственных языков как актуальная задача современной славистики // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н. проф. С.Б. Бернштейна. 15—17 марта 2011 г. / Гл. ред. А.Ф. Журавлёв, Н.Е. Ананьева. М.: РАН, Ин-т славяноведения; МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический ф-т. М., 2011. С. 176—178.
- Мурьянов М.Ф.* История книжной культуры России: Очерки: В 2 т. / Сост. и вступ. ст. Т.А. Исаченко. СПб.: Мир, 2007.
- Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. 320 с.
- Серов Н.В.* Хроматизм мифа. Л.: Васильевский остров, 1990. 350 с.
- Суровцева М.А.* Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку / Под ред. Н.М. Шанского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. Вып. 8. С. 136—155.
- Semiosis Lexicographica.* Założyciel, wydawca i redaktor serii Jan Wawrzyńczyk (Instytut Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego).
- Zaręba A.* Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Z 2 mapami. Wrocław: Wyd. Polskiej Akademii Nauk, 1954. 204 s.

Лексикографические источники

- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1978—1980.
- СлРЯ XI—XVII* 1975 — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред. Ф.П. Филин; Ред. Г.А. Богатова. М., 1975.

- Сл. XI—XIV* 1990 — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.: В 10 т. / Отв. ред. Р.И. Аванесов М., 1990.
- Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Репринт. изд.: В 3 т. М., 1989.
- СС* 1999 — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М., 1999.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачёва; Под ред., с предисл. проф. Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 8-е изд., стереотип. М., 2007.
- ESB* 2000 — *Bañkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego: W 3 t. Warszawa, 2000.
- NSEJP* 2003 — *Długosz-Kurczabowa K.* Nowy słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 2003.
- SEJP* 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- ISJP* 2000 — *Inny Słownik języka polskiego: W 2 t. A...Ó, P...Ż* / Red. naczelny M. Bańko. Warszawa, 2000.
- SJPWar* 1952—1953 — Słownik warszawski [właściwy tytuł:] Słownik języka polskiego: W 8 t. / Red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Wyd. fotooffsetowe, przedruk z wyd. 1900—1927. Warszawa, 1952—1953.
- USJP* 2003 — Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. S. Dubisza. Warszawa, 2003.

Литературные источники

- Белый А.* Стихотворения и поэмы. М., 2006 (Поэзия XX века).
- Васин-Макаров А.* Дикий мёд. Стихи. М., 2002.

А.П. Миньяр-Белоручева,

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, читает лекции по теории английского языка, по общей теории перевода в Высшей школе перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ostvera@mail.ru

М.Е. Покровская,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: astram1@yandex.ru

**РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ**

Историческая наука обладает своим научно-терминологическим аппаратом, который представлен в русском и английском языках по-разному. До недавнего времени этим различиям не уделялось должного внимания, но проблема назрела и не терпит отлагательства. В данной статье рассматриваются особенности перевода названия Русского государства в различные исторические периоды, общепринятые в отечественной и зарубежной научной литературе.

Ключевые слова: историческая наука, исторические термины, изучение, англо-русские и русско-английские соответствия терминов и номенклатурных образований.

Alla P. Minyar-Belorutcheva,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ostvera@mail.ru

Marina Ye. Pokrovskaya,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: astram1@yandex.ru

Russian-English Equivalents of Historical Names of the Russian State in Terms of Periodization

History as an academic discipline has its own terms and culture-specific vocabulary that are differently presented in the Russian and English languages. Until recently, these distinctions have not been in the focus of the scholarly attention. This article examines some ways of translating the names of the Russian state in the course of its development in different periods of time that have become conventional in Russian and foreign academic literatures.

Key words: History as an academic discipline, historical terms, analysis, English-Russian and Russian-English equivalents, nomenclature.

Современное мировое сообщество характеризуется процессами глубокой интеграции, что естественно ведёт к необходимости общения на понятном и известном для большинства языке. Исторически на роль *lingua franca* в XX в. стал претендовать английский

язык и одержал победу в нелёгкой конкуренции с другими европейскими языками. Это находит отражение в различных сферах общественной и политической жизни и ставит новые задачи перед системой образования, которая становится частью Болонского процесса. Необходимость научить будущего специалиста читать и понимать литературу по специальности на английском языке, уметь воспринимать англоязычную речь на слух, общаться с иностранными коллегами очевидна, но не исчерпывает задач обучения иноязычному общению.

С нашей точки зрения, важно не только научить воспринимать и понимать чужие идеи и теории, но и уметь донести колоссальное российское научное наследие до мировой общественности. Для этого необходимо научиться пользоваться тем научно-терминологическим аппаратом, который был сформирован в нашей стране, и применять его для популяризации российской науки в рамках отечественной научной картины мира.

Постановка столь глобальной задачи подразумевает выявление пошаговых действий для её поэтапной реализации. Одной из проблем, с которыми приходится сталкиваться с самого начала, является установление англо-русских и русско-английских соответствий терминов и номенклатурных образований, принятых в англо- и русскоязычных научных картинах мира в каждой из областей научного знания.

Научная картина мира является неотъемлемой частью общей картины мира и проявляется в восприятии научных явлений через призму национального мышления. В свою очередь национальная научная картина не является целостным континуумом, а подразделяется на специальную и индивидуальную. Специальная научная картина мира обусловлена темпоральным мировоззрением, поскольку каждый учёный является носителем взглядов, характерных для его эпохи. Согласно определению, мировоззрение — это система взглядов на объективный мир и место человека в нём, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации [Большая советская энциклопедия].

Научная картина мира, согласно М. Планку, необходима для создания обладающим внутренним единством представления о действительности, в данном случае о действительности прошлого [Планк, 1966]. Научная картина мира способствует прогрессу человеческого общества в целом, позволяя создавать из отдельных фрагментов фундаментальное представление, в случае исторической науки, о развитии человечества.

Трактовка научной картины мира как некоего абсолютного образца настоящего мира без субъективного человеческого понимания, без зависимости от конкретных суждений и взглядов, по мнению М. Планка, невозможна [Планк, 1966]. Не вызывает сомнения тот факт, что научная картина мира историка обусловлена спецификой предмета данной науки, однако, поскольку каждый историк имеет право интерпретировать события прошлого по своему усмотрению, исходя из представлений своего времени и среды его окружающей, то такая научная картина не является абсолютной. Субъективность восприятия мира прошлого определяется множеством факторов, способствующих изучению и интерпретации исторических событий.

В отличие от многих наук история доступна широкой общественности, что приводит к ошибочному представлению об отсутствии систематизированного знания в данной области. Однако история как наука опирается на упорядоченные научные знания, имеющие принципиальное значение на известной ступени научного развития, что подтверждается наличием научно-терминологического аппарата.

Исторический процесс реконструируется благодаря номенклатуре профессионально ориентированного языка, который в каждой отдельно взятой стране отражает свойственные ей устоявшиеся исторические понятия. Разработанную для анализа разноязычных текстов, модель Р. Каплана, можно с успехом применить для обоснования различий в понимании и вербализации исторических понятий представителями разных культур. Суть теории Р. Каплана заключается в том, что для носителя каждого конкретного языка существует специфическая для него модель развёртывания мысли. Эта модель имеет чёткое вербальное воплощение. Так, для одних языков свойственна некоторая прямолинейность и последовательность развёртывания мысли, тогда как для других характерны постоянные отступления от основной идеи, сопровождающиеся аллюзиями и импликациями [Kaplan, 1966, p. 14].

Исторические термины, будучи высшей формой выражения научной мысли в данной отрасли знания, в полной мере отражают особенности научного мышления носителей разных языков. В силу этого научно-терминологический аппарат исторической науки в различных языках представлен по-разному. Предметом данного исследования будет выявление различий в восприятии и передаче терминов исторической науки в русском и английском языках. До недавнего времени этим различиям не уделялось должного внимания, но проблема назрела и не терпит отлагательства.

В рамках решения этой проблемы в данной статье будут рассмотрены существующие варианты названий Русского государства

в различные исторические периоды, общепринятые в отечественной и зарубежной научной литературе.

Следует начать с названия самой дисциплины, которая в отечественной традиции называется *Отечественная история*, или *История России*. В первом случае этноцентричность подхода не может быть передана средствами английского языка, как впрочем и любого другого. Для любого иностранца это будет *Russian history* в противовес *world history*.

e.g. The regime ultimately was unable to overcome the traumatic events that would lead to the fall of tsarism and initiate a new era in *Russian and world history* [Russia..., 1996].

Другим возможным вариантом является *History of Russia*.

e.g. For a student of Russian history to write a complete *history of Russia* is, in a sense, to give an account of his entire intellectual and academic life [Riasanovsky, 1984, vii].

Логичным видится хронологический подход при рассмотрении вопроса об эволюции названий Русского государства и английских эквивалентах этих названий. Его мы и избраем в данной работе.

Традиционно на первом этапе своего развития наше государство носит название *Русь*. В исторической литературе на английском языке это название транслитерируется в соответствии с правилами передачи русских названий на латинице, где мягкость согласного передаётся с помощью апострофа: *Rus'*, иногда апостроф опускается *Rus*. В британских и американских источниках, как правило, государство этого периода называется *Kievan Rus'*, *the Kievan state*, *the state of Kievan Rus'*.

e.g. *Kievan Rus'*, the first organized state located on the lands of modern Russia, Ukraine, and Belarus, was ruled by members of the Rurikid dynasty and centered around the city of Kiev from the mid-ninth century to 1240 [Gale Encyclopedia..., 2004].

e.g. Franklin, Simon, and Shepard, Jonathan. (1996). *The Emergence of Rus 750 — 1200*. London: Longman.

e.g. *The new Kievan state prospered because it controlled the trade route from the Baltic Sea to the Black Sea* [Russia..., 1996, p. 112].

e.g. The region of Kiev dominated *the state of Kievan Rus'* for the next two centuries [Russia..., 1996].

e.g. The problem of the origin of *the first Russian state*, that of Kiev, is exceedingly complex and controversial [Riasanovsky, 1984, p. 23].

В отечественной научной литературе принят термин *Древняя Русь* и *Древнерусское государство*. При переводе исторических работ с русского языка на английский встречается множество недопониманий со стороны переводчиков, не имеющих исторического образования, которые ведут к искажению периодизации и относят период Древней Руси к более раннему времени, совершенно дру-

гой эпохе. Происходит это от того, что с русского слово *древний* переводится на английский язык как *ancient*, но если мы посмотрим на значения и сочетаемость русского и английского слов с учётом этих значений, то увидим серьёзные различия. *Cambridge advanced Learner's Dictionary and Thesaurus* определяет одно из значений следующим образом:

ancient — describes the period in European history from the earliest known societies to the end of the Roman Empire и приводит примеры сочетаемости: the ancient Egyptians/Greeks/Romans.

e.g. The *ancient* Britons inhabited these parts of England before the Roman invasion.

Словарь Lynguo:

the ancients — 1) древние народы; 2) античные писатели.

ancient history — история Древнего мира.

Но: древние языки — classical languages.

Мы видим, что в историческом контексте слово ассоциируется именно с периодом истории Древнего мира. В доступных нам источниках англоязычных авторов и справочной литературе, среди которых *British National Corpus*, насчитывающий 100 млн единиц, сочетание прилагательного *ancient* с существительными *Rus'* и *Russia* не встречается, что вполне объяснимо с точки зрения периодизации. Оно используется для обозначения таких образований как *Древний Рим*, *Древняя Греция*, которые переводятся как *Ancient Rome* и *Ancient Greece* соответственно. Древнерусское государство появилось в раннефеодальный период, поэтому для передачи его названия можно использовать сочетания *the First Russian State*, *Early Russia*, *Medieval Russia*, если переводчики и авторы научных трудов не хотят использовать только термины *Kievan Rus'*, *the Kievan state*, *the state of Kievan Rus'*. В качестве примера можно привести названия работ зарубежных или переводов на английский язык отечественных историков, которые дают представление обо всём спектре подходов и вариантов перевода, хотя последний пример *Kievan Russia* встречается в трудах до второй трети XX в.:

Fennell, John. (1983). *The Crisis of Medieval Russia 1200—1304*. London: Longman;

Martin, Janet. (1995). *Medieval Russia 980—1584*. Cambridge, UK: Cambridge University Press;

Shchapov, Yaroslav Nikolaevich. (1993). *State and Church in Early Russia, Tenth — Thirteenth Centuries*. New Rochelle, NY: Aristide D. Caratzas;

Vernadsky, George. (1948). *Kievan Russia*. New Haven, CT: Yale University Press.

Что касается прилагательного, то *древнерусский* следует переводить как *early Russian*, а не *Ancient Russian*, возможен вариант *early*

medieval Russian, например: *early Russian miniatures*, *early Russian towns* и *early medieval Russian art*.

Когда речь идёт о территории, то в литературе довольно часто используется термин *Русская земля / Русские земли — Russian lands / the lands of Kievan Rus'*:

e.g. In the fourteenth century, the grand princes of Muscovy began gathering *Russian lands* to increase the population and wealth under their rule [Russia..., 1996].

Следующий термин *киевский князь* имеет два варианта для перевода на английский язык: *the grand prince of Kiev* или *the grand duke of Kievan Rus'*.

e.g. *The grand prince of Kiev* controlled the lands around the city, and his theoretically subordinate relatives ruled in other cities and paid him tribute [ibid.].

e.g. In the early thirteenth century, Prince Roman Mstislavich united the two previously separate principalities, conquered Kiev, and assumed the title of *grand duke of Kievan Rus'* [ibid.].

В атрибутивной функции для этого периода используется *Rus'* в значении *русский: русские княжества — Rus' principalities* [Gale Encyclopedia..., 2004].

На следующем этапе своего развития государство появляется под именем *Московское княжество — the principality of Muscovy*:

e.g. The first ruler of *the principality of Muscovy*, Daniil Aleksandrovich (d. 1303), secured the principality for his branch of the Rurik Dynasty [Russia..., 1996].

Другие встречающиеся в западной литературе варианты: *the grand duchy of Muscovy* или *the grand duchy of Moscow*.

e.g. *The grand duchy of Moscow or Muscovy*, state existing in W central Russia from the late 14th to mid — 16th cent., with the city of Moscow as its nucleus [Columbia Encyclopedia].

При описании периода XIII—XV вв. западные историки используют термин *the Russian state, Muscovy, the state of Muscovy, Muscovite Russia*, в то время как в отечественной литературе находим *Русское государство / Российское государство, Московское государство*. Период возвышения Москвы — *The Rise of Muscovy*.

e.g. *Muscovy*, a historical region and former principality in west-central Russia. Centered on Moscow, it was founded c. 1280 and existed as a separate entity until the 16th century, when it was united with another principality to form the nucleus of the early Russian empire [American Heritage Dictionary].

e.g. More important to Moscow's development in what became *the state of Muscovy*, however, was its rule by a series of princes who were ambitious, determined, and lucky [Russia..., 1996].

e.g. Lower classes in *Muscovite Russia* included slaves and state peasants as well as serfs [Riasanovsky, 1984].

e.g. The development of the Russian state can be traced from Vladimir-Suzdal' through **Muscovy** to the Russian Empire [Russia..., 1996].

Использовать *the Moscow city-state* было бы искажением с точки зрения периодизации истории, поскольку *Московский город-государство* снова относит нас к истории Древнего мира, а речь идёт о периоде Средних веков.

В функции определения для этого периода выступает *Muscovite / Moscow — московский*:

e.g. *The Muscovite court* adopted Byzantine terms, rituals, titles, and emblems such as the double-headed eagle [ibid., 1996].

e.g. Having thus freed themselves from Tatar control, *the Moscow princes* continued to carry out energetically their traditional policy of extending and consolidating their dominions at the expense of their less powerful relations [Encyclopedia Britannica].

Однако с точки зрения эквивалентности и адекватности перевода, следует отметить тот факт, что при переводе на русский язык работ западных историков, относящихся к периоду XV—XVI вв., существительные *Muscovite/Moscow* могут в атрибутивной функции передаваться прилагательным *русский*.

e.g. A *Muscovite* army consisted of five segments or regiments... [Riasanovsky, 1984, p. 187].

Титул *Московский князь, московский государь* может быть выражен сочетаниями *the grand prince of Muscovy / the grand-prince of all Russia / the ruler of Muscovy / the Muscovite ruler*:

e.g. Ivan III forced the lesser princes to acknowledge *the grand prince of Muscovy* and his descendants as unquestioned rulers with control over military, judicial, and foreign affairs [Russia..., 1996].

e.g. By the fifteenth century, *the rulers of Muscovy* considered the entire Russian territory their collective property [ibid.];

e.g. Gradually, *the Muscovite ruler* emerged as a powerful, autocratic ruler, a tsar. By assuming that title, the Muscovite prince underscored that he was a major ruler or emperor on a par with the emperor of the Byzantine Empire or the Mongol khan [ibid].

e.g. Already Dimitri of the Don was called *the grand-prince of all Russia*, but the assumption of such an ambitious title was hardly justified by facts, because there were still in his time principalities with grand princes who claimed to be independent [Encyclopedia Britannica].

После коронации Ивана Грозного появляется термин-реалия *tsar*. Вариант *Государь Всея Руси* соответствует *Ruler of all Rus'*, появляется и титул императора:

e.g. Ivan IV was crowned *tsar* and thus was recognized, at least by the Orthodox Church, as *emperor* [ibid.].

e.g. Ivan III was the first Muscovite ruler to use the titles of *tsar* and “*Ruler of all Rus*” [ibid.].

При описании периода XV—XVII вв. западные авторы применяют названия *Early Imperial Russia / the Russian autocratic state / the autocratic tsardom of Muscovy, the Muscovite tzardom*:

e.g. On the northeastern periphery of Kievan Rus’, those traditions were adapted to form *the Russian autocratic state* [ibid.].

e.g. The complete suppression of these small moribund states and the creation of *the autocratic tsardom of Muscovy* were the work of Ivan III, surnamed the Great, his son Basil and his grandson Ivan IV, commonly known as Ivan the Terrible, whose united reigns cover a period of 122 years (1462—1584) [Encyclopedia Britannica].

С XVIII в. Российское государство официально именуется *Российская империя — the Russian Empire, czarist Russia — царская Россия*.

e.g. *the Russian Empire* — successor state to Muscovy. Formally proclaimed by Tsar Peter the Great in 1721 and significantly expanded during the reign of Catherine II, becoming a major multinational state. The empire’s political structure collapsed with the revolution of February 1917, but most of its territory was included in the Soviet Union, which was established in 1922.

e.g. This work spans the time from the earliest beginnings of the Russian nation (among the ancient Eastern Slavic tribes) to the end of *czarist Russia* and on through the rise and fall of the Soviet Union [Gale Encyclopedia..., 2004].

После 1917 года появляются названия *a centralized Soviet state / the Soviet Union*:

e.g. Some communists favored a centralized *Soviet state*, while nationalists wanted autonomy for the borderlands [Russia..., 1996].

e.g. By 1936, *the Soviet Union* included eleven republics [ibid.].

Особого внимания заслуживает официальное название страны с 1922 г.: *Союз Советских Социалистических Республик — the Union of Soviet Socialist Republics / СССР — the USSR*.

The USSR. Successor state to the Russian Empire. Officially founded by Vladimir I. Lenin, head of the Russian Communist Party (Bolshevik), in 1922. Dissolved on December 25, 1991 [ibid.].

Дело в том, что аббревиатура *the USSR* используется в исторических текстах при описании периода возникновения государства с таким названием. Далее историки предпочитают использовать *the Soviet Union* вплоть до 1991 г.

Соответственно в атрибутивной функции используется *Soviet / the Soviet Union*’s:

e.g. By the summer of 1991, the United States-*Soviet* relationship showed renewed signs of momentum (ibid.).

e.g. In December 1988, the Supreme Soviet approved formation of a Congress of People's Deputies, which constitutional amendments had established as *the Soviet Union's* new legislative body (ibid.).

В рамках Союза существует РСФСР (*Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика*) — *the RSFSR (the Russian Soviet Federated (Federative) Socialist Republic)*. В словарях и энциклопедиях подобные названия ещё и транслитерируются с кириллицы на латиницу, чтобы воспроизвести их звучание максимально точно к языку оригинала и исключить разночтения.

Russian Soviet Federated Socialist Republic (Rossiyskaya Sovetskaya Federativnaya Sotsialisticheskaya Respublika — RSFSR). Official name of the largest of the fifteen union republics of the Soviet Union. Inhabited predominantly by Russians, the RSFSR comprised approximately 75 percent of the area of the Soviet Union, about 62 percent of its population, and more than 60 percent of its economic output [ibid.].

Новый период в развитии государства наступает в 1993 г., когда согласно Новой Конституции страна обретает новое название *Россия (Российская Федерация) — Russia (the Russian Federation)*.

Прилагательные *русский/российский* переводятся *Russian*, поскольку в современном английском языке не появилось эквивалентной замены для *Russian* при передаче понятия *российский*. Знаменитая «История государства Российского» Н.М. Карамзина по-английски звучит “History of the Russian State”. Другие примеры:

e.g. Российская демократия — Russian democracy,
Российская империя — The Russian empire.

В атрибутивной функции все чаще используется существительное *Russia* в притяжательном падеже (*Russia's*).

e.g. The chaos and hardship that resulted from *Russia's* entry into World War I in 1914 were exacerbated in the years that followed [ibid.].

В сложных прилагательных, включающих компонент *русско-* в английском языке существует особая форма *Russo-*.

e.g. The *Russo-French* alliance gradually became strained [ibid.].

Следует отметить тенденцию, зафиксированную в современной прессе и документах последнего десятилетия, связанную с предпочтительным употреблением сложных прилагательных с компонентом *русско-* в форме *Russian, Russia*.

e.g. The result is that stormy days lie ahead for *US-Russia relations*, many say. Progress on issues like missile defense and *NATO-Russia relations* is likely to remain stalled — and could suffer serious setbacks if the Syria and Iran crises deteriorate further (Christian Science Monitor, March 3, 2012).

Однако эта тенденция не распространяется на термины исторической науки, что отражено в следующих примерах: *the Russo-Japanese War, the Russo-Chinese Bank, the loose Russo-Prussian entente* и т.д., где компонент *Russo-* сохраняется без изменений.

Подводя итоги, можно представить изменения названий Российского государства и их английских соответствий в виде следующей таблицы.

Период	Название на русском языке	Название на английском языке
Ранний период (до конца XV в.)	Русь Древняя Русь Древнерусское государство Киевская Русь	Rus' Rus the First Russian State Early Russia Medieval Russia Kievan Rus' the Kievan state the state of Kievan Rus' Kievan Russia
XIII—XV вв.	Московское княжество Москва Русское государство Российское государство	the principality of Muscovy the grand duchy of Muscovy the grand duchy of Moscow Muscovy the state of Muscovy Muscovite Russia the Russian state
XVI—XVII вв.	Московское государство (с 1547 г.) Россия (с конца XV в.)	the tsardom of Muscovy the Muscovite tzardom Early Imperial Russia the Russian autocratic state
XVIII в. до 1917 г.	Российская империя (1721) царская Россия	the Russian Empire czarist Russia
С 1917 по 1991 г.	Советский Союз Советское государство СССР Союз Советских Социалистических Республик	the Soviet state the Soviet Union the USSR the Union of Soviet Socialist Republics
С 1991 по наст. вр.	Россия Российская Федерация	Russia the Russian Federation

Широкий спектр представленных переводов позволяет исследователю воспользоваться любым из существующих эквивалентов, соотнеся это с периодом и реалиями, чтобы адекватно общаться и писать на профессиональные темы.

Список литературы

- Большая советская энциклопедия. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/>
Историческое образование. Программы общих курсов / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- Миньяр-Белоручева А.П.* Англо-русский исторический словарь. М., 1994.
- Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.* Средства выражения исторического времени в свете политкорректности // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Лингвистика. Вып. 8. № 2 (135). Челябинск, 2009. С. 24—28.
- Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я.* Основы курса истории России. М.: Простор, 1997. 651 с.
- Планк М.* Единство физической картины мира. М., 1966 С. 25—43.
- American Heritage Dictionary. <[education.yahoo.com](http://education.yahoo.com/reference/dictionary/)>reference/dictionary/>
British National Corpus. <natcorp.ox.ac.uk>
Columbia Encyclopedia. <[education.yahoo.com](http://education.yahoo.com/reference/encyclopedia/)>reference/encyclopedia/>
Encyclopedia Britannica. <britannica.co.uk>
- Fennell J.* The Crisis of Medieval Russia 1200—1304. L.: Longman, 1983.
- Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus 750—1200. L.: Longman, 1996.
- Gale Encyclopedia of Russian History / Ed. J.R. Millar. N.Y.: MacMillan Reference USA, 2004. 1507 p. 4 vols. http://ebookey.org/Gale-Encyclopedia-Of-Russian-History_296419.html
- Kaiser D.H.* The Growth of Law in Medieval Russia. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1980.
- Kaplan R.B.* Cultural thought patterns in inter-cultural education // Language learning. 1966. Vol. 16.
- Martin J.* Medieval Russia 980—1584. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1995.
- Planck M.* Die Einheit des physikalischen Weltbilds // Physikalische Zeitschrift. 1909. Bd. 10. S. 62—75.
- Riasanovsky N.V.* A History of Russia. Fourth edition. NY-Oxford: Oxford University press, 1984.
- Ritter R.M.* The Oxford Guide to Style. Oxford: Oxford University Press. 2002.
- Russia: A Country Study / Ed. E. Curtis Glenn. Washington: GPO for the Library of Congress, 1996. <http://countrystudies.us/russia/>
- Shchapov Y.N.* State and Church in Early Russia, Tenth — Thirteenth Centuries. New Rochelle (NY): Aristide D. Caratzas, 1993.
- Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven (CT): Yale University Press, 1948.

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Л.И. Чович,

профессор, доктор филологических наук философского факультета
Косовомитровского университета (Сербия)

**МОНОГРАФИЯ СОФИИ МИЛОРАДОВИЧ «МУЗИЧКИ
ЖАРГОН МЛАДИХ И МОЛОДЕЖНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ
СЛЕНГ. КОМПАРАТИВНИ ПОГЛЕД». Етнографски институт
САНУ (суиздавач: Институт за српски језик САНУ), Посебна
издања, књ. 76, Београд, 308 с.**

Монографија објављена на сајте <http://www.etno-institut.co.rs/cir/monografije/76.php>

Мне бы хотелось начать с определения двух терминов в самом названии монографии Софии Милорадович «Музички жаргон младих и молодежный музыкальный сленг» — жаргон и сленг. Термин *сленг* появился в русской лексикологии относительно недавно. Как известно, проникновение этого слова в русский язык было связано с изучением англоязычных культур. Первоначально сленгом называлась исключительно иноязычная реалья, но в дальнейшем сфера употребления этого слова была расширена.

Взгляды языковедов на сущность и природу сленга расходятся, и исследователи употребляют для его обозначения разные наименования: *социальный диалект, групповой диалект, профессиональный язык, или, социолект*, а также *жаргон, сленг и арг* (Грачёв Елистратов, Ерофеева, Скворцов, Стойко, Яклова и др.). Всё это не может не влиять на семантическую размытость самого понятия «сленг», что, как и терминологическая неоднозначность и противоречивость в категоризации субстандартной лексики, служит причиной сохранения понятийной неопределённости. Таким образом, в современной лингвистике не существует единого понимания этих терминов. Для одних исследователей *сленг* — это особая исторически сложившаяся нестандартная (вторичная) подсистема русского языка, реализующаяся главным образом на лексическом уровне, бытующая в основном в сфере устной речи. А *жаргонизмы* — это, как правило, эмоционально-оценочные экспрессивные образования, среди которых преобладают негативные снижающие номинации, поэтому и сам термин обычно воспринимается как знак отрицательно-оценочной окраски. У жаргонизма почти всегда имеется семантическая параллель в литературном языке.

Для других, таких как А.И. Мазурова, Т.Г. Никитина, В.М. Мокиенко, как и для автора данной монографии Софии Милорадович эти термины тождественны. Для них *сленг* — это практически открытая подсистема ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическая разновидность, или особый речевой регистр, предназначенный для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски (обычно негативной). Сленг — это надсоциальный жаргон, интержаргон, по выражению Б.А. Серебренникова или, иначе общий жаргон (по Ермаковой, Земской), т.е. совокупность популярных, но субстандартных слов и речений, привлекаемых из частных жаргонных подсистем лексики, открытая система. В настоящее время сленг можно встретить в речи не только молодёжи, но и среднего поколения, в среде людей малообразованных и интеллигентных.

Следует отметить, что тема, выбранная автором для исследования, весьма сложная, многоаспектная и междисциплинарная. Нужно иметь, кроме лингвистических знаний, энциклопедической эрудиции, языкового чутья и таланта исследователя, смелость «окунуться» в русский мир жаргона и представить в виде монографии, состоящей из введения («Прелюдия» и «Вступительные аккорды: О жаргоне и всё, что связано с жаргоном» — с. 9—48); пяти глав (I. «Ледило свирка у Београду» / «Концерт-оттяг в Белграде» — с. 49—90); II. «Жаргонско сећање: све било је музика» / «Память жаргона: Всё это было музыка» — с. 91—106; III. «Гнать веселуху у Москви» / «Гнать веселуху в Москве — с. 107—184; IV. «Обратни музички поглед на жаргонизме» / «Обратный музыкальный обзор жаргонизмов» — с. 185—206; V. «Сличности и разлике: музички жаргон младих и молодежный музыкальный сленг» / «Сходства и различия: музыкальный жаргон и молодежный музыкальный сленг» — с. 207—232); заключения («Заключительные аккорды» — с. 233—234), необыкновенно важных и нужных семи приложений — словарей музыкального жаргона (1. «Београдски омладински музички жаргон» — с. 235—244; 2. Т.Г. Никитина, Толковый словарь молодёжного сленга (издвојени жаргонизми из музичке сфере употребе) с. 245—256; 3. Драгослав Андрић, речник жаргона (издвојени жаргонизми из музичке сфере употребе) — с. 257—262; 4. Б. Герзић / Н.Герзић, Речник савременог београдског жаргона (издвојени жаргонизми из музичке сфере употребе) — с. 263—265; 5. Драгослав Андрић, Речник жаргона (обратни музички поглед) — с. 266—270; 6. Б. Герзић / Н. Герзић, Речник савременог београдског жаргона (обратни музички поглед) — с. 271—272; 7. Т.Г. Никитина, Толковый словарь молодёжного сленга (*обратни музички поглед*) — с. 273—274.) и объёмной библиографии.

Как пишет наш автор, «в данном исследовании скрестились музыка как *универсальный язык человеческой души* и сленг как создание устного общения молодых людей». Следует уточнить, что речь идёт о разновидности молодёжного сленга, относящейся к одной немаловажной сфере интересов молодых людей — к миру музыки (среди которых некоторые — *в ней*, а некоторые — *вокруг неё*), эмблематически подтверждающая также принадлежность индивидуума к определённой социальной группе и служащая им (что менее важно) способом утвердиться в этой группе. Таким образом, речь идёт о молодых людях, чья манера речи свидетельствует об их образе ощущения, восприятия и интерпретации *музыкального мира*. Или, иными словами, слушая их, мы узнаём, каким образом мир музыки отражается в языке этой социальной группы. У гетерогенной группы молодых людей, различающихся своим социальным статусом и образованием, всё-таки имеется один общий коммуникативный код (словарь), связанный как с музыкальным контекстом, так и с реалиями и понятиями в сфере музыки. «Инициатором» данной темы, исследованием которой я занимаюсь, была не степень изученности сленга в сербском языкознании, особенно в сравнении с русским, где уделяется значительно больше внимания изучению нестандартной лексики и фразеологии, а однажды перелистанный мною *Толковый словарь молодёжного сленга* Т.Г. Никитиной, опубликованный в Москве в 2003 г. Ознакомившись с материалом упомянутого толкового словаря молодёжного сленга, в 2008 г. я составила вопросник (115 вопросов с подвопросами), с помощью которого я попыталась как можно больше охватить «репертуар» музыкальной жаргонной лексики части популяции молодых людей в Белграде. Кроме того, некоторые музыкальные жаргонизмы взяты из текстов, опубликованных в молодёжных журналах *Huper* и *Cool Girl*, равно как и из различных интернет-форумов на музыкальные темы; а отдельные музыкальные жаргонизмы мне удалось выделить, спонтанно слушая различные музыкальные передачи на отечественных телевизионных каналах. Таким образом, собрано более двухсот шестидесяти жаргонных лексем и словосочетаний, в числе которых было и около тридцати онимов. Список собранных лексем приложен в конце исследования в виде мини-словаря современного белградского молодёжного музыкального сленга (приложение 1). Из упомянутого русского словаря сленга, примерно с 2000 жаргонных статей, было выделено более трёхсот лексем — все, именующие музыкальные реалии и действия, а не только те, которые несут уточняющую помету данной лексемы — *муз.* Они были включены в ещё один мини-словарь музыкального сленга молодого поколения (приложение 2). В предлагаемом анализе жаргонных лексем использованы и данные *Словаря современного молодёжного жаргона* М.А. Грачёва, вышедшего

в Москве в 2006 г., а также данные интернет-порталов <http://www.gramota.ru/slovari/argo/> и <http://slovari.yandex.ru/> — с. 289—290.

Молодёжный жаргон воспринимается носителями не как единственно возможная языковая система, позволяющая добиться социальной изоляции, а как средство выражения эмоционального состояния говорящего, как некий речевой код, который меняется в зависимости от коммуникативной ситуации. Молодёжный жаргон даёт возможность реализовать креативную, идентифицирующую и коммуникативную функции, поэтому в общем тезаурусе преобладают *эмотивы, лексемы и фраземы* с ярким характерологическим смыслом. Значение жаргонизма не всегда могут сформулировать даже носители данного языка, что свидетельствует о том, что заимствование жаргонизмов происходит на формальном уровне, чему в значительной мере способствует использование социолектов в печати, кинофильмах, рекламной продукции, закрепляющими за лексемами определённый смысл и оценку.

Остановлюсь несколько подробнее на главе, посвящённой анализу русского музыкального жаргона, с оригинальным метафорическим названием — «Гнать веселуху в Москве», где даётся органическое соединение синхронического и диахронического подходов к анализу русских жаргонизмов. Диахронический аспект представлен имплицитно — как весьма удачная попытка объяснения этимологии русских жаргонизмов. Синхронический аспект представлен последовательным и тонким словообразовательным и лексико-семантическим анализами каждой жаргонной лексемы или фразеологизма, включая и описание их семантического объёма. Например, *Нога / Свелонogie шаль. / В ногу сверло шаль.* ← *Ногу свело:* Ова руска музичка група 186 добила је назив по изразу којим се означава да је некоме грч ухватио ногу. Прво наведено жаргонско именување настало је скраћивањем, док су називи *Свелонogie* и *В ногу сверло* настали као резултат игре речи. У првом је случају реч о специфичној каламбурској универбизацији, а у другом је каламбуром добијен читав жаргонски синтагматски оним, “ослоњен” на сличност звучања лексема *сверло* (‘бургија’) и *свело*, али — могуће је — и на *сврдлање* као веома непријатан осећај, па и бол, у нози коју је ухватио грч. — с. 160.

Проделанный Софией Милорадович сравнительный анализ представляет собой поиск универсальных элементов в этом неофициальном виде общения наряду с установлением того, что является отдельным национальным спецификом. Одним из фундаментальных образцов, на которых зиждется сленг, несомненно, является языковая игра. В центре этой творческой игры, основанной на противоречии и парадоксе, подчеркивает автор, — смех. В многочисленных, очень удачных метафорических реноминациях, в малочисленных сложных словах и несколько более многочислен-

ных так называемых усеченных основах в обоих языках, в жаргонных названиях музыкальных групп и исполнителей в русском языке, как и в гипертрофированной англицизации самим ярким образом проявляется карнавальная природа музыкального жаргона.

Первое впечатление таково, что у сербской и у русской молодежи жаргонный корпус в значительной степени возникает как ответ на удовлетворение коммуникативных потребностей (но одновременно и вкуса) членов данной популяции, что порождает и неологическое наименование тех музыкальных реалий и понятий, перед которыми кодифицированные национальные языки остались «немыми» наряду с неопровержимым удовлетворением их потребности в самоидентификации.

Если говорить о составе лексического корпуса музыкального сленга в русском и сербском языках в данной монографии, то надо сказать, что они вряд ли адекватны, так как сербскую часть материала для исследования София Милорадович собирала не только из словарей. Она проводила опросы, составляла анкеты, т.е. материал был собран на основе социолингвистических экспериментов. Видимо, следовало бы для сопоставления сделать аналогичное и на материале русского языка. Хочется также добавить, что в русском языке исследований, посвящённых только музыкальному жаргону, почти нет, и эти исследования, представляют собой составную часть работ, посвящённых изучению субстандартной лексики наряду с другими типами жаргонизмов.

В монографии рассмотрены способы возникновения жаргонных лексических единиц в сербском и русском музыкальных мини-словарях, т.е. автором высказаны основные соображения в связи: 1) со словообразовательными моделями и структурой жаргонных лексем, что включает и некоторые замечания о продуктивности и частотности отдельных лексем, как и о значениях, функциях некоторых из них, и подчёркивание характерных особенностей словообразовательного плана и 2) с семантико-мотивационными аспектами этих лексем, что подразумевает перечисление мотивирующих основ для наименования отдельных реалий; 3) наконец, была сделана попытка провести сравнительный анализ двух мини-словарей на синхронном уровне и осветить основные *структурные соответствия* между музыкальными жаргонами молодых людей в двух славянских музыкальных сферах.

Цель и задачи исследования обусловили использование **комплексной методики** анализа с применением ряда **способов** (наблюдение, интерпретация, моделирование) и **методов** исследования (описательный, сравнительно-сопоставительный, анкетирование, интервьюирование, включённое наблюдение, социолингвистиче-

ский эксперимент, метод корреляционного анализа и моделирования социально-детерминированной речевой деятельности).

Практическое значение работы. Результаты проведённых исследований могут найти применение в дальнейшем изучении, как жаргонной лексики, так и молодёжных субкультур в целом, при разработке теоретических курсов по социолингвистике и психолингвистике, а также спецкурсов по лингвокультурологии, лексике, фразеологии, стилистике и культуре речи. Зафиксированные лексемы и фраземы могут быть использованы при составлении и дополнении словарей социолектов.

Представлю некоторые выводы из монографии Софии Мило-
радович.

1. Жаргонизмы возникают морфологическим способом образования, путём семантического преобразования или заимствования, а очень часто — комбинированием нескольких перечисленных способов. В обоих проанализированных музыкальных жаргонах самые продуктивные — метафора и суффиксальное словообразование как способы образования анализируемых лексем. Даже беглым сравнительным анализом словообразовательно-семантических моделей, появляющихся в молодёжном музыкальном сленге, устанавливается большое сходство, иногда даже совпадение, словообразовательных средств в сербском и русском языках. Также надо отметить, что морфологическое словообразование музыкальных жаргонов в обоих языках зачастую взаимодействует с заимствованием иноязычных лексических единиц. Все же сравнения, касающиеся инвентаря словообразовательных средств анализируемых языков, как и их значения и употребление обнаруживают определенные, большие или меньшие различия.

Доля производных слов гораздо больше числа непроизводных, точнее — первых имеется в сербском и русском музыкальных мини-словарях примерно вдвое больше по отношению к упомянутым, вторым. Суффиксальный способ образования жаргонизмов преобладает как в сербском, так и в русском языках.

2. Что касается процентного соотношения существительных и глагольных слов в сербском и русском музыкальных жаргонах, то оно почти одинаково — первых имеется между 70 и 75%, а вторых — около 15%. На первый взгляд, разница существует из-за большего числа онимов в словаре Т.Г. Никитиной, но при более внимательном анализе словаря М.А. Грачёва, который без списка онимов, но содержит большее число арготизмов, оказывается, что музыкальных жаргонизмов, выраженных существительными, имеется около 75%, а глаголами — около 16%.

3. Музыкальные глагольные жаргонизмы главным образом — слова родного языка, в то время как в анализируемом материале обоих языков налицо примерно одна треть глаголов со словообра-

зовательными формантами родного языка, просоединёнными к заимствованиям в роли словообразовательных основ. Когда речь идет о приставочных глагольных лексемах, сербский материал гораздо скромнее.

Самым продуктивным способом возникновения новых жаргонных лексем, которым — как и можно было ожидать — является семантическое словообразование, а на первом месте находится метафоризация как вид семантического преобразования слова. Метафора — самое популярное, но и самое эффективное средство, «заимствованное» из родной, общей лексико-семантической системы. Сербские и русские музыкальные жаргонные лексемы принадлежат к самым различным типам метафорических ассоциаций, причем метафорическое преобразование проявляется не всегда в «чистом виде». Возникновение музыкальных жаргонизмов нередко является результатом метонимических процессов, иногда комбинированных с метафорическими. В обоих приложенных мини-словарях встречаются апресьяновские модели метонимии существительных типа *музыкальный инструмент — музыкант*, но гораздо чаще переформулированные в модель *жанр музыки — музыкант* или даже в модель *музыкальный школьный предмет — преподаватель*, для которых примеры можно отыскать среди белградских музыкальных жаргонизмов.

Когда речь идёт о жаргоне, в частности музыкальном, т.е. когда речь идёт об относительно открытом лексическом ряду, естественно было бы ожидать большую долю иностранной лексики и в сербском, и в русском жаргонных корпусах. При этом молодые люди, как носители этого жаргонного типа, становятся все более восприимчивыми к усвоению новой иностранной лексики, и привлекательность заимствованного слова среди членов молодёжной популяции очень высока. Большая часть этой лексики усваивается посредством слушания иностранных молодёжных музыкальных каналов, среди которых MTV самый известный, так что главным образом речь идёт об англицизмах, или точнее англо-американизмах, которые составляют около половины приложенного корпуса сербского и русского музыкальных жаргонов, свидетельствуя о выраженной интернационализации жаргонной словообразовательной системы.

Установлено, что самое развитое семантическое поле современного молодёжного сленга во многих языках — *человек*. Тем не менее, в обоих рассматриваемых множествах жаргонизмов находится незначительное число с данной архисемой, что, конечно, обусловлено типом социального подъязыка, рассматриваемого здесь, и с другой стороны — изобилующего именами музыкальных групп и их поклонников, как и некоторых видных исполнителей. В сербском и русском мини-словарях больше всего нейтральных назва-

ний, т.е. тех, которыми именуются лица или по жанру музыки, исполняемой ими, поклонниками которой они являются, или по типу инструмента, на котором они играют. В преобладающем числе этих номинаций находятся субстантивы иностранного происхождения. Для корпусов музыкальных жаргонизмов обоих языков имеет силу вывод, что количество примеров, в которых статус чей-то личности редуцируется, сводится к рамкам неполноценного модификатора, причем преимущественно для достижения комического эффекта, — незначительно.

Судя по тематической принадлежности метафорических единиц, в центре интересов создателей/пользователей сербского и русского музыкальных жаргонов находятся в первую очередь инструменты и музыкальное оборудование, жанры музыки, типы музыкальных собраний. Широка и тематическая палитра глагольной лексики, т.е. ряд лексико-семантических групп глаголов, которыми в сербском и русском музыкальных жаргонах называются «разнообразные», с музыкой и музыкальным исполнением связанные действия, состояния и события. Тут расположены и глагольные наименования с общими, центральными значениями, такими, как ‘танцевать’, ‘петь’ и ‘играть’; имеется и целый ряд специфических глагольных номинаций, необходимых для того, чтобы терминологически дифференцировать разные активности и процессы в музыкальном отрезке действительности.

Жаргонизмы в общем и целом, а следовательно, и те, которые использует сербская и русская молодёжь в конце XX и в первом десятилетии XXI в., несомненно свидетельствуют об их потребности в более оригинальных, более шуточных, более впечатляющих и метко бьющих выразительных средствах, и в соответствии с этим, также свидетельствует о весьма специфичной творческой силе языка.

Следует добавить, что «за кадром» осталась вторая половина работы — исследование фразеологизмов-жаргонизмов, относящихся к музыкальной сфере, и я искренно надеюсь на скорейшее появление нового исследования Софии Милорадович.

И, наконец, в заключение.

Монография Софии Милорадович — актуальная по теме и проблемная по научно-теоретической концепции. Особенностью её работы является тончайшее проникновение в языковые глубины, что характерно для носителей языка, а София изучала русский язык как иностранный. Начиная с оригинального названия работы, оригинальных названий глав, оригинального оформления обложки и кончая строгой последовательностью распределения материала, скрупулёзностью анализа, — всё это соответствует самым высоким требованиям, предъявляемым к подобным трудам.

Е. П. Иванова

Рецензия на монографию М.А. Марусенко. «Языковая политика Франции». — СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. — 624 с.

Представляемая монография известного российского специалиста в области языковой ситуации французского языка в различных ареалах его распространения в современном мире, заведующего кафедрой романской филологии СПбГУ профессора М.А. Марусенко [Марусенко, 2006, 2008, 2009], предлагает читателям новый взгляд на историю языковой политики Франции и эволюцию языковой политики Европейского Союза в аспекте лингвистической синергетики. Необходимо отметить, что исследования в сфере языковой политики являются одной из характеристик научной парадигмы современной лингвистики, начало которым было положено в 1970-е гг. в рамках становления основополагающих понятий социолингвистики. Однако в современную эпоху строительства единого наднационального государства в Европе, а также в связи с попытками сохранения языков межнационального и межгосударственного общения в других регионах (США, Африка, постсоветское пространство и т.д.) актуальность языковой политики приобретает особое звучание как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

В чём же особый интерес новой работы М.А. Марусенко для лингвистов-романистов, а также широкого круга специалистов и политиков, занимающихся проблемами языкового строительства? Прежде всего в комплексном рассмотрении истории, целей и задач языковой политики Франции на протяжении всей многовековой истории её существования от первых памятников возникновения романского языка VI—IX вв. до президентства Николя Саркози в XXI в. При этом историческая эволюция языковой политики прослеживается на фоне французской доктрины национального государства, а в современный период — в условиях процесса глобализации. Кроме того, обращает на себя внимание фундаментальность проведённого исследования — автор использовал обширный корпус ранее неизвестных отечественному читателю документальных источников (законы и декреты, постановления и тексты выступлений общественных и государственных деятелей, а также материалы, размещённые на сайтах государственных и официальных организаций), новейших работ французских и франкоязычных специалистов (бельгийских, квебекских, а также из стран бывшей

французской колонии) в области истории французского языка, политологов, социологов, историков (в общей сложности количество библиографических источников составляет около 600 наименований, с. 587—618). Это позволило ему опровергнуть целый ряд мифов, относящихся к французской языковой доктрине как с точки зрения истории формирования французского языка (ч. 1 «Языковая политика Франции от Капетингов до наших дней» с. 25—276), так и характеризующих современную языковую политику Франции (ч. 2 «Языки Франции, защита французского языка и языковая ситуация в современной Франции» с. 277—581). И наконец, указанные разделы исследования органично соотносятся с предлагаемой во введении, озаглавленном «Что такое языковая политика?» (с. 5—22), авторской трактовкой самого термина *языковая политика*, а также введение в научный оборот таких терминов как *языковое строительство*, *языковое планирование*, *языковые права* и т.п. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что фундаментальная работа М.А. Марусенко, в которой содержится исчерпывающий и комплексный анализ всей совокупности аспектов истории и современного состояния языковой политики во Франции знаменует качественно новый этап в исследованиях влияния общественных явлений на языковую политику, её этнических и социальных аспектов, а также типологии и вносит существенный вклад в общий корпус работ по данному вопросу.

Обращаясь к анализу теоретических аспектов языковой политики, автор рассматривает термин *языковая политика* как один из составляющих понятийную парадигму «языковая политика — языковое планирование — языковое развитие — языковое строительство — языковое регулирование». Известно, что термин *языковая политика* получил неоднозначное описание в отечественной и зарубежной лингвистике. В то время как большинство отечественных лингвистов исходят из определения А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, понимающих под языковой политикой совокупность мер, принимаемых государством или общественной группой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем или для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм, зарубежные социолингвисты (например, квебекские исследователи Д. Дау и Ж. Море) склоняются к многоязычному характеру общества, реализующего языковую политику. М.А. Марусенко полагает, что следует разделять понятие *языковой политики* как «системы субъективных мер, направленных на защиту и распространение языка», и *языковую ситуацию* как «результат реализации языковой политики в конкретных географических, исторических, экономических, политических, социальных и прочих условиях» (с. 3), при

этом обращает особое внимание на то, что термин *языковая политика* не следует трактовать в качестве синонима термина *языковое законодательство*, а применительно к Франции *языковая политика* включает в себя понятие *языкового строительства* и собственно *языковой политики*. Языковое планирование предполагает технику государственного вмешательства в функционирование языка, языковое строительство, со своей стороны, представляет собой их целенаправленную реализацию. В последние десятилетия количество исследований в сфере языковой политики значительно возросло в связи с актуальностью разработки программ регулирования языковой ситуации, эффективность которых во многом определяется этническими, социально-экономическими и социально-культурными условиями, характеризующими регион их реализации.

В этом плане несомненный интерес представляет первая часть «Языковая политика Франции от Капетингов до наших дней», включающая две главы, в которых автор рассказывает об исторических корнях языковой политики Франции и основных этапах становления французского языка как государственного и предлагает диахронический обзор языковой политики Франции с IX в. по настоящее время, анализирует социально-политические предпосылки и эволюцию языкового законодательства, а также рассматривает новейшие аспекты языковой политики.

Традиционно в исследованиях по истории французского языка с точки зрения периодизации языковой политики Франции выделяются три основных этапа: период, охватывающий промежуток с IX в. до Французской революции, затем от Французской революции до 1960-х гг. и период новейшей языковой политики. В рецензируемой работе детально рассматриваются не только документы, относящиеся к теме языковой политики перечисленных периодов, но и более ранние исторические памятники периода возникновения романского языка в VI—IX вв., такие как Страсбургские клятвы, Верденский договор 843 г., Ордонанс Вилле-Коттре, а также затрагиваются вопросы франсизации языка права и провинциальных языков. Как уже отмечалось ранее, исследование опирается на новейшие работы и источники, что позволяет М.А. Марусенко не только открыть эти источники российскому специалисту, но и предложить новый взгляд на многие, казалось бы, непоколебимые представления относительно известных документов истории французского языка. Так, например, традиционно считалось, что текст Страсбургских клятв знаменовал рождение французского языка, потому что предыдущие тексты были написаны на латинском языке. Однако М.А. Марусенко, опираясь на мнение современных французских лингвистов, полагает, что этот текст в большей степени свидетельствует о появлении новой системы письменности

для того же самого языка и что в данном случае речь идёт о восстановленном тексте, предназначенном для восприятия на слух людьми, говорящими на разных языках (с. 102—103). Кроме того, в этой главе подробно рассматривается вопрос взаимосвязи якобы имевшего место распространения франсийского диалекта в регионе Иль-де-Франс в IX в. с легитимностью французских королей, анализируется процесс революционизации французского языка и языкового террора в эпоху Французской революции, раскрываются основные направления языковой политики Французской империи и Пятой республики, имеющей с момента возникновения ярко выраженный идеологический аспект. Автор убедительно демонстрирует, что Франция исторически проводила политику искоренения диалектов, претворяла в жизнь пуристические установки и осуществляла цензуру в сфере языка, на протяжении длительной истории французской государственности власть использовала французский язык в качестве средства своего становления.

Три главы второй части монографии (гл. 3 «Языки Франции», гл. 4 «Защита французского языка», гл. 5 «Языковая ситуация в современной Франции») представляют широкую панораму языковой ситуации в современной Франции и в бывших колониях Франции (Алжир, страны Субсахарской Африки, Вьетнам), положения региональных и миноритарных языков (бретонский и языки заморских департаментов), а также раскрывают основные направления защиты французского языка мерами государственного регулирования (Закон об использовании французского языка от 31 декабря 1975 г., Закон Тубона и пр.), нацеленных на обеспечение реализации права граждан на французский язык. Угроза утраты функциональных сфер и массовое заимствование из британского и американского вариантов английского языка в результате глобализации привели к возникновению языкового законодательства в области французского языка. Так, Закон Тубона стал, по сути, первым правовым документом, определяющим статус французского языка во всех основных видах общественной деятельности и предоставляющим возможность властям и соответствующим организациям осуществлять контроль за положением французского языка в данных функциональных сферах. Однако М.А. Марусенко удаётся аргументированно показать изменение вектора государственной языковой политики, произошедшее за последнее десятилетие, которое формулируется автором следующим образом: от защиты французского языка к многоязычию. Традиционное укрепление монополии французского языка, французский языковой шовинизм, первоначально реализуемый в том числе и в аспекте франкофонии, под воздействием различных институтов Европейского Союза, глобализации и давления наднациональных полити-

ческих структур уступает место необходимости коррекции структуры национальной языковой политики страны и включения региональных языков в языковую политику Франции XXI в. Этот важнейший аспект новейшей внутренней языковой политики Франции исследуется в работе с привлечением обширной фактологической документалистики — данные по распределению изучающих французский язык в Евросоюзе, положению французского языка в ООН и других международных организациях, материалы по делу о европейских патентах — общеевропейской инициативе, реализация которой привела к вытеснению французского языка из сферы технической документации. Остаётся добавить, что текст монографии сопровождается 14 цветными рисунками, в наглядной форме представляющими основную географическую и статистическую информацию, связанную с языковой политикой Франции в различные хронологические периоды её истории.

Представляемая работа несомненно выходит за тематические рамки собственно лингвистического исследования и будет интересна не только специалистам в области истории, этно- и социолингвистики, но также широкому кругу читателей, не равнодушных к общественно-политическим процессам в мировом языковом пространстве в эпоху глобализации, в частности интеграции иммиграционного и языкового направлений национальной политики. В этом плане более чем актуально звучит сегодня высказывание автора, формулирующего вывод о превращении Франции из моноязычного государства в страну с законодательно закреплённым многоязычием: «Неизбежность этого болезненного и трудного процесса нужно осознать и другим номинально моноязычным странам, желающим вступить в Европейский союз» (с. 586).

Список литературы

Марусенко М.А. Квебекский язык. СПб., 2006.

Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки. Т. 1. СПб., 2008.

Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки. Т. 2. СПб., 2009.

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);
- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;
- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;
- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;
- *примечания* в виде подстраничных сносок;
- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;
- данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1-й учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

**Международный молодёжный
научно-практический форум**

«Языки. Культуры. Перевод»

30.06. 2013—10.07.2013

Место проведения: г. Салоники (Греция)

**Организатор — Высшая школа перевода (факультет) Московского
государственного университета
имени М.В. Ломоносова**

Форум проводится при содействии:

Генерального консульства Российской Федерации в г. Салоники
Российского центра науки и культуры при Посольстве Российской
Федерации в г. Афины

Центра исследования и развития греческой культуры
стран Причерноморья

Областной администрации Центральной Македонии

Центра русского языка и культуры «Мирь» в г. Афины
Издательства «Златоуст»

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в I Международном молодёжном научно-практическом форуме «Языки. Культуры. Перевод».

Во время форума планируются выступления и дискуссии по следующим направлениям:

1. Русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации:

- теоретические проблемы обучения русскому языку в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации;
- современная речевая культура: соотношение системы, узуса и нормы;
- традиции и инновации в современных концепциях обучения русскому языку;
- научный дискурс в иноязычной аудитории;
- политический дискурс в иноязычной аудитории;
- деловой дискурс в иноязычной аудитории;
- художественный текст в иноязычной аудитории;
- опыт создания национально ориентированных словарей, учебников и учебных пособий;
- новые подходы к организации обучения РКИ: методы и технологии, учебники и учебные пособия, программы и планирование, контроль и тестирование;
- пути повышения мотивации изучения русского языка в современном мире.

2. Теория, история и методология перевода:

- общая теория и методология перевода;
- история перевода;
- лингвостилистические аспекты перевода;
- интерпретация художественного текста и перевод;
- вопросы взаимодействия культур в художественном переводе;
- русская литература в переводах на языки мира.

3. Культурная антропология и межъязыковая коммуникация:

- взаимодействие языков и культур;
- эволюция русской языковой картины мира: от исследований к дидактике;
- вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации;
- национальный менталитет народа в зеркале различных семиотических систем;
- межкультурная асимметрия и культурные универсалии;
- межъязыковая коммуникация и этнография;
- культурно-этические и социально-психологические аспекты межъязыковой коммуникации;
- вопросы коммуникации в сфере туризма.

Информацию о форуме Вы можете найти на официальном сайте Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: www.esti.msu.ru

Дополнительную информацию можно получить по электронной почте: info_gusprevod@mail.ru или по телефону: 8 (495) 939-44-82.

Будем рады сотрудничеству с Вами!

III Международная научно-практическая конференция

«Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и перевода»

26.04.2013–01.05.2013

Место проведения: г. Салоники (Греция)

Организатор – Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Конференция проводится при содействии:

Генерального консульства Российской Федерации в г. Салоники
Российского центра науки и культуры при Посольстве Российской Федерации
в г. Афины

Центра исследования и развития греческой культуры стран Причерноморья
Областной администрации Центральной Македонии

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в III Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе».

На конференции планируются выступления и дискуссии по следующим направлениям:

1. Русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации:

- теоретические проблемы обучения русскому языку в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации;
- речевая культура переводчика: соотношение системы, узуса и нормы;
- современные концепции обучения русскому языку;
- проблемы лингводидактического описания и преподавания русской фонетики, лексики, грамматики в практике преподавания РКИ;
- научный и художественный текст в иноязычной аудитории;
- опыт создания национально ориентированных словарей, учебников и учебных пособий;
- новые подходы к организации обучения РКИ: методы и технологии, учебники и учебные пособия, программы и планирование, контроль и тестирование;
- пути повышения мотивации изучения русского языка в современном мире;

2. Дидактика перевода:

- новые образовательные стандарты и компетентностный подход при обучении переводу;
- доцимология и методы оценки;
- модели обучения: рациональное, контекстное и когнитивное обучение;
- общая теория и история перевода в системе подготовки переводчика;
- методологии перевода: цели, задачи, содержание курса;
- учебники и учебные пособия: опыт создания, опыт использования;
- компьютерные и информационные технологии в обучении переводу;
- профессия переводчик: отраслевые разновидности.

3. Культурно-антропологические аспекты межъязыковой коммуникации:

- культурно-антропологический аспект обучения русскому языку;
- эволюция русской языковой картины мира: от исследований к дидактике;
- вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации;
- национальный менталитет русского народа в зеркале различных семиотических систем.

Информацию о конференции Вы можете найти на официальном сайте www.estl.msu.ru Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Дополнительную информацию можно получить по электронной почте: info_ruspreved@mail.ru или по телефону: 8 (495) 939-44-82.